

Луганський гуманітарний центр
Луганський державний університет
внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка
Кафедра кримінології та соціології
Лабораторія кримінологічних
і соціологічних досліджень

Кримінальна субкультура як фактор злочинності

Кримінологічні дослідження

Випуск 2

Луганськ
2008

УДК 343.9.01+343.97] (063)
ББК 67.99 (4 Укр) 308 я 43
К-82

Редакційна колегія: Є. Гнатенко, канд. філос. наук (Луганськ, Україна); Т. Денисова, канд. юрид. наук (Запоріжжя, Україна); Х. Курі, проф. кримінології (Фрайбург, Німеччина); Б. Нагорний, д-р соц. наук (Луганськ, Україна); В. Поклад, канд. філос. наук (Луганськ, Україна) – головний редактор; Ю. Приколотіна (Луганськ, Україна) – відповідальний секретар; І. Руценко, д-р соц. наук (Харків, Україна); І. Топольскова, канд. юрид. наук (Луганськ, Україна)

Усі статті та дослідження подано в авторській редакції

*Рекомендовано вченою радою Луганського державного університету
внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка (протокол № 10 від 25.12.2007 р.)*

**К-82 Кримінальна субкультура як фактор злочинності: Кримінологічні дослідження: Вип. 2 / Луган. гуманіт. центр; Луган. держ. ун-т внутр. справ ім. Е.О. Дідоренка; [Гол. ред. канд. філос. наук В.І. Поклад]. – Луганськ: РВВ ЛДУВС, 2008. – 200 с. – Текст укр., рос. – Резюме: англ.
ISBN 978-966-2905-37-3**

Збірник містить доповіді та наукові статті, підготовлені за результатами конкурсу кримінологічних досліджень молодих учених (2006 р.) і представлені на міжвузівській науково-практичній конференції "Кримінальна субкультура як фактор злочинності" (м. Луганськ, 26 – 27 жовтня 2006 року). До збірника також включено матеріали "круглого столу" "Кримінальна субкультура – правосвідомість – злочинність".

Збірник розрахований на науковців, ад'юнктів, аспірантів, курсантів і студентів, а також тих, хто зацікавлений у дослідженні причин і умов злочинності та заходів щодо її попередження.

УДК 343.9.01+343.97] (063)
ББК 67.99 (4 Укр) 308 я 43

ISBN 978-966-2905-37-3

© Луганський гуманітарний центр, 2008
© Луганський державний університет
внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка, 2008

Lugansk Humanitarian Centre
Lugansk State University of Internal Affairs
named after E.A. Didorenko
Sub-faculty of Criminology and Sociology
Laboratory of Criminological and Sociological Studies

Criminal Subculture as a Factor of Criminality

Criminological studies

Edition 2

Lugansk
2008

УДК 343.9.01+343.97] (063)

C-82

Editorial board: *E. Gnatenko*, Candidate of Philosophy (Lugansk, Ukraine); *T. Denisova*, Candidate of Jurisprudence (Zaporozhye, Ukraine); *H. Kury*, Professor of Criminology (Freiburg, Germany); *B. Nagorny*, Doctor of Sociological Studies (Lugansk, Ukraine); *V. Poklad*, Candidate of Philosophy (Lugansk, Ukraine) – chief editor; *Yu. Prikolotina* (Lugansk, Ukraine) – responsible secretary; *I. Rushchenko*, Doctor of Sociological Studies (Kharkov, Ukraine); *I. Topolskova*, Candidate of Jurisprudence (Lugansk, Ukraine)

All articles and researches are edited by the authors

*Recommended by the Academic Council of Lugansk State University
of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (record № 10 from 25.12.2007)*

C-82 Criminal Subculture as a Factor of Criminality: Criminological Studies: Edition 2 / Lugansk Humanitarian centre, Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko; [The Head Editor Candidate of Philosophy V. Poklad]. – Lugansk: PD LSUIA, 2008. – 200 p. – Text Ukrainian, Russian. – Resume: English.

ISBN 978-966-2905-37-3

This collection of articles contains reports and scientific articles that have been prepared for the contest of the young scientists' researches in the sphere of criminology (2006) and were presented at the intercollegiate scientific practical conference "Criminal Subculture as a Factor of Criminality" (Lugansk, the 26th – 27th of October, 2006). The volume also includes materials of the round-table discussion on the problem "Criminal subculture - legal conscience - criminality".

The given materials are intended for scientists, post-graduate students, candidates, cadets, students and the others interested in the research of reasons and conditions of criminality.

УДК 343.9.01+343.97] (063)

ISBN 978-966-2905-37-3

© Lugansk Humanitarian Centre, 2008

© Lugansk State University of Internal Affairs
named after E.A. Didorenko, 2008

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В отечественной криминологии долгое время проблема криминальной субкультуры пребывала на периферии научного внимания. Доминирование нормативистской методологии (в соединении с ее идеологической верификацией) в криминологических исследованиях приводило к априорному отрицанию наличия в "антисоциальной" среде каких-либо элементов культуры. Если стоять на позициях данного подхода, то, действительно, о какой культуре можно вести речь применительно к сообществу, отличительными признаками которого являются аморальность, конфликтность, пренебрежение социальными нормами и ценностями?

Однако в науке оценивание какого-либо явления и последующее игнорирование вследствие негативной оценки не может заменить его объяснения. Поэтому и в отечественной криминологии в последнее время стали обращать внимание на устойчивые механизмы поддержания и воспроизводства криминогенности в обществе.

Настоящий сборник представляет исследования главным образом молодых ученых (студентов, аспирантов, адъюнктов), посвященные различным аспектам криминальной субкультуры. Интересным, на наш взгляд, является соединение в одном издании различных подходов. Прежде всего юридического и социологического. Именно такой синтез в современной науке является условием повышения качества изучения криминальных явлений.

Научный анализ криминальной субкультуры предполагает в первую очередь определение методологии изучения данного феномена. В этом контексте чрезвычайно интересными являются размышления И. Рущенко о взаимосвязи нормативной и криминальной культур, а также о структуре криминальной субкультуры (Рущенко И. Изучение криминальной субкультуры: методоло-

гические проблемы). Нашли свое отражение в сборнике и попытки рассмотрения криминальной субкультуры с позиций макро-социального анализа (Кисиль З., Удовенко М. Роль криминальной субкультуры и молодежи в культурно-трансформационных процессах; Снегирев В., Толстик С. Криминальная субкультура как составная часть тоталитарного общества).

Особый интерес в настоящее время вызывает проблема выхода криминальной субкультуры из "андеграундного" состояния и широкое распространение ее элементов в современном обществе. Данная проблематика затрагивается в целом ряде публикаций настоящего сборника (Скорченко Ю. Некоторые аспекты изучения криминальной субкультуры; Пастухов В. Влияние криминальной субкультуры на преступность несовершеннолетних и др.). При этом метастазы субкультурной криминализации проникли даже в те сферы общественной жизни, которые по определению должны быть максимально очищенными от влияния криминальной среды (Диковенко К. Соккрытие фактов преступных действий работниками ОВД как связующий элемент криминальной и профессиональной субкультур; материалы "круглого стола" "Криминальная субкультура – правосознание – преступность").

Наиболее глубоко изученными в отечественной криминологии являются различные аспекты субкультуры заключенных. Достаточно нетрадиционным в этом контексте можно назвать использование виктимологического подхода в анализе функционирования криминальной субкультуры (Кури Х., Поклад В. Проблема изучения преступника как жертвы в современной криминологии). Вместе с тем, в сборнике представлены также работы, выполненные в русле традиционного изучения субкультуры мест лишения свободы (Черняева Н. Криминальная субкультура в местах лишения свободы как фактор преступности; Шамриленко И. Влияние криминальной субкультуры на личность несовершеннолетних осужденных).

Весьма ценным для развития криминологии является локализация предмета исследования, позволяющая провести более тщательный анализ проблемы на примерах максимально конкретизированных явлений. Применение общих теоретических построений к осмыслению конкретных феноменов также представлено в материалах сборника (Литвинов В. Криминальная субкультура и

хулиганство; Калмыков Д. Молодежная компания как фактор, влияющий на первое употребление наркотиков; Ступак А. Отклоняющееся от норм поведение несовершеннолетнего как следствие навешивания на него ярлыка девианта; Кучирка Ю. Субкультурные признаки личности преступника).

Большое внимание в материалах сборника уделяется проблемам влияния криминальной субкультуры на молодежь (Пастухов В. Влияние криминальной субкультуры на преступность несовершеннолетних; Тигиева Ф. Влияние средств массовой информации на распространение криминальной субкультуры несовершеннолетних; Карсакова Э. Влияние криминальной субкультуры на правовую социализацию несовершеннолетних и др.), что можно объяснить возрастом большинства авторов, усиливающим для них актуальность именно этой тематики.

Естественно, за пределами внимания авторов не могла остаться проблема трансляции различных элементов криминальной субкультуры через средства массовой информации (Давыдов В. Влияние средств массовой информации на распространение криминальной субкультуры; Ларина П., Денисов С. Культурологический взгляд на молодежную преступность; Зуева Е. Влияние фильмов с элементами криминальной субкультуры на поведение несовершеннолетних; Чорный А. Влияние песен с криминальным содержанием на молодежь).

В материалах исследований молодых ученых можно найти немало ценных предложений по минимизации воздействия криминальной субкультуры на различные категории населения, прежде всего на молодежь (Назимко Е. Пропаганда уголовного законодательства как противодействие криминальной субкультуре и др.). При этом рассматривается и зарубежный опыт (Жукова Т., Денисов С. Противодействие преступности несовершеннолетних и молодежи в Италии).

В качестве попытки синтезировать различные подходы и точки зрения к проблеме криминальной субкультуры следует рассматривать материалы "круглого стола" "Криминальная субкультура – правосознание – преступность". Участие в обсуждении представителей различных отраслей науки и практики (философов, религиоведов, правоведов, социологов, психологов, политологов, сотрудников милиции, журналистов, предпринимателей) позво-

лило провести комплексный, всесторонний анализ проблемы и выдвинуть целый ряд интересных предложений по ее решению.

Представляемые вниманию читателей материалы не могут, естественно, отразить все многообразие проблематики криминальной субкультуры. Тем не менее, надеемся, что усилия молодых ученых внести свой вклад в развитие криминологии не останутся незамеченными широкой научной общественностью.

В.И. Поклад,
*главный редактор сборника,
заведующий кафедрой криминологии и социологии
Луганского государственного университета внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко, кандидат философских наук*

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
"КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ"**

**ИЗУЧЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

И.П. Рущенко

(Харьковский национальный университет внутренних дел)

Исследования криминальной субкультуры в отечественной науке имеют свою историю, где чисто гносеологические аспекты тесно переплетаются с политическими моментами. До конца 80-х гг. XX ст. тема криминальной субкультуры как таковая отсутствовала на страницах открытых изданий. Существовал ограниченный круг пособий для практических работников милиции, где освещались некоторые вопросы, связанные с криминальной субкультурой, и все они имели гриф "для служебного пользования". Своего рода прорыв состоялся в 1990 г., когда в условиях горбачевской перестройки и в рамках политики гласности свет увидели две достаточно примечательные книги. Первая вышла под заглавием "Уголовная Россия" и принадлежит перу Валерия Чалидзе¹. В предисловии автор указывает, что сбор материалов для книги был завершён ещё в 1975 г., т.е. текст ожидал "политического потепления". Кстати, в приложении В. Чалидзе поместил словарь воровского жаргона, который был издан для служебного пользования отделом уголовного розыска управления милиции г. Киева в 1964 г. Вторая книга – "Профессиональная преступность: прошлое и современность" – написана Александром Гуровым². Обе

¹ См.: Чалидзе В. Уголовная Россия. – М.: ТЕРРА – TERRA, 1990.

² См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990.

очень скоро превратились в бестселлеры, объекты для подражания и источник информации об уголовном мире для других авторов. В 90-е гг. уголовная тематика стала модной, она заняла "ударную" позицию на книжном рынке, и читатель мог найти самую различную по характеру и качеству литературную продукцию. Но доля чисто научного сегмента, лишённого рыночной конъюнктуры, бездумного плагиата и не основанного на компиляции, остается незначительной и поныне. Однако ценность научных изданий не измеряется количеством проданных экземпляров или полученной прибылью, а определяется новизной постановки проблемы, наличием новых эмпирических данных и глубиной теоретических обобщений. За последние пятнадцать лет объектами изучения становились чаще всего так называемые "законы" криминального мира, иерархия статусов, жаргон, татуировки и блатной фольклор¹. На наш взгляд, менее заполненной нишей остается теоретико-методологическое осмысление феномена криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура как объект научного исследования имеет некоторые специфические свойства, понимание которых может привести к формулированию методологических принципов исследовательских работ в этой области. Необычность и своеобразие феномена связано с его местом в социуме. В целом эта проблема выходит за рамки обсуждаемого вопроса, поскольку касается архитектуры общества. Но это как раз тот случай, когда более узкая тема способствует постановке более широких теоретических вопросов. Итак, социальные системы можно рассматривать как целостности, имеющие две стороны – видимую и невидимую (если использовать аналогию с Луной). В каждом обществе есть свой андеграунд, темные, т.е. спрятанные от общих взглядов подсистемы. Преступность занимает здесь особое место как вечный спутник общественной жизни и достаточно изолированная сфера, если брать профессиональную и привычную преступность. Важно подчеркнуть, что онтологи-

¹ См.: Кучинский А. Законы преступного мира. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000; Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001; Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. – М.: Юриспруденция, 2001; Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Култ тату (криминальная и художественная татуировка). – М.: "ИД Юриспруденция", 2003; Блатная песня: Сборник. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001; Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: Права человека, 2002.

чески рассматриваемые подсистемы не являются чем-то альтернативным, имеющим свой собственный "строительный материал". Несмотря на внешние различия и несхожесть многих принципов, "андеграунд" вполне поддается исследованию в тех же категориях, что и "большой социум", к нему применимы большинство социологических закономерностей, впервые нашедших свое эмпирическое обоснование на материалах нормативного социального порядка. Онтологическое единство общества во всех его проявлениях – от жизни во дворцах до толкотни в притонах – является важнейшим базовым гносеологическим принципом, который делает современную социологию универсальным познавательным инструментом.

Единство или, лучше сказать, системность общества проявляется в социальной симметрии, делающей "светлую" и "темную" части взаимозависимыми сферами, когда изменения в одной приводят к переформатированию второй. Можно (с известной долей осторожности) говорить о принципе зеркального отображения, хотя следует признать, что социальное зеркало предстает скорее кривым зеркалом, которое отражает "большой социум" в позициях, отношениях, институтах, имеющих асоциальное содержание. Социальная симметрия или принцип зеркального отображения могут быть для исследователя важным руководящим началом, требующим: а) рассматривать криминальную субкультуру как превращенную господствующую культуру; б) искать причины изменений криминальной субкультуры в общей социальной динамике. Так, если в эпоху социализма при "короновании" претендент должен был предъявить две рекомендации от "воров в законе" с определенным стажем ношения "короны", то здесь четко просматривается зеркальное отображение известного советского института – прием в члены КПСС. И если сегодня криминологи фиксируют разрушение старых воровских правил, то здесь вполне очевидным является отражение общесоциетальной тенденции к ревизии старых принципов и норм жизни. И когда становится известным ранее неммыслимое – покупка воровской короны за деньги, то ведь и в большом социуме все продается: и проходное место в списке политической партии на выборах, и высшие чиновничьи должности, и еще многое другое. На смену аскетизму, пусть и показному, пришел безудержный гедонизм, и это справедливо для криминалитета так же, как и для истеблишмента. Мы не знаем определенно, каким будет криминалитет еще через двадцать лет, но он будет неким от-

ражением персоналий, структур и правил жизни легального социума.

"Светлые" и "темные" подсистемы разделяет невидимая грань, которая является условной красной линией, переступив которую законопослушный индивид опускается в андеграунд и может быть наказан в порядке криминальной репрессии. Каждая цивилизация проводит свои красные линии, и, вероятно, в этом кроется фундаментальное свойство культуры – отделение "злаков" от "плевел". Таким путем создаются цивилизационные площадки для социализации индивидов и последующих эволюционных шагов. Красные линии проводятся на первый взгляд весьма произвольно, хотя случайность здесь, скорее, кажущаяся – каждый подобный акт имеет определенное функциональное оправдание. В контексте изучения криминальной субкультуры можно сформулировать "принцип рэдлайна", суть которого в том, что исследователь должен найти тот ключевой момент, который разделяет явления криминальной и нормативной культур. В плане социальных действий критерий более или менее очевиден – норма уголовного закона. Но в культурном контексте ситуация разделения "злаков" и "плевел" выглядит не столь очевидной. Например, с эстрады, по радио звучит песенка, у которой есть автор, слова, мотив, исполнители, музыкальное сопровождение и самое главное – популярность "в широких массах". Тем не менее, мы можем считать ее примером так называемого блатного фольклора. Этот вывод требует от исследователя четкого представления о критериях разграничения. В условиях, когда мы наблюдаем эпидемическое расползание форм криминальной субкультуры, такая работа не лишена и практического смысла.

К методологическому аспекту исследования криминальной субкультуры, на наш взгляд, относится и вопрос о структуре феномена. В большинстве случаев авторы не идут дальше вполне очевидного "горизонтального" членения, которое включает основные формы криминальной субкультуры: ценности и нормы, сленг, фольклор, татуировки и т.п. Мы предлагаем взглянуть на явление в вертикально-системной плоскости. Криминальная субкультура являет собой определенную иерархию, где базовые подсистемы определяют значения, смыслы и содержание производных и факультативных элементов. Такой подход позволяет распознать, по крайней мере, три подсистемы, которые для наглядности можно представить в виде концентрических окружностей, об-

разующих (1) идеологическое ядро системы, (2) институциональную оболочку ядра, (3) субкультурную периферию. Они и образуют иерархию элементов криминальной субкультуры.

Идеологическое ядро – это совокупность базовых ценностей и мировоззренческих установок, идеологием, рожденными и охраняемыми преступным миром. В условиях сталинского социализма и благословенного "застоя", когда стабильности "большого социума" соответствовала определенность и ясность установок преступного мира, роль идеологического ядра исполняла так называемая "воровская идея". Примечательно, что словосочетание "воровская идея" отнюдь не научный термин, а одно из базовых понятий криминалитета. Это неписанный свод идеологических установок, который в свое время интуитивно достаточно однозначно понимался всеми "честными ворами". Он содержал такие базовые установки, как воровское братство и воровской эгалитаризм, идея кастовости и изолированности воровского сообщества от остального мира, принципиальное неприятие частной собственности и буржуазного образа жизни как ценности, и даже весьма туманную идею воровского мессианизма. Последняя, в частности, влиялась в настойчивую практику распространения криминального сознания и образа жизни в молодежной среде, что на сленге называлось "подтягивание пацанов и пацанок". Воровская идея находит свое выражение в базовых сленговых понятиях, своде воровских правил, знаковых текстах блатных песен и в определенном классе татуировок. Именно частичное разрушение или раздвоение воровской идеи в начале 90-х гг. означало функциональный и содержательный кризис криминальной субкультуры, которая стала в большей степени достоянием массовой культуры, нежели криминалитета.

Вторая подсистема (институциональная оболочка ядра) сводится к ряду институтов криминального мира. Само по себе существование институтов "невидимой" стороны социума может вызвать возражение, поскольку в социологии институты традиционно рассматривались как выражение и закрепление социального порядка. Но принцип социальной симметрии подсказывает, что в этом нет ничего странного: упорядочивать, рационализировать можно все, что угодно, в т.ч. и преступную деятельность. Правда, речь здесь идет об особом классе – так называемых неформальных и нелегальных институциях. В практиках криминального мира можно выделить несколько устойчивых ценностно-нормативно-ролевых комплексов: статусных, процедурных, органи-

зационных. К ним, по нашим наблюдениям, относятся процедуры коронования, организации воровской сходки, ведения воровского "общака" и некоторые другие институты. Они играли немаловажную роль в упорядочивании отношений в рамках традиционного уголовного мира на принципах воровской идеи. Новые времена принесли и новые институты в форме так называемых "понятий" с экономическим уклоном: "черный нал", "откат", "крыша", "доляшка". Эти новоявленные традиции релевантны более широкому кругу акторов, куда входят теневые дельцы и вполне рядовые бизнесмены, традиционный криминалитет, коррумпированные чиновники и политики. Но если "старые" институты были достаточно недвусмысленными, а игра не по правилам предполагала суровые санкции, то общий дух неопределенности нашей эпохи не дает сформироваться новейшим криминальным институтам в полном объеме.

Субкультурная периферия – это объемная и изменчивая часть криминальной субкультуры, объект массового творчества. Криминальный сленг, песенное и художественное творчество, правила тюремного общежития, азартные игры не имеют ограничений по определению, поскольку они всегда были продуктом массового и свободного творчества. В тоталитарную эпоху именно это делало криминальную субкультуру чем-то притягательным даже для определенной части интеллигенции, а сегодня стало предметом бесконечной коммерческой эксплуатации. Отметим, что системность феномена проявлялась в том, что, несмотря на свою кажущуюся спонтанность и вседозволенность, классическая криминальная субкультура была весьма чувствительной к более общим нормативным установкам: воровской идее и основным традициям, которые мы определяем как криминальные институты. Настоящий "бродяга" всегда тонко улавливал разницу между подделками и настоящим блатным творчеством. В этом смысле криминальная периферия имела свои каноны.

Итак, принцип вертикальной структурированности логично приводит к принципу системности. Если совместить его с принципом системной зависимости "видимой" и "невидимой" сторон социума, то можно говорить о внутренней и внешней системности. В первом случае речь идет о детерминации общей воровской идеей общественных институтов и широкого народного творчества, а во втором подразумевается системная связь преступной сферы с "большим социумом" и социальной динамикой. Переходный период, который украинское общест-

во (будем надеяться) уже завершает, дает много примеров, иллюстрирующих справедливость рассмотренных принципов и закономерностей.

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: Права человека, 2002. – 152 с.
2. Блатная песня: Сборник. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
3. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990. – 304 с.
4. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф. Культ тату (криминальная и художественная татуировка). – М.: ИД Юриспруденция, 2003. – 240 с.
5. Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. – М.: Юриспруденция, 2001. – 352 с.
6. Кучинский А. Законы преступного мира. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.
7. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 418 с.
8. Чалидзе В. Уголовная Россия. – М.: ТЕРРА – TERRA, 1990. – 395 с.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА КАК ЖЕРТВЫ В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Х. Кури

*(Институт зарубежного и международного
уголовного права имени Макса Планка, Фрайбург, ФРГ)*

В. Поклад

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)*

В криминологии традиционно в качестве одного из элементов криминальной субкультуры рассматривается насилие¹. Именно способность и постоянная готовность к насильственным действиям отличает устойчивых преступников от большинства граж-

¹ См., напр.: Wolfgang, M.E. and Ferracuti F. (1967). The Subculture of Violence: Towards an Integrated Theory in Criminology. Beverly Hills, CA: Sage.

дан. В то же время процесс закрепления стандартов насилия у отдельного преступника остается мало изученным. По мнению авторов, одним из механизмов такого закрепления может быть предыдущая виктимизация личности. Однако в криминологии изучение преступника как жертвы криминальных действий пока еще не стало достаточно серьезным исследовательским направлением.

Криминология и, соответственно, уголовная политика часто становились объектами критики, поскольку они вплоть до 60-х годов XX столетия не очень интересовались жертвами преступлений, сконцентрировавшись односторонне на преступнике, его осуждении, наказании, а затем больше на лечении и ресоциализации. С другой стороны, изучение жертвы (виктимология) упрекается в настоящее время (прежде всего в англо-американских исследованиях) за то, что оно до сих пор пренебрегает отдельными группами жертв, поскольку занимается исключительно так называемыми "чистыми" жертвами, в частности, игнорирует преступников, которые одновременно также являются жертвами. Особенно со стороны так называемого "женского движения" виктимизация освещалась так, что необходимость критики становилась заметной с самого начала¹, поскольку здесь слишком односторонне трактовалась связь преступников и жертв, и мужчины в качестве жертв рассматривались слишком редко. Да и в целом мужчины, в конечном счете, воспринимались в соответствии с "классическим" клише почти исключительно как преступники, а женщины, соответственно, как жертвы².

В Украине из-за отсутствия достаточно устойчивых виктимологических традиций можно говорить пока что лишь о становлении криминологических подходов, основанных на изучении жертв³. Что же касается рассмотрения преступника как жертвы, то

¹ См., напр.: Steinmetz, S.K. (1977 – 78). The battered husband syndrome. In: *Victimology: An International Journal*, 2, pp. 499 – 509.

² См. критику: Bock, M. (2001). Gutachten zum Entwurf eines Gesetzes zur Verbesserung des zivilgerichtlichen Schutzes bei Gewalttaten und Nachstellungen sowie zur Erleichterung der Überlassung der Ehowohnung bei Trennung. Angefertigt anlässlich der öffentlichen Anhörung im Rechtsausschuss des Deutschen Bundestages am Mittwoch, dem 20. Juni 2001. Mainz.

³ См.: Моїсєєв Е.М., Джужа О.М. Проблеми кримінальної віктимології (кримінологічний, психологічний та пенітенціарний аспекти). – К., 1998; Михайлов А.Е. Виктимологические аспекты профилактики некорыстных насильственных преступлений. – К., 1998; Туляков В.А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. – Одесса, 2000; Мальшев В.С. Карьера жертвы: популярно о виктимологии. – Донецк, 2002.

здесь можно выделить, главным образом, активность правозащитных организаций, способствующую, как минимум, привлечению внимания научной общественности к проблеме¹.

Как считает немецкий криминолог Х.-Й. Ленц, современное отношение к жертвам мужского пола сформировалось около 30 лет назад под влиянием изнасилованных и истязаемых женщин: "Налицо отрицание проблемы и невежество со стороны заинтересованных лиц. Сегодня насилие у женщин оценивается как показатель социальной проблемы, а насилие мужчин не имеет такого статуса"². По мнению Х.-Й. Ленца, многие защитники мужчин имеют специфические проблемы с жертвами мужского пола. "Мужчинам терапевтам, врачам, педагогам, социальным работникам кроме всего прочего, оказывается, легче работать с мужчинами-преступниками и женщинами-жертвами, чем с мужчинами-жертвами"³. Как считает Э. Зиммер, при рассмотрении отношений между мужчиной и женщиной всегда видели "в мужчине насильника, а в женщине – жертву. Но как раз традиционные стереотипы мышления, утверждающие о природной слабости женщин, необходимо подвергнуть сомнению. Именно поэтому эти стереотипы необходимо безотлагательно анализировать"⁴. Если трудно видеть мужчину в качестве жертвы, еще труднее видеть жертву в преступнике.

Так можно было морализаторски оправдывать традиционное разделение на "доброе" и "злое" внутри общества, изучение же наказуемых лиц в виктимологических исследованиях не позволяло далее поддерживать "черно-белую живопись". Вместе с тем отдельные части "виктимологической политики", например, введение более жестких санкций с целью удовлетворения жертв, становилось сомнительным. Разумеется, здесь уравновешенная дальновидность повысила бы шансы на разработку приспособленной к реальности и более эффек-

¹ См., напр.: Тюремная реформа: поиски и достижения / Харьковская правозащитная группа. – Х., 1999.

² См.: Lenz, H.-J. (2001). 'Und wo bleibt die Solidarität mit den Geschlechtsgenossen? Über Männer, ihre Wunden und Tabus in den helfenden Berufen'. In: Arbeitskreis der Opferhilfen in der Bundesrepublik Deutschland e.V. (Hrsg.), Männer als Opfer von Gewalt. Ringen um Glaubwürdigkeit. Berlin. – S. 38.

³ См. там же. – С. 40.

⁴ См.: Ziemer, E. (2001). 'Begrüßung'. In: Arbeitskreis der Opferhilfen in der Bundesrepublik Deutschland e.V. (Hrsg.), Männer als Opfer von Gewalt. Ringen um Glaubwürdigkeit. Berlin, S. 10.

тивной уголовной политики в этой области. Развитие в этом направлении уже происходит, речь идет об усилиях по компенсации жертве со стороны преступника или мероприятиях по возмещению ущерба. В целом уголовная политика, которая, правда, не прекращает разделения на преступника и жертву, все же серьезно рассматривает нарушения жертвы (прежде всего при тяжких преступлениях), потребность в помощи и, возлагая ответственность за деяние на преступника, одновременно стремится все-таки преодолеть пропасть между ними, и именно этим создается больший шанс на взаимопонимание и улаживание конфликта и, в конечном счете, на восстановление юридического мира. В этой связи "восстановительное правосудие" (соглашение между жертвой и преступником) стало в течение последних лет во всем мире широко дискутируемой темой¹. Выдвигаются и рассматриваются такие предложения и в Украине². Однако все же слишком часто мы склоняемся к тому, чтобы списывать собственное суждение о криминогенности личности и преступнике на упрощенные изображения средств массовой информации, которые часто дают одностороннюю картину и, вместе с тем, успокаивающе влияют на наши восприятия и суждения избирательным способом. Сложность и многослойность происходящего при этом пропадает, вырабатываемые "практические предложения" учитывают только отдельные аспекты, вследствие чего они эффективны лишь частично.

Английский криминолог С. Уолклейт ставит перед прежними исследованиями жертв критический вопрос: "Кем являются все же сегодня настоящие жертвы преступлений?"³. Автор подчеркивает, что традиционные исследования жертв, например, *British Crime Survey* или уже 5 раз проведенный *Международный виктимологический опрос (ICVS: 1989,*

¹ См.: Wright, M. (1989). *Mediation and Criminal Justice. Victims, Offenders and Community*. London; Dölling, D. (1998) (Hrsg.) *Täter-Opfer-Ausgleich in Deutschland: Bestandsaufnahme und Perspektiven*. Bonn: Forum Verlag Godesberg; Hartmann, A. (1996). 'Die Entwicklung des Täter-Opfer-Ausgleichs im Spiegel der "Bundesweiten TOA-Statistik"'. *DBH Materialien*, Nr. 31. Bonn; Delattre, G., Wandrey, M. (1995). 'Täter-Opfer-Ausgleich im Gefängnis? Perspektiven und Grenzen von Konfliktregelung und Schadenswiedergutmachung im Strafvollzug'. In: *Deutsche Bewährungs-, Gerichts- und Straffälligenhilfe E.V.* (Hrsg.). *Täter-Opfer-Ausgleich Materialien für eine Diskussion*. Servicebüro Bonn, Nr. 28, 19 - 39.

² См.: Колб О., Батюк О. Соціальна реабілітація засуджених в Україні - основа загальної профілактики злочинів // *Юридична Україна*. - 2004. - № 5. - С. 71.

³ См.: Walklate, S. (2000) 'Researching Victims'. In: Ring, R.D. and Wincup, E. (eds.) *Doing Research on Crime and Justice*. Oxford: Oxford University Press: p. 187.

1992, 1996, 2000, 2005 гг.), мало узнают о внутреннем мире настоящего преступника, в том числе о криминальной установке. В конечном итоге методика изучения жертвы все более ставится под сомнение. По праву большее внимание уделяется жертве с начала 1990-х годов, прежде всего, в англо-американских исследованиях, хотя отдельные группы жертв изучаются слишком мало, другие, напротив, становятся объектами подчеркнутого внимания¹. О детях, главным образом, о девочках, которых убивают так называемые сексуальные преступники, постоянно сообщается в средствах массовой информации, как правило, среди главных новостей. При этом подчеркивается, что это – возрастающая проблема (что не соответствует, однако, по меньшей мере, официальной статистике), при этом авторы требуют почти исключительно ужесточения санкций. В уличном движении, например, от пьяных шоферов погибает гораздо больше детей, однако на эту группу жертв едва обращают внимание. Тем не менее, в обоих случаях событием для родителей и в определенной степени для сотрудников полиции является травматическое переживание, которое значительно влияет на их дальнейшую жизнь. Кто, как и насколько рассматривается как жертва или, с другой стороны, как преступник, зависит от многочисленных факторов, в частности от средств массовой информации, активности групп интересов или партийно-политических влияний.

Вопрос о том, в какой мере жертвы одновременно являются преступниками, когда их поведение является уголовно наказуемым², в современной криминологии раскрыт недостаточно. С другой стороны, преступники могут быть одновременно жертвами наказуемого поведения, и это не только в связи с ситуацией их преступления³. По мнению С. Смита⁴, криминологические исследова-

¹ См.: Zedner, L. (1997). 'Victims'. In: Maguire, M., Morgan, R., Reiner, R. (1997) *The Oxford Handbook of Criminology*. 2nd Edition. Oxford: Clarendon Press; Rock, P. (1990). *Helping Victims of Crime: The Home Office and the Rise of Victim Support in England and Wales*. Oxford: Oxford University Press (OUP); Rock, P. (1991). 'The Victim in Court Project at the Crown Court at Wood Green'. In: *The Howard Journal of Criminal Justice*, 30, 4, pp. 301 – 310.

² См.: Kury, H. (2001). 'Zu Sanktionseinstellungen und der präventiven Wirkung (harter) Sanktionen'. In: *The Hokkaido Law Journal*.

³ См.: Brandenstein, M. (1999). *Viktimisierung von jugendlichen Straftätern*. Unveröff. Diplomarbeit. Freiburg: Psychologisches Institut der Universität; Kury, H., Brandenstein, M. (2002). 'Zur Viktimisierung (jugendlicher) Strafgefangener'. In: *Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe*.

⁴ См.: Smith, S.J. (1986). *Crime, Space and Society*. Cambridge. – P. 98.

ния сделали уже 20 лет назад очевидным вывод о том, что в качественных характеристиках групп преступников и групп жертв много совпадений. Вопрос о том, в какой мере преступники являются также и жертвами, должен решаться путем изучения результатов виктимизации в процессе уголовного наказания. Целью наказания лишением свободы является преимущественно реабилитация преступника в юридической общности¹. Однако насилие в тюрьмах, прежде всего среди осужденных, а также со стороны служащих по отношению к заключенным, значительно противоречит этой цели.

Особо актуальной данная проблема является и для Украины. В 2006 году комиссар Совета Европы Томас Хаммарберг среди основных препятствий на пути Украины в Европейский Союз назвал ущемление прав заключенных на Украине, отметив наличие жестокого обращения и пыток по отношению к ним. По его словам, "проявления насилия должны быть ликвидированы для того, чтобы обеспечить доверие граждан к системе правосудия"².

Как мы знаем из криминологических исследований (особенно из англо-американских), насилие в уголовном наказании, причем не только психическое, но и прежде всего физическое, ни в коем случае не является редким событием. В Германии исследования в этой области несколько отстали³, однако было установлено, к примеру, что в 1996 году из 30000 официально установленных фактов превышения власти по отношению к арестованным почти 14000 приходились на взаимоотношения тюремных служащих и осужденных. Английское исполнение наказаний (*HM Prison Service of England and Wales*) регистрирует уже больше т.н. "официальных" превышений власти по отношению к осужденным со стороны служащих тюрем (*Prison Officers*) в годовых отчетах (*Annual Reports*), которые, однако, не учитывают официальное число фактов насилия среди самих осужденных. Вновь и вновь происходящие тяжкие нападения и угрозы тюремным слу-

¹ См.: Kaiser, G., Schöch, H. (2002). *Strafvollzug*. Heidelberg: Müller, 5. Aufl.

² См.: Комиссар ЕС назвал главные проблемы Украины // <http://www.vz.ru/news/2006/12/17/61336.html>.

³ См.: Kury, H., Brandenstein, M. (2002). 'Zur Viktimisierung (jugendlicher) Strafgefangener'. In: *Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe*; Camp, C.G. and Camp, G.M. (1997) *The Corrections Yearbook*, 1997. South Salem, NY: Criminal Justice Institute.

жащим со стороны заключенных, в частности во время тюремных бунтов, усиливают страх первых перед вторыми (больше в США, чем в Германии), который препятствует более лояльному отношению друг к другу. Положение служащих системы исполнения наказаний, связанное с многочисленными моментами в общении, как правило, с трудной клиентурой, с конфликтами, с провоцирующим контекстом, дополнительно затрудняется этими угрозами, что негативно отражается, в конечном счете, на их усилиях по ресоциализации арестованных.

Уже М. Бразуэлл и Л. Миллер подчеркивали, что английская система исполнения наказаний, включая профсоюз служащих исполнения наказаний (*Prison Officer Association – POA*), должна беспокоиться о том, чтобы все превышения власти со стороны персонала (в том числе угрозы) тщательно регистрировались в каждом учреждении¹. Кстати, это требование было выдвинуто незадолго до самого большого тюремного бунта ("The Manchester-Strageways Riots") в этой стране в апреле 1990 года, что придало ему дополнительный вес. С 1994 года Управление тюремного департамента (HM Prison Service) ввело в регулярные отчеты для 138 мест заключения страны графу "превышения власти персоналом исполнения наказаний" (*Assaults on Prison Officers*) в качестве "Key Performance Indicator" (KPI), т.е. стандартного показателя.

Таким образом, в англоязычной научной литературе все же имеются ограниченные официальные данные о насилии в системе исполнения наказаний, но, главным образом, они затрагивают факты насильственных действий со стороны заключенных по отношению к служащим. Особенно нужно отметить в этой связи исследования Г. Бидна, А. Коэна, Р. Кинга и К. Макдермота². Из некоторых исследований, в частности "JVA Hameln", "Oxford"³, следует, что зачастую предыстория преступника может давать существенные

¹ См.: Braswell, M.C., Miller, L.S. (1989). The Seriousness of Inmate Induced Prison Violence: An Analysis of Correctional Personnel Perceptions. *Journal of Criminal Justice*, 17.

² См.: Bidna, H. (1975) 'Effects of Increased Security on Prison Violence'. In: *Journal of Criminal Justice*, 3; Cohen, A.K. (1976) 'Prison Violence: A Sociological Perspective'. In: Cohen, A.K., Cole, G.F. and Bailey, R.G. (Eds.)

³ См.: Prison Violence. Lexington Mass: D.C. Heath & Co; King, R.D. and McDermott, K. (1995) *The State of Prisons*. Oxford: Clarendon.

указания относительно его классификации и, соответственно, виктимизации во время заключения. Станет ли арестованный в тюрьме жертвой, зависит, очевидно, не только от его личной предыстории и детства, но и от вида его преступления и виктимизации до тюремного заключения, т.е. в детском и юношеском возрасте. Еще А. Рейс подчеркивал, что популяции преступников и жертв по их признакам абсолютно гомогенны, т.е. преступники и жертвы, в конечном счете, не являются различными группами людей¹.

И. Гофман изучил в своем известном исследовании "Asyle" депривацию пациентов психиатрической больницы². Отрицательные эффекты институционализации заключенных далее совершенствовались и операционализировались в концепции "призонизации" (Prisonisierung)³. Распорядок дня таких учреждений, как тюрьмы, в большей степени учитывает потребности служащих, чем потребности заключенных⁴. И. Гофман в известных публикациях, отмечая вредное влияние "тоталитарных учреждений" на заключенных, указывал неоднократно на малополезные для ресоциализации условия ареста и уголовного процесса в их противостоянии "эффекту призонизации"⁵. Уже давно критики тюремного заключения (например Г. Редбрук⁶) отмечали негативное для социализации действие заключения. Х. Шюлер-Шпрингорум писал еще 35 лет назад: "Давно известно, что уголовное наказание в его нынешнем виде слишком способствует тому, чтобы ослаблялись социальные отношения и закреплялись антисоциальные установки"⁷. С тех пор решительно ничего не изменилось. Правда, принятие в 1977 году в Германии

¹ См.: Reiss, A. Jr. (1981). 'Foreword. Towards a revitalisation of theory and research on victimisation on crime'. In: The Journal of Criminal Law and Criminology, 72.

² См.: Goffman, E. (1961) Asylums. Garden City, N.Y.: Anchor Books.

³ См.: Clemmer, D. (1940). The Prison Community. Boston: Christopher; Kaiser, G., Schöch, H. (2002). Strafvollzug. Heidelberg: Müller, 5. Aufl. – S. 473.

⁴ См.: Goffman, E. (1961) Asylums. Garden City, N.Y.: Anchor Books. – S. 143.

⁵ См.: Goffman, E. (1967). Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität. Frankfurt/M; Goffman, E. (1972). Asyle. Über die soziale Situation psychiatrischer Patienten und anderer Insassen. Frankfurt/M.

⁶ См.: Radbruch, G. (1911; 1993). 'Die Psychologie der Gefangenschaft'. In: Radbruch, G., Strafvollzug. Bd. 10, Gesamtausgabe. Heidelberg (vgl. a. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft 32, 335ff). – S. 339.

⁷ См.: Schüler-Springorum, H. (1970). Was stimmt nicht mit dem Strafvollzug. Hamburg. – S. 40.

отдельного закона об исполнении наказаний пробудило много надежд. Тем не менее, Г. Кайзер и Х. Шох отмечали, что в последнее время не предотвращаются некоторые стагнации или регрессы в развитии системы исполнения наказаний, "несмотря на повышение ее открытости"¹. Вредные последствия заключения, которым при организации исполнения наказания нужно противодействовать, разнообразны и многочисленны. С. Фрювальд с полным основанием отмечает: "Если наше общество имеет серьезные намерения по поводу того, что целью тюремного заключения наряду с наказанием является также исправление и социализация, то многие вещи из практики уголовного наказания должны были бы конкретно изменяться"². Если теперь к этим общеизвестным и широко обсужденным препятствиям положительного изменения узников мест заключения добавить еще насилие и новую виктимизацию, спрашивается, что еще остается, в конечном счете, в потенциале ресоциализации? Конечно, можно пробовать также при неблагоприятных условиях реализовывать специальные программы ресоциализации. Тем не менее, более эффективным и рациональным представляется, прежде всего, изменение условий исполнения наказания в контексте сокращения их отрицательных влияний, что происходит частично, например, путем строительства небольших учреждений.

И. Тейлор акцентирует внимание на молодых жертвах, с которыми жестоко обращаются в исправительных учреждениях или местах заключения молодежи³. Автор с полным основанием считает недостатком то, что в средствах массовой информации обсуждение концентрируется почти исключительно на исполнении молодыми людьми роли преступника. В Великобритании все больше и больше исследований указывают на то, что молодые люди часто могут быть также и жертвами, что они, как правило, пренебрегают рисками виктимизации как в школе, так и в свободное

¹ См.: Kaiser, G., Schöch, H. (2002). *Strafvollzug*. Heidelberg: Müller, 5. Aufl. – S. 5.

² См.: Frühwald, S. (1996). "Kriminalität und Suizidalität. Selbstmordrate in Österreichs Haftanstalten 1975 – 1994. Ursachen, Statistik, Schlußfolgerungen". In: *Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe*. – S. 223.

³ См.: Taylor, I. (1999). *Crime in Context. A Critical Criminology of Market Societies*. Cambridge: Polity Press.

время¹. Наиболее масштабные исследования проводились в местах заключения взрослых преступников мужского пола, тем не менее, из его результатов, по мнению Тейлора, можно сделать вывод о том, что для арестованных юношей (и девушек) непременно должно быть другое исполнение наказания. Должны были бы применяться такие модели менеджмента, которые способны защищать "наиболее слабых" (*vulnerable prisoners*) от институционализированного насилия².

На вопрос, как происходит призонизация в местах заключения, отвечают по-разному. Согласно модели "импортирования" Грэхема Сайка, характеризуется место заключения и климат в нем следствием того, "что заключенные с собой приносят", а именно "их культуры извне"³. А. Боттомс и другие, кроме всего прочего, подчеркивали, что эта среда играет большую роль прежде всего для молодых арестованных и что менеджмент учреждений исполнения наказаний непременно должен обращать внимание на эти аспекты⁴. На планирование исполнения наказаний, возможности исправления преступника, а также его ресоциализацию значительное влияние оказывает субкультура заключенных. Какие-либо "нарушения" арестованных, вербальное (психическое) или физическое насилие нужно рассматривать в этой связи более серьезно.

Ни для общественности, ни для средств массовой информации не является интересной темой виктимизация преступников в процессе исполнения уголовного наказания. Необходимость рассматривать преступника в роли жертвы для гражданина "весьма необычна". В момент, когда, например, молодой человек совершает тяжелое преступление, он попадает в другую категорию, "преступников", к которой признаки "жертвы" подходят меньше всего. Поэтому данные сведения не очень востребованы как населением (в связи с "селективным восприятием"), так и администра-

¹ См.: Taylor, I. (1999). *Crime in Context. A Critical Criminology of Market Societies*. Cambridge: Polity Press. - S. 71.

² См. там же.

³ См.: Sykes, G. (1958). *The Society of Captives: A study of a Maximum Security Prison*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

⁴ См.: Bottoms, A.E., Hay, W. and Sparks, R. (1990) 'Situational and Social Approaches to the Prevention of Disorder in Long-Term Prison'. In: *Prison Journal*, 80.

цией органов исполнения наказаний, занимающей, скорее, созерцательную позицию. Рассматривать преступников в качестве жертвы, в частности при нарушениях в тюремном заключении, требует с полным основанием также *Европейское соглашение по правам человека* (EMRK). Именно непривилегированные категории граждан, к которым по праву принадлежат заключенные, требуют особенной правовой защиты. Не случайно, например, пытки, антигуманные или унижительные наказания и обращение с заключенными запрещаются (статья 3 EMRK). В течение последних лет не прекращается обсуждение проблемы условий заключения под стражу в американских армейских тюрьмах, что показывает, как быстро принципы прав человека могут оказаться в опасности даже в государствах, которые придают этому большое значение. Ярлык преступника направляет угол зрения в противоположную сторону (даже в изучении заключенных, хотя здесь предположение о невинности должно иметь значение) и освещается, прежде всего, жертва, в частности в сексуальных преступлениях. Эти лица затем многократно будут рассматриваться исключительно односторонне, только лишь как преступники. То, что они не могут больше чувствовать себя там понятыми, очевидно. Причины виктимизации видятся затем исключительно в самих "преступниках". Некоторые служащие системы исполнения наказаний на многое просто закрывают глаза. Чем больше преступник находит понимания и как жертва, тем больше он мог бы быть открыт, в частности, для программ ресоциализации. Именно в "карьере жертвы" состоит существенный, если не основной, фактор для "карьеры преступника"¹.

Результаты исследования латентных случаев должны затрагивать все проявления насилия в тюремном заключении: от тяжелых телесных повреждений и до изнасилований заключенных, а не только вербальное (психическое) насилие, такое, как угрозы или групповое давление сокамерников (*mobbing*). Здесь должна речь идти об особой проблеме: в какой мере (арестованные) преступники становятся также жертвами наказуемого поведения, которой весьма

¹ См.: Fishman, G., Mesch, G.S., Eisikovits, Z. (2002). Variables affecting adolescent victimization: Findings from a National Youth Survey. In: *Western Criminology Review*, 3; <http://wcr.sonoma.edu/v3n2/fishman.html>.

пренебрегали до сих пор в криминологии, хотя проблематичность исходит от функции ресоциализации в уголовно-исполнительном праве в контексте правового государства. Многие авторы все больше подчеркивают в последнее время, что данная тема игнорируется напрасно¹. Если исследования о насилии в исполнении уголовных наказаний вообще проводились, речь шла в большинстве случаев о насилии заключенных по отношению к тюремным дежурным, в которых поддерживались и сохранялись классические изображения преступника и жертвы². Собственно проблема насилия в исполнении уголовного наказания состоит, очевидно, не только в отношениях между заключенными и служащими, а также и между самими заключенными³.

В 2005 году в Кракове на 5-й конференции Европейской криминологической ассоциации была зафиксирована точка зрения о том, что темпы роста преступности в Европе с середины 90-х годов имеют отчетливую тенденцию к сокращению. Это следствие действенной системы контроля над преступностью, основанной *если не на смягчении санкций, то на полном отрицании их ужесточения*⁴. Естественным продолжением такой политики должно стать внедрение в правоохранительную практику (при определении санкций за совершенное правонарушение) технологий учета и использования данных о различных факторах криминализации личности, в т.ч. и о предыдущих виктимизациях. Эти мероприятия предполагают, во-первых, изменение отношения общества к проблеме и, во-вторых, расширение исследовательских программ по данному вопросу.

¹ См.: Eichenenthal, D.R., Blatchford, L. (1997). 'Prison crime in New York state'. In: The Prison Journal, 77, p. 456.

² См.: Ortman, R. (2002). Sozialtherapie im Strafvollzug: eine experimentell Längsschnittstudie zu den Wirkungen von Strafvollzugsmaßnahmen auf Legal- und Sozialbewährung. Freiburg: Max-Planck-Institut, Kriminologische Forschungsberichte (Edition iuscrim).

³ См.: Bottoms, A.E. (1999) 'Interpersonal violence and Social Order in Prisons'. In: Tonry, M. and Petersilia, J. (1999) (Eds.) Prisons: Crime and Justice. A Review of Research. Chicago and London: University of Chicago Press.

⁴ См.: Клочкова А.В. V ежегодная конференция Европейской криминологической ассоциации "Европейская интеграция – интеграция в криминологию" (Краков, 2005 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2006. – № 1. – С. 112.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Ю.А. Скорченко

(Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля)

Одним из важнейших результатов социализации является регулирование поведения индивида, подчинение социальной группе, в которую он интегрирован. Это проявляется в осмысленном (либо нет) следовании нормам, предписанным социальным окружением.

Р. Мертон считал, что манера поведения индивидов обусловлена социально-культурной средой, в которой они находятся.

В течение жизни человек проходит через множество социальных групп, получая в процессе общения, обучения информацию, формирующую его сознание. Эта информация многоаспектна, зачастую противоречива, воспринимается индивидом через любые доступные источники, в том числе в результате непосредственного общения с коллегами, друзьями, ближайшим окружением.

Сегодня в сознании части украинского общества, в первую очередь молодежи, происходит размывание, эрозия важных, основополагающих ценностных ориентиров. Некоторые черты криминальной субкультуры проникают в повседневную жизнь и активно воспроизводятся отдельными социальными группами. Взаимодействие криминальной субкультуры и культуры общества в целом приводит к подмене культурно-нравственных идеалов, норм, эстетических ценностей и т.п., и как следствие – неизбежно происходит деградация официальной культуры, социума в целом. На современном этапе криминальная субкультура еще не вытесняет культуру социума, но это не означает, что к тревожным, деструктивным процессам следует относиться безразлично, нейтрально.

Криминальная субкультура – это форма сознания, складывавшаяся, формировавшаяся на протяжении жизни многих поколений. Это некое своеобразное балансирование на тонкой грани морали, культуры, традиций. Следует подчеркнуть, что криминальная субкультура раскрепощает те побуждения индивида, которые официальная культура сдерживает, подавляет и жестко контролирует, например: потребление алкоголя, внешнюю агрессивность, невыдержанность и т.д.

Кримінальна субкультура по суті своєї агресивна. Она девальвирует нормы и ценности официальной культуры. Чтобы быть носителем, субъектом криминальной субкультуры вовсе не обязательно принадлежать к криминальному сообществу. Многие исследователи констатируют размытость, нечеткость существующих граней между культурой социума и криминальной субкультурой. В нашей действительности, к сожалению, цинизм, жаргон и т.п. являются реальными атрибутами. Утрата чистоты языка – тревожный симптом, косвенно свидетельствующий о нарастании криминализации общества. Этот процесс в первую очередь затрагивает молодежь – наиболее чуткую к языковым изменениям часть социума.

Мат, к сожалению, уже стал атрибутом современного общества. Его используют мужчины, женщины, подростки. Он слышен повсюду: в магазине, на улице, даже в детском саду. Сегодня непристойность все больше проникает в живую разговорную речь, в обыденное сознание. Современники уже не стесняются, даже не замечают ее. Мы констатируем: мат стал составной частью нашей речи. Кстати, у мата имеются защитники, сторонники, которые считают, что он обладает некой особой "аурой", что с его помощью якобы возможно легко устанавливать контакты между людьми и т.п.

В настоящее время, бесспорно, многократно увеличилось эмоциональные нагрузки. Как следствие, один из возможных способов снятия стрессовых состояний – отступление от норм этики, морали, культуры, использование ненормативной лексики на производстве, в быту и т.д.

В современном обществе существуют опасные тенденции, потенциально способные привести к деперсонализации. Только представьте на мгновение, что вместо личностей, индивидов будут существовать некие объекты, имеющие клички ("козлы", "фраера" и т.п.).

Криминальная субкультура, трансформируясь, постепенно, но настойчиво расширяет плацдарм, отвоевывая его у общей культуры нашего общества. Она неизбежно способствует девальвации общепринятых традиций и норм, а главное – примитивизирует все стороны жизни социума, в том числе и процессы передачи культурных ценностей, систему образования и воспитания.

Таким образом, негативные изменения, происходящие во всех сферах жизни нашего общества, с учетом переоценки этических, нравственных, правовых норм, социокультурных ценностей, разрушения традиционных идеалов и устоявшихся взглядов, долгие годы составлявших основу общества, являются основными причинами процессов социокультурной дезадаптации части населения Украины.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М., 1988.
2. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного поведения. – СПб., 1993.
3. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
4. Социальные отклонения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1989.
5. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. – М., 1989.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
7. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1990.
8. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. – Л., 1979.

СОКРЫТИЕ ФАКТОВ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ РАБОТНИКАМИ ОВД КАК СВЯЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУР

К.А. Диковенко

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Преступность существует во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в среде сотрудников ОВД. Криминальная субкультура проникает в профессиональную субкультуру милиционера, негативно влияет на нее, в результате чего происходит сближение двух субкультур.

Скрытность, желание утаить факты своей преступной деятельности являются одними из основных характеристик личности преступника. Опасность этого все более очевидна, ведь совершенные преступления и последующее сокрытие фактов преступной

деятельности работниками ОВД объединяет милиционера с преступным миром, криминальной субкультурой.

При всех культурных различиях базовые ценности субкультуры и общей культуры остаются едиными. Например, нравы преступной среды – это и есть ее субкультура, которая, в широком смысле слова, является, к сожалению, частью общей культуры населения¹. Профессиональная субкультура также является частью общей культуры работников ОВД со всеми ее общечеловеческими ценностями, приоритетом закона и правопорядка. Но в некоторых аспектах она схожа с субкультурой криминальных сообществ. В профессиональном коллективе работников ОВД существует иерархия, распределение ролей, принцип круговой поруки. Ее отличие от криминальной субкультуры состоит в том, что криминальный жаргон, негативное отношение к власти, государству, воровские "понятия" здесь отсутствуют. Для профессиональной субкультуры работника ОВД характерна тесная взаимосвязь с другими субкультурами. Эта взаимосвязь происходит в процессе осуществления ими своих профессиональных задач. Однако данный процесс не проходит бесследно. Черты других субкультур неизбежно отражаются в профессиональной субкультуре работника ОВД. Данная мысль подтверждается в работе Торстона Селина "Конфликт культур и преступность"². Субкультура является частью культуры, следовательно, теория Селина применима здесь как нельзя лучше. Суть теории конфликта культур заключается в том, что различные воззрения на жизнь, привычки, стереотипы мышления и поведения, различные ценности затрудняют взаимопонимание людей, могут вызывать озлобление в отношении иных культур. У работника ОВД как представителя профессиональной субкультуры основной ценностью является закон и правопорядок, но противодействие со стороны преступника, тяжелые условия службы, постоянная напряженность физических и моральных сил влияют на профессиональное сознание, а значит, и на субкультуру милиционера. В результате этого происходит профессиональная деформация сотрудника милиции.

¹ См.: Преступная субкультура // Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002. – С. 108.

² См.: Иншаков С.Н. Зарубежная криминология. – М.: Инфра, 1997.

Профессиональная деформация выражается в неприкрытой недобросовестности при рассмотрении дела, неверном представлении о служебной обязанности и защищаемых интересах службы, слепом следовании должностным инструкциям, нередко противоречащим закону, сознательном нарушении закона, его обходе, невыполнении. Этим перечнем не исчерпываются возможные разновидности профессиональной деформации¹.

Чем больше степень деформации, тем больше профессиональная субкультура сотрудника милиции подвергается влиянию криминальной субкультуры. Крайней формой выражения профессиональной деформации является преступление и последующее его сокрытие. Совершая преступления, работник милиции сближается с криминальной субкультурой, но все же, в силу своей профессии, он частично сохраняет в сознании черты профессиональной этики.

Крайняя форма деформации профессиональной субкультуры работника ОВД в наибольшей мере сближает его с криминальной субкультурой.

Одной из форм осуществляемого работником ОВД преступного поведения является сокрытие преступных действий.

Сокрытие преступной деятельности – это, по мнению автора, деяние, состоящее в укрывательстве факта совершения преступления, орудий или средств совершения преступления, других предметов, используемых для обеспечения преступной деятельности, предметов, добытых преступным путем, и т.д. Сокрытие не может осуществляться в отдельности от совершенного преступления. Поскольку преступление является крайней формой профессиональной деформации, то и сокрытие как деятельность, следующая за ним, не может иметь место в случаях, когда степень профессиональной деформации низкая. Незначительные изменения морально-психологических качеств сотрудников милиции, их поведения в процессе осуществления своей профессиональной деятельности не могут говорить об объединении их субкультуры с субкультурой криминальной. Единственным условием такого сближения может быть совершенное преступление и следующее за ним сокрытие данного факта.

¹ См.: Скакун О.Ф. Юридическая деонтология: Учебник. – Х.: Эспада, 2002. – С. 504.

Спектр совершаемых работниками органов внутренних дел преступлений является широким, но условно их можно разделить на два блока: служебные преступления и общеуголовные¹.

Работников милиции, совершивших служебные преступления, условно разделяют на азартных "силовиков", "взяточников" и "карьеристов"². Российский ученый В.В. Трухачев утверждает, что наиболее характерна деятельность по сокрытию для "силовиков", которые совершают преступление непосредственно во время несения службы³. Виновными здесь в абсолютном большинстве случаев выступают представители среднего звена системы МВД (следователи, оперуполномоченные, участковые и т.д.). На примере данного типа преступников наиболее ярко видно различие между спецификой сокрытия в криминальной субкультуре и субкультуре работников ОВД. Сотрудники этих служб, обладающие специальными, профессиональными знаниями и навыками (например работники оперативных подразделений осуществляют тактически грамотное наблюдение за объектом, уход от контрнаблюдения и т.д.), нередко используют их в целях сокрытия своей преступной деятельности. Представителей иного типа преступников – таких, как "взяточники" и "карьеристы" – следует рассматривать как наиболее опасных преступников, ведь под маской они скрывают "мощную криминальную энергию"⁴. Именно преступники этой категории, по нашему мнению, в наибольшей степени сближаются с представителями криминальной субкультуры. С одной стороны, они являются образованными людьми, с большим стажем работы в органах внутренних дел, но, с другой стороны, их интересы полностью соответствуют интересам корыстного преступника. Сокрытие здесь зачастую совпадает с моментом совершения преступления (например взяточдатель по просьбе взяточполучателя перевозит из одного места в другое деньги, являющиеся предметом взятки).

¹ См.: Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминология). – М.: Норма, 2001. – С. 285.

² См.: Антонян Ю.Н., Кудрявцев В.Н. Личность преступника. – К.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 366.

³ См.: Трухачев В.В. Криминологический анализ сокрытия преступной деятельности сотрудниками правоохранительных органов // Вестник ВИ МВД России. – 1999. – № 1(3). – С. 112.

⁴ Шнайдер Г.И. Криминология. – М.: Инфра, 1999. – С. 438.

Наиболее ярко сближение двух субкультур проявляется на примере сотрудников милиции, совершающих общеуголовные преступления. Сокрытие ими фактов своей преступной деятельности имеет ту же природу, что и у других преступников, но является следствием того, что ценности и ориентиры профессиональной субкультуры милиционера сменяются противоположными: боязнью наказания, утраты приобретенного незаконным путем имущества и другое. Сам факт совершения преступления еще не свидетельствует о стойкой антисоциальной направленности личности, но, совершая действия по сокрытию этого преступления, работник ОВД тем самым воспринимает характерные признаки криминальной субкультуры.

В завершение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сокрытие сотрудниками милиции фактов преступных действий, наряду с самим совершенным преступлением, является фактором, сближающим криминальную субкультуру и деформированную профессиональную субкультуру работника ОВД. Это сближение происходит в момент совершения преступления и продолжается в процессе деятельности по его сокрытию. Сокрытие как одна из форм преступной деятельности имеет свои особенности как в криминальной субкультуре, так и профессиональной. Работники ОВД, скрывая факты преступлений, используют специальные знания, приемы оперативной работы, свое служебное положение. Они, как правило, имеют связь с криминалитетом, однако степень этой связи зависит от того рода преступной деятельности, которым они занимаются. Совершая преступление и следующее за ним сокрытие данного факта, работник ОВД не просто нарушает закон, а соотносится в результате этого с представителями криминальной субкультуры. Именно сокрытие преступления является наиболее опасной формой преступного поведения, которое дезорганизует работу следственных подразделений, в наибольшей мере способствует тому, что идеи и установки криминального мира становятся близкими и понятными для работников милиции, совершающих преступления. В этом, по мнению автора, и состоит особая опасность сокрытия преступлений работниками ОВД. Для противодействия сближению криминальной субкультуры и профессиональной субкультуры сотрудников милиции в первую очередь необходимо бороться с сокрытием преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.Н., Кудрявцев В.Н. Личность преступника. – К.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Журкин А. Гримасы коррупции // Милиция. – 1999. – № 10.
3. Иншаков С.Н. Зарубежная криминология. – М.: Инфра, 1997.
4. Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрোকриминология). – М.: Норма, 2001.
5. Преступная субкультура // Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002.
6. Скаун О.Ф. Юридическая деонтология: Учебник. – Х.: Эспада, 2002.
7. Трухачев В.В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности сотрудниками правоохранительных органов // Вестник ВИ МВД России. – 1999. – № 1 (3).
8. Шнайдер Г.И. Криминология. – М.: Инфра, 1999.
9. Энциклопедический словарь по культурологии. – М.: Центр, 1997.

РОЛЬ КРИМІНАЛЬНОЇ СУБКУЛЬТУРИ ТА МОЛОДІ В КУЛЬТУРНО-ТРАНСФОРМАЦІЙНИХ ПРОЦЕСАХ

З.Р. Кісіль

(Львівський державний університет внутрішніх справ)

М.В. Удовенко

(Львівський державний університет внутрішніх справ)

Сьогодні, коли соціальні процеси в суспільстві настільки ускладнені та заплутані, що й у людей із чітко визначеною світоглядною позицією часто виникає відчуття безпорадності, молодим людям особливо важко віднайти сталі моральні орієнтири і цінності. Практицизм, індивідуалізм, погоня за матеріальними благами, специфічне ставлення до часу ("час – гроші") багато в чому руйнують усталені ідеали людської поведінки, людських взаємостосунків. Загалом громадська думка критично налаштована щодо молоді, яка, мовляв, часто-густо ігнорує духовні цінності та вимагає лише матеріального забезпечення. Це не зовсім так. І за наших часів, так само, як і раніше, молодь прагне від-

найти своє місце в суспільстві, визначитися з тими ідеалами, які пропонує їм сучасна суспільна думка.

Великий вплив на змістовну наповненість сучасної культури молодого покоління справляють усі ті досягнення, що відбуваються в різних формах матеріальної та духовної культури: винаходи в галузі електронних і комп'ютерних засобів зв'язку, освіти, побутової техніки, відкриття в галузі генної інженерії, проникнення у мікросвіт і космос, створення нових хімічних матеріалів з незвичайними властивостями тощо. Усі революційні зміни означають перехід до нового типу суспільства. Американський публіцист-футуролог, автор одного із варіантів концепції постіндустріального суспільства Тоффлер вбачає пряму залежність між розвитком техніки та способом життя, її цінностями.

Молодіжна субкультура у зв'язку з радикальними змінами в суспільстві стає формою соціальної адаптації, своєрідним буфером між традиційною культурою, загальноприйнятими цінностями й елементами "опору" "старому" соціально-культурному порядку і домінуючій системі молодіжної культури. Молодіжні групи перетворюються на самостійні функціонуючі підсуспільства. В умовах модернізації в Україні відбувається зниження соціального контролю, послаблення традиційного впливу соціального середовища на світогляд і поведінку молоді.

Зародившись ще в перших навчальних закладах Європи і набувши своєї стійкої форми з середини 50-х років ХХ ст. під тиском модернізаційних умов (рання фізична зрілість, розтягування часу входження в соціально-професійний статус дорослих, розвиток засобів масової комунікації тощо), зростає соціально-культурна автономія молоді у світі дорослих, її диференціація набуває жорстких, часто соціально організованих і навіть контркультурних форм традиційного конфлікту поколінь, утворюється соціальний та ідеологічно нейтральний, усе ширший спектр молодіжних субкультур. Формується новий тип інформаційно-інтернетної, авангардно-мистецької, кримінальної молодіжної субкультур. Значно зростає внесок молоді й характер її участі в модернізаційних процесах, висуваючи молоде покоління як авангард у трансформаційному оновленні суспільства, а можливо, і як основну потугу змін у ньому. Відомий поет В. Маяковський свого часу писав: "Молодь є те

пальне, на якому працює суспільство". Хоч, на нашу думку, молодь значною мірою і створює це пальне.

Предметом цієї статті є виклад деякої концептуальної схеми, розробленої для дослідження субкультури, який має на меті чітко з'ясувати межі субкультури, сформулювати критерії її визначення, а також детальний опис її як явища. Пропонована концептуальна схема є своєрідним продовженням ідей К.Б. Соколова¹, Ю. Савельєва², Л. Іоніна³ та інших дослідників, а також певним синтезом напрацювань у галузі дослідження субкультур узагалі. Інноваційним моментом є пропоновані критерії вирізнення й опису конкретної субкультури.

Складність визначення терміну "субкультура" з того часу, як його в 30-ті рр. ХХ ст. увів американський соціолог Т. Роззак, полягає у багатоманітності й досі недостатній визначеності поняття "культура". Із великого загалу літератури візьмемо визначення американського дослідника Н. Смелзера, який обґрунтовує поняття субкультури як ознаку будь-якої системи норм і цінностей, яка виділяє групу з великого співтовариства.

Однак виділення попереднім автором лише цінностей і норм є недостатнім, бо субкультура включає також, на нашу думку, специфічні соціальні та духовні потреби, продукти творчості, способи залучення до духовних цінностей, особливості їх освоєння, стиль і спосіб життя.

Субкультура – одне з базових понять культурології; система цінностей, установок, способів поведінки й життєвих стилів певної соціальної групи, яка відрізняється від загальної, домінуючої в суспільстві культури, хоча і пов'язана з нею.

Зростаюча соціальна диференціація, формування нових елементів соціальної структури суспільства, зростання різноманіття проявів соціального та культурного життя стає каталізатором виникнення все новіших субкультурних угруповань.

¹ Див.: Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. – С. 134 – 143.

² Див.: Савельев Ю.Б. Взаємодія субкультур як фактор соціокультурного розвитку: Автореф. дис. ... канд. філос. наук. – К., 1997.

³ Див.: Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. – М., 1996.

М. Соколов у роботі "Субкультурное измерение социальных движений: когнитивный подход" виділяє такі види носіїв субкультур:

1) статево-вікові спільноти (дитяча субкультура, молодіжна, чоловіча, жіноча тощо);

2) соціально-професійні спільноти (субкультура робітників, інтелігенції, еліти, злочинні субкультури тощо);

3) релігійні спільноти.

Безумовно, коло субкультур є різноманітним і включає диференціацію за заняттями на дозвіллі, національно-діалектними особливостями, за стилем поведінки і способом життя.

У цій статті ми акцентуємо увагу на кримінальній субкультурі в культурно-трансформаційних процесах.

Необхідність розгляду поставленої проблеми викликана двома базовими соціальними фактами:

1) тим, що за одними даними 40%, а за іншими – 60% ринково-економічної та виробничої діяльності й прибутків перебуває в Україні поза межами закону, "у тіні" (тіньова економіка, тіньовий сектор економіки), отже, велика частина населення входить або є дотичною до кримінальної субкультури;

2) за рівнем корупції та корисливих позазаконних відносин Україна посідає сьогодні, за даними міжнародних організацій, одне з перших місць у світі. Без урахування цих даних неможливо зрозуміти характер соціокультурної трансформації в цілому в Україні.

Ця проблема особливо інтенсивно розробляється у вітчизняній науці спочатку соціологами, а з часів перебудови – і етнографами. У західній соціології ще Е. Дюркгейм доводив, що кримінальна субкультура є невід'ємною складовою будь-якого суспільства й існуватимуть завжди.

Цей тип субкультури має ознаки екзотичного етносу, своє особливе світосприйняття, етику, мистецтво, естетику, ритуали, традиції, закони та норми. Західні дослідники відносять сюди кримінальну міфологію, привілеї для еліти, способи відпочинку, форми стосунків.

Названий тип субкультури характеризується, очевидно, широкими межами, неоднорідністю, диференційованістю на низку "підсубкультур" і широкою зоною пограниччя, яке охоплює про-

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

никними елементами значну частину структури суспільства, тобто і групи, які ніякого прямого відношення до криміналітету не мають.

Отже, кримінальна субкультура – це образ життєдіяльності осіб, що об'єдналися в кримінальні групи й дотримуються визначених законів і традицій. Її основою є дефекти правосвідомості, серед яких можна виділити правову непоінформованість і дезінформованість, правове безкультур'я, соціально-правовий негативізм, соціально-правовий цинізм. При цьому дефекти правосвідомості збільшуються дефектами моральної свідомості, що зневажає загальнолюдськими принципами моралі.

Ідеться, власне, про значний ареал впливу цієї субкультури на молоду частину суспільства, субкультурну дифузію, кримінальну субкультуризацію українського суспільства, яке в умовах "прихватування", розграбування державного майна виявилось до неї досить схильним як з боку тих, хто грабує, так і з боку ошуканих і знедолених, які поповнюють ряди бомжів або криміналітету, знаходячи певну втіху в своєму надривному, безутішному фольклорі та співчуття у певних груп населення, які живуть за межами бідності.

Сприяє розвитку, кажучи точніше, не завжди кримінальної, але девіантної субкультури весь комплекс сучасних умов перехідного суспільства, у якому відображена і глобалізація суспільно-культурних процесів, і криза економіки, і суперечності трансформаційних процесів у різних сферах суспільного життя, окремі сегменти яких характеризуються морально-правовою девіантністю.

Таке всепроникнення цього девіантного за своїм характером процесу стає певним супроводом, культурною негативною тінню соціокультурних трансформаційних процесів.

Масштабність цього процесу є такою, оскільки сама кримінальна й культурно криміналізована спільнота та її некримінальний, але культурно-криміналізований супровід і "шлейф" близьких їм соціальних підгруп характеризуються гнучкістю й аморфністю, здібністю інкорпоруватися й інтегруватись майже в усі сфери суспільного життя. Особливо ж небезпечним для суспільства і його культури є взаємопроникнення кримінальної еліти й владних структур, які взаємointегруються та набувають не лише легального характеру, але і мають зростаючий вплив на державні

справи та розвиток суспільства, що стає можливим в умовах "переоцінки цінностей", коли базові культурні й моральні цінності минулого періоду перебувають у стані кризи, а нові ще не сформувалися.

Недослідженість цієї субкультури у трансформаційному процесі не дозволяє повною мірою визначити її місце в сучасній культурі, хоч із наявного матеріалу можна зробити висновок про зростання її ролі у вульгаризації культури та її деморалізації, легалізації "низової", примітивізованої гілки культури (але у сфері субкультурного міського музичного фольклору доведено її позитивний вплив на пісенну культуру, особливо побутового жанру).

Значне поширення кримінальної субкультури, характерне для перехідного періоду модернізації культури, є результатом розлагодженості й кризи не лише цілісно-нормативних регулятивів сучасної української культури, але й економічної та політичної кризи, супроводжуваної втратою чітких орієнтирів розвитку суспільства.

Література

1. Белавіна Т.І. Деякі аспекти становлення молодіжної політичної субкультури в Україні // Проблеми політичної психології та її роль у становленні громадянина Української держави. – К., 2001. – Вип. 3. – С. 156 – 160.
2. Ефимов К. Возможности проективных техник в маркетинговых исследованиях (на примере анализа особенностей "компьютерной" субкультуры). – Х., 2002.
3. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. – М., 1996.
4. Колесин И.Д. Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 130 – 136.
5. Савельев Ю.Б. Взаємодія субкультур як фактор соціокультурного розвитку: Автореф. дис. ... канд. філос. наук. – К., 1997.
6. Смыслова О. Психологические последствия применения информационных технологий. – СПб.: Петрополис, 1996.
7. Соколов К.Б. Субкультуры, этносы и искусство: концепция социокультурной стратификации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. – С. 134 – 143.
8. Шилова А.Н. Социология отклоняющегося поведения // Социологические исследования. – 1994. – № 8. – С. 68 – 72.

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Н.И. Черняева

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

По состоянию на 1 марта 2006 года в учреждениях уголовно-исполнительной системы Украины содержалось 169665 лиц¹. Количество лиц, отбывающих заключение в местах лишения свободы в Украине, составляет 398 человек на 100 тыс. населения, в то время как во многих странах Западной Европы этот показатель составляет 80 – 120 лиц. Кроме того, необходимо отметить, что наше государство входит в первую десятку стран по показателю осужденных к лишению свободы на 100 тыс. населения².

Обстоятельства, сложившиеся в местах лишения свободы, направлены на то, чтобы регламентировать жизнь человека до мельчайших деталей. И поэтому у осужденных возникает сознательный или стихийный протест против таких условий³.

Считая места лишения свободы "зародышем" и "носителем" криминальной субкультуры, которая, в свою очередь, выступает одной из причин совершения преступлений осужденными в исправительных учреждениях, следует указать, что динамика преступности в УИУ начиная с 1996 года имеет стойкую тенденцию снижения. Так, если в 1996 году уровень преступности из расчета на 1000 осужденных составлял 3,4 преступления, то в 2002 г. – 2,3, в 2003 – 2,1 преступления. На таком уровне остались ее показатели и в 2004 – 2006 годах⁴. В целом ежегодно количество преступлений, которые совершаются в местах лишения свободы, достигает цифры 400⁵.

¹ См.: Шевченко Д. Реформування кримінально-виконавчої служби України // Юридична газета. – 2006. – № 6.

² См.: Колесник Р. По той бік // Український юрист. – 2005. – № 3. – С. 34.

³ См.: Степанюк А.Х., Трубніков В.М. Режим відбuvання позбавлення волі в установах виконання покарання: Конспект лекцій. – Х., 1994. – С. 7.

⁴ См.: Колб О. Злочинність – один із чинників дестабілізації обстановки в місцях позбавлення волі // Юридична Україна. – 2004. – № 10. – С. 66.

⁵ См.: Колб О. Неналежне вивчення особи злочинця – одна з детермінант вчинення злочинів у місцях позбавлення волі // Юридична Україна. – 2005. – № 3. – С. 69.

Характерной особенностью преступлений в местах лишения свободы является ее латентность. Так, тюремное мужеложство стало настолько повседневным явлением, что уже не воспринимается как преступление и регистрируется только тогда, когда этого требуют обстоятельства¹.

При криминологическом анализе преступности в местах лишения свободы выделяют следующие ее виды:

- 1) уклонение от наказания;
- 2) массовые (групповые) преступные акты осужденных;
- 3) половые эксцессы осужденных;
- 4) использование запрещенных осужденными средств (наркотических, психотропных, оружия и т.д.);
- 5) противодействие деятельности уголовно-исполнительных учреждений;
- 6) традиционные виды преступного поведения осужденных, обусловленные корыстной, насильственной и другой общеуголовной мотивацией².

Все указанные виды преступной деятельности в местах лишения свободы прямо диктуются криминальной субкультурой в среде осужденных, нормами ("воровскими законами"), которые закреплены в так называемом арестантском кодексе.

Считая криминальную субкультуру основополагающим фактором преступности в местах лишения свободы, исходя из снижения количества преступлений в данных учреждениях, следует отметить, что ее влияние на осужденных, в частности на совершение ими преступлений, подвержено снижению. Кроме того, результаты проведенного нами исследования в феврале 2006 г. в г. Ровеньки Луганской области путем опроса лиц, освобожденных из мест лишения свободы (N-60), показали, что в настоящее время наблюдается тенденция сокращения некоторых элементов криминальной субкультуры среди осужденных. В.Н. Кудрявцев указывал на вытеснение прежних "воров в законе"³. Однако, как показывает

¹ См.: Голина В.В. Злочинність у місцях позбавлення волі та її попередження // Збірник наукових праць Харківського центру вивчення організованої злочинності. –Х., 2000. – Виш. 1. – С. 123.

² См.: Старков О.В. Основы криминопенологии. – Уфа, 1997. – С. 261.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002. – С. 106.

опрос вышеуказанных лиц, в целом иерархичность в среде осужденных сохраняется. Для того чтобы получить неформальный статус в социальной среде осужденных, необходимо самоутвердиться в ней. Средством этого является насилие, которое, как правило, обращено в сторону осужденных, занимающих более низкий статус в сложившейся иерархии и имеющих небольшой опыт пребывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы¹. Насильственные преступления в местах лишения свободы чаще всего совершаются в отношении особой группы осужденных, искусственно изолированной от других, так называемой группы "опущенных".

Обращаясь к статистическим данным относительно совершения преступлений освободившимися из мест лишения свободы, необходимо говорить о постоянном увеличении их количества. Так, в 1998 – 1999 гг. вновь стали на преступный путь до снятия или погашения судимости 22,5% ранее осужденных лиц². На протяжении 1992 – 1996 гг. прирост рецидива составлял 56,7%³. Кроме того, в результате беседы с сотрудниками Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний нами было установлено, что рецидив среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, составляет 75%. Снижение преступности в местах лишения свободы и увеличение рецидива свидетельствуют о том, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, не видят перспективы преступной деятельности в колониях, а ожидают как можно быстрого освобождения, чтобы продолжить свою преступную деятельность на свободе.

Вот поэтому в нашем обществе стали часто встречаться такие выражения, как "тюрьма – школа преступности", "наши тюрьмы являются главным источником эпидемии преступности", "рецидив имеет преимущественно пенитенциарную природу" др. В местах лишения свободы проявляет себя также феномен "обучения" преступниками-профессионалами своих "помощников" из

¹ См.: Уваров И.А. Виктимологические проблемы преступлений в исправительных учреждениях // Следователь. – 2004. – № 2. – С. 49.

² См.: Звіт про оперативно-службову діяльність органів внутрішніх справ України в 1999 році // Міліція України. – 2000. – № 1. – С. 3.

³ См.: Звіт перед українським народом "Про оперативно-службову діяльність органів внутрішніх справ України у 1999 році" // Іменем закону. – 1999. – № 51. – С. 7.

числа молодых правонарушителей. Таким образом, происходит распространение криминального опыта, в котором тюрьма, как и ранее, остается хранителем традиций преступного мира.

Если в 1920 – 1930-х гг., как описывает В. Чалидзе, преступная субкультура характеризовалась "экзотичностью своего поведения и замкнутостью в своей среде, относительным равноправием ее участников, избранием главаря всеми членами воровского сообщества"¹, то сейчас наблюдаются совершенно противоположные изменения в данном типе культуры. Т.е. криминальная субкультура, развивающаяся преимущественно в местах лишения свободы, в данных учреждениях снижает свое влияние, а за их пределами, распространяясь, приобретает ярко выраженный массовый характер, причем это происходит за счет влияния криминальной субкультуры как на лиц, освободившихся из мест лишения свободы, так и на все общество в целом (вовлечение в преступную деятельность, пропаганда криминальной субкультуры среды осужденных средствами СМИ).

Литература

1. Голіна В.В. Злочинність у місцях позбавлення волі та її попередження // Збірник наукових праць Харківського центру вивчення організованої злочинності. – Х., 2000. – Вип. 1.
2. Звіт перед українським народом "Про оперативну-службову діяльність органів внутрішніх справ України у 1999 році" // Іменем закону. – 1999. – № 51.
3. Звіт про оперативну-службову діяльність органів внутрішніх справ України в 1999 році // Міліція України. – 2000. – № 1.
4. Колб О. Злочинність – один із чинників дестабілізації обстановки в місцях позбавлення волі // Юридична Україна. – 2004. – № 10.
5. Колб О. Неналежне вивчення особи злочинця – одна з детермінант винення злочинів у місцях позбавлення волі // Юридична Україна. – 2005. – № 3.
6. Колесник Р. По той бік // Український юрист. – 2005. – № 3.
7. Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002.

¹ Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. – М., 2002. – С. 106.

8. Старков О.В. Основы криминопенологии. – Уфа, 1997.
9. Степанюк А.Х., Трубніков В.М. Режим відбування позбавлення волі в установах виконання покарання: Конспект лекцій. – Х., 1994.
10. Уваров И.А. Виктимологические проблемы преступлений в исправительных учреждениях // Следователь. – 2004. – № 2.
11. Шевченко Д. Реформування кримінально-виконавчої служби України // Юридична газета. – 2006. – № 6.
12. Шнайдер Г.Й. Криминология. – М., 1994.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК СКЛАДОВА ТОТАЛІТАРНОГО СУСПІЛЬСТВА

В.В. Снегірьов

*(Луганський державний університет
внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка)*

С.І. Толстік

(Томський державний університет, Російська Федерація)

Бажання закріпити поняття "соціальна держава" саме в перехідний період не є випадковим, бо за умов тоталітарних режимів (комуністичного чи фашистського) держава проголошувала мінімум соціальних потреб і державний захист або певній нації (фашистська Германія), або певному класові (СРСР).

Звернемося насамперед до поняття "соціальна структура суспільства". Це поняття охоплює різноманітні види поділу суспільства на групи та стійкі взаємозв'язки між ними, сукупність усіх соціальних спільнот і груп, які певним чином взаємодіють одна з одною.

І Україна успадкувала від останньої практично все: економічну систему, характерну для цієї системи соціальну структуру, основні елементи політичної системи та майже всю правову. Тому логічно почати аналіз соціальної сутності сучасної Української держави з аналізу соціальної сутності СРСР та УРСР.

У вітчизняній, як, до речі, і в усій світовій науковій, політичній, історичній та юридичній літературі, не існує єдиної точки зору на соціальну сутність СРСР. Більше того, іноді заперечується й сама необхідність її дослідження. До початку 80-х років радянські

дослідники стояли на чітких марксистських позиціях, визнаючи, що класом є група людей, об'єднаних економічними показниками, і те, що в Радянському Союзі, який будував безкласове суспільство, не існувало антагоністичних класів, було аксіомою. З початком перебудови (кінець 80-х – початок 90-х) з'явилися розбіжності в поглядах на це питання.

Заперечуючи наявність класів у радянському суспільстві, В.В. Радаєв і О.І. Шкаратан пропонують таку ієрархічну модель радянського суспільства, побудовану на базі соціально-професійних рангів, залежно від яких визначаються привілеї та доступ до суспільних благ:

Правлячі верстви:

- 1) політичне керівництво;
- 2) вищі функціонери й управлінці;
- 3) партійні функціонери;
- 4) державні чиновники;
- 5) керівництво армії, МВС і КДБ;
- 6) директори й керівники великих підприємств і установ.

Передаючі верстви: керівники і функціонери середньої та нижчої ланки.

Виконавчі верстви:

- 1) рядові спеціалісти;
- 2) кваліфіковані працівники;
- 3) нижчі службовці;
- 4) робітники середньої та низької кваліфікації.

Утриманці: учні, пенсіонери та ін.

"Парії":

- 1) депласовані елементи, люмпени, безробітні;
- 2) ув'язнені, рядові строкової армійської служби.

Подібної точки зору дотримується і В.В. Колбановський, який вважає, що після Жовтневої революції в Росії були ліквідовані класи, а замість них утворилися стани. Саме радянське суспільство він характеризує як неостанове і пропонує таку схему його поділу.

Соціальна піраміда неостанового суспільства включає:

- 1) тоталітарну олігархію з трьох страт: політичні олігархи вищого, середнього і нижчого рангу; ідеологічна олігархія в науці,

мистецтві та культурі, військово-господарська олігархія (червоні командири, червоні директори й червоні поміщики – керівники великих колгоспів і радгоспів);

2) робітничий клас із поділом за кваліфікацією (низькою, середньою та високою), за рівнями механізації та автоматизації праці, а також за привілейованими (ВПК) і непривілейованими галузями з дуже великими розривами в доходах, престижі, соціальній інфраструктурі тощо, 80 млн. осіб, яких відносять до робітничого класу, становлять величезний масив простої та складної фізичної, а також розумово-фізичної праці, масив настільки різний за своїми вертикальними й горизонтальними стратами, що лише в ідеологічних міфах можна говорити про "єдиний" робітничий клас як "провідну силу" суспільства;

3) селянство, штучно поділене на робітників радгоспів (із найвищими доходами) і колгоспників (із найнижчими доходами з усіх страт зайнятого населення);

4) інтелігенцію, спеціалістів високої та середньої кваліфікації, які розрізняються за престижними (міжнародні відносини, військова справа і ВПК) і непрестижними галузями;

5) духовенство (священнослужителів вищого, середнього і нижчого рангів);

6) латентну буржуазію – ділків "тіньової" економіки й організованої злочинності, реальних власників майна на мільярди рублів, майбутніх "сценаристів" і "акторів" людської комедії "дикого" російського капіталізму;

7) соціальне дно – повій, наркоманів, бродяг, бездомних та ін., а також професійних злочинців, рецидивістів і кримінальників ГУТАБу.

З точки зору методології найбільш плідним видається підхід учених першої підгрупи. Свою позицію вони доводять за допомогою таких аргументів.

Пропонована вченими першої групи парадигма тією чи іншою мірою спирається на аналіз економічного устрою досліджуваного суспільства. Це, у свою чергу, дає можливість точніше моделювати подальший розвиток соціальних процесів, пов'язаних із ходом економічних реформ. Адже відомо, що процеси в економі-

ці легше піддаються моделюванню, ніж соціально-політичні тенденції.

Головним об'єктивним фактором, який на тривалий час визначає поведінку великих соціальних груп, є, поряд із національними, їх економічні інтереси. Економічні інтереси тієї чи іншої соціальної групи можна правильно охарактеризувати, визначивши те місце, яке вона посідає в системі суспільного виробництва, обігу, розподілу та споживання матеріальних і духовних благ, тобто її належність за політекономічним критерієм до того чи іншого типу носіїв економічних інтересів.

Дискретний поділ якоїсь групи об'єктів за критеріями, що максимально розрізняють об'єкти в межах окремих підгруп, є одним із найстаріших і гносеологічно ефективних формально-логічних методів наукового пізнання.

Певне спрощення, притаманне такій класифікації, її більш загальний, дещо навіть вульгарний характер, однак несе в собі істотну перевагу: дискретний поділ суспільства на великі соціальні групи дає можливість із максимальною точністю змоделювати їх рух у соціальному середовищі та спрогнозувати їх поведінку, а також і ті зрушення, які спричинить така поведінка в державно-правовій теорії, насамперед у характері соціальної сутності держави. Аналіз такої поведінки на мікрорівні, на рівні поведінки окремих верств і прошарків не дає можливості, по-перше, виявити її зв'язок з економічними процесами, оскільки статистичні закономірності виявляються тільки у великих масштабах, і, по-друге – розкрити їх справжні інтереси через "розмивання" загальної картини швидкозмінними ідеологічними, культурними чи політичними вподобаннями окремої групи. Якщо ж розглядати великі соціальні групи, дискретно поділені за їх економічними інтересами, то ці відхилення на загальному фоні є незначними і не створюють загальної картини.

Така парадигма є прогресивною зі світоглядної точки зору, оскільки дає можливість розглядати радянське суспільство й аналогічні йому суспільства як особливу цивілізацію зі своїм економічним устроєм, ідеологією, культурою (найкраще, на наш погляд, цю ідею висловили М.С. Восленський і В.Б. Пастухов). Глобальний характер державності радянського типу, її неповторне історичне

обличчя ставить її в один ряд із такими історичними категоріями, як середньовіччя, нова доба, постіндустріальне суспільство. Оціночні категорії типу "хороший – поганий" навряд чи можна застосовувати до подій такого глобального масштабу.

Так, колишній радянський учений А. Зинов'єв, у 1978 році примусово висланий із країни, з цього приводу пише: "Я заперечую поширену думку, нібито комунізм у Росії чужий російській історії і російському народу, ніби він був нав'язаний купкою ідеологів масам доброго й хорошого населення шляхом насильства, обману, всупереч волі, бажанням та інтересам мас. Комунізм є соціальна організація величезних мас людей, а не просто політичний режим. Він склався в Росії не за марксистським проектом (такого проекту взагалі не було), а силою об'єктивних законів організації великих мас людей у єдиний соціальний організм, причому в умовах боротьби людей за звичайне фізичне виживання.

Комуністичне суспільство є не менш природним соціальним утворенням, ніж будь-яке інше, і в тому числі західне. Воно має свою специфічну соціальну структуру, свої об'єктивні закономірності функціонування. Ці структури й закономірності не мають нічого спільного з тим, як це суспільство зображувалося в радянській і тим більше в західній ідеології, які претендують на статус соціальної науки, але не містять у собі нічого наукового".

Тому саме з методологічних міркувань спробуємо нижче відтворити логіку політекономічного підходу до дослідження соціальної сутності СРСР, якої в цілому дотримуються її представники першої підгрупи і яка тією чи іншою мірою присутня в працях багатьох авторів третьої групи.

Визначаючи тип виробничих (матеріальних) відносин, існуючих у конкретному суспільстві, необхідно встановити наявність або відсутність відчуження виробників від процесу, результатів і умов праці (засобів виробництва), а за наявності відчуження від засобів виробництва – спосіб експлуатації.

Зміст матеріальних виробничих відносин, як відомо, становить привласнення засобів виробництва та предметів споживання. Одним із різновидів цього привласнення є безоплатне вилучення в безпосередніх виробників частини чи всього додаткового продукту (його відчуження) на користь власників засобів вироб-

ництва, тобто експлуатація. Розрізняють два основних способи експлуатації: економічний і позаекономічний примус (хоча, зрозуміло, можливі й перехідні варіанти). Так, позаекономічний примус у його чистому вигляді характерний для рабовласницьких виробничих відносин, а економічний – для капіталістичних.

Економічний примус передбачає товарний характер робочої сили. Оскільки в СРСР робоча сила товаром не була, а виробники одержували у своє розпорядження предмети споживання, кількість яких дещо перевищувала мінімум, необхідний для відтворення простого фізичного існування (хоча в таборах системи Головного управління таборів НКВС СРСР і в деяких подібних установах у значних виробничих масштабах навіть на тлі всієї економіки держави тривалий час використовувалася рабська праця), то домінуючі в СРСР виробничі відносини слід віднести до відносин змішаного типу, які поєднують у собі окремі риси позаекономічного й економічного примусу.

До таких відносин належать феодальні виробничі відносини азійського способу виробництва (АСВ). Характеризуючи цей спосіб виробництва, А.М. Ушков наводить такі його найважливіші ознаки:

1) держава як верховний власник землі й індивід, що лише епізодично (в особливих політичних та економічних обставинах) стає власником, залишаючись у нормі користувачем наділу (тимчасово-умовним або спадковим власником) і розпорядником виробленого продукту;

2) селяни-общинники (не раби й не кріпосні, а особисто вільні селяни – основна маса податного населення) як основний експлуатований і політично (у масштабах держави) безправний стан;

3) надобщинна держава (уряд) деспотичного типу, яка здійснює жорсткий контроль за приватною підприємницькою діяльністю і має монополію на деякі життєво важливі виробництва;

4) значний прощарок суворо ієрархічного чиновництва та різною мірою розвинені релігійно-етичні доктрини (релігії сходу) як офіційна (державна) ідеологія.

А.М. Ушков, торкаючись питання про аналогію між державами азійського способу виробництва і "реального соціалізму", усе

ж заперечує обґрунтованість такої аналогії: "...Віттфогель у своїй книзі "Східний деспотизм: порівняльне дослідження тоталітарної влади" (1957 р.) звернув увагу на подібність країн "реального соціалізму" до східної деспотії насамперед тому, що і тут, і там панівним класом виступала бюрократія.

Так було підняте складне питання про співставлення східного деспотизму з тоталітаризмом. Гіпотеза Віттфогеля отримала розвиток: деякі сучасні дослідники, публіцисти ігнорують відмінності між бюрократією традиційною та полібюрократією (номенклатурою) сучасного індустріального суспільства, розглядають АСВ не як формацію чи спосіб виробництва, а як спосіб управління всім життям тотально одержавленого суспільства. Зрозуміло, "червоному", комуністичному тоталітаризму Сталіна як східного деспота дається начебто нетривіальне пояснення. Але виникають великі труднощі з далеко не азіатським "коричневим", нацистським тоталітаризмом Гітлера".

М.С. Восленський у великій (обсягом понад 600 сторінок) книзі детально аналізує з позиції саме політекономічного підходу соціально-економічний устрій СРСР і визначає його як особливу соціально-економічну формацію, у принципі схожу на ту, що не вирвалася до кінця із лабет середньовіччя. Він послідовно викладає свою точку зору на тоталітарні режими в Німеччині й Італії як на феодальну реакцію в індустріальному суспільстві: "Усе-таки феодалізм? У Німеччині та Італії? Так, саме там. Не будемо забувати, що ці дві країни перетворилися на національні держави тільки в другій половині минулого століття. Отже, усього лише 10 років тому вони подолали структуру періоду феодальної роздробленості, і не легко, а за формулою Бісмарка – залізом і кров'ю...". "Феодальна реакція виступила й у Західній Європі у формі тоталітаризму, тільки не комуністичного інтернаціонального, а націоналістичного".

Дискусійність концепцій, наявність безлічі точок зору в межах третьої групи підходів призвела до появи цілого "букету" різних термінів для вираження поняття про суспільство радянського типу, за допомогою яких можна також наглядно проілюструвати різні точки зору на ці проблеми.

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ХУЛИГАНСТВО

В.Я. Литвинов

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Из многих преступлений хулиганство можно считать наиболее тесно связанным с криминальной субкультурой. Хулиганские поступки – это всегда неуважение к обществу, его морали, культуре. А криминальная субкультура как раз раскрепощает побуждения, ограничиваемые доминирующей культурой¹, укрепляя антиобщественные мотивации поведения.

Термины "хулиган" и "хулиганство" стали употребляться в России с XIX века. По мнению Я. Бугайского, их сделал общеупотребимыми популярный в свое время французский журналист Дионео, который регулярно использовал их в своих статьях о преступности, публиковавшихся в российских изданиях. П. Люблинский связывает их появление с приказом петербургского градоначальника фон Валя, который в 1892 году предписал всем органам полиции принять решительные меры против бесчинствовавших в столице "хулиганов", под которыми подразумевались действовавшие тогда шайки насильников. Полиция, ревностно выполнявшая распоряжение, внедрила это слово в повседневный лексикон².

Хулиганство всегда характеризовалось циничностью и явной несоразмерностью насильственных действий и повода к ним. В современных же условиях происходят изменения не столько количественных показателей хулиганства, сколько его качественных характеристик. Преступные действия хулиганов становятся все более дерзкими, чаще сопровождаются жестоким избиением потерпевших, глумлением над ними, уничтожением имущества, имеют ярко выраженную разрушительную и даже вандалистскую

¹ Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С. 77.

² Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. – М. – Л.: Молодая гвардия, 1927. – С. 9; Люблинский П. Хулиганство и его социально-бытовые формы // Хулиганство и хулиганы. – М.: НКВД РСФСР, 1929. – С. 38.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

направленность¹. Уголовно-правовое хулиганство является особым составом, подчеркивающим наличие криминальной субкультуры (хулиганство характеризуется умышленной виной и мотивом явного неуважения к обществу)². Неуважение к обществу – это стремление показать свое пренебрежение существующими правилами и нормами поведения в обществе, самоутвердиться за счет унижения других лиц, противопоставить себя другим гражданам, обществу, государству. Именно противопоставление поведения общепринятым нормам является общим признаком как хулиганства, так и криминальной субкультуры.

Наиболее восприимчивой к подражанию хулиганскому поведению социальной группой является молодежь. Хулиганские мотивации способствуют росту и распространению таких опасных явлений, как формирование молодежных преступных территориальных группировок (футбольные фанаты, уличные банды и т.п.), в которых социализация их членов осуществляется в антиобщественном направлении, поскольку криминальная субкультура уродливо социализирует личность, стимулирует перерастание возрастной, экономической, национальной оппозиции в криминальную. Именно поэтому криминальная субкультура является мощнейшим механизмом воспроизводства преступности.

Одним из проявлений влияния криминальной субкультуры на молодежь является язык (речь) субъектов хулиганства³. Конечно, речь ее можно называть лишь условно, поскольку она передает только характер межличностных отношений, профессиональные термины преступных специальностей и общее отрицательное отношение к проявлению положительных человеческих чувств (доверчивости, порядочности, совести, любви и т.д.) и не несет в себе никакого позитивного начала. Подражание этим образцам речи в повседневном общении порождает соответствующие поведенческие стереотипы. Г. Пищенко обращает внимание на то, что в изученных материалах

¹ См.: Антонян Ю.М. Насильственные преступления в России // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. – М., 2001. – С. 8 – 9.

² См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Украины от 5 апреля 2001 г. / Под ред. Н.И. Мельника, Н.И. Хавронюка. – К., 2005. – С. 814.

³ См.: Піщенко Г. Кримінологічна характеристика хуліганства: причини та умови його вчинення // Право України. – 2000. – № 5. – С. 81.

уголовных дел по фактам хулиганства нецензурные слова в речи хулиганов присутствуют в 90% случаев¹. Аналогичные данные были получены в ходе проведенного мной экспертного опроса сотрудников милиции и школьных учителей старших классов (2005 год, г. Свердловск Луганской области), которые показали, что в 92,5% случаев проявления хулиганских действий имеют место бранные слова.

Мощным катализатором высвобождения проявлений криминальной субкультуры из-под социального контроля являются спиртные напитки. По данным нашего исследования, в состоянии алкогольного опьянения возрастает уровень использования нецензурных слов и выражений в речи, осуществляется выход за пределы социально дозволенных эмоций, что зачастую подталкивает к совершению "беспричинных" преступлений, подпадающих под определение административного или уголовного хулиганства. Этот факт также нашел свое подтверждение в ходе проведенного мной экспертного опроса.

Таким образом, разработка мер противодействия хулиганству должна основываться на тщательном анализе криминальной субкультуры, ее функционирования и влияния на отдельные группы населения. И прежде всего – на молодежь.

Литература

1. Антонян Ю.М. Насильственные преступления в России // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. – М., 2001.
2. Бугайский Я. Хулиганство как социально-патологическое явление. – М. – Л.: Молодая гвардия, 1927.
3. Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000.
4. Люблинский П. Хулиганство и его социально-бытовые формы // Хулиганство и хулиганы. – М.: НКВД РСФСР, 1929.
5. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2005 г. / Под ред. Мельника, Хавронока. – К., 2005.
6. Піщенко Г. Кримінологічна характеристика хуліганства: причини та умови його вчинення // Право України. – 2000. – № 5.

¹ См.: Піщенко Г. Кримінологічна характеристика хуліганства: причини та умови його вчинення // Право України. – 2000. – № 5. – С. 81.

ВЛИЯНИЕ НАРКОГЕННЫХ МИФОВ НА СУБКУЛЬТУРУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

М.С. Хомич

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Прогрессирующая в настоящее время наркотизация населения обуславливается, главным образом, за счет подрастающего поколения. Из более 150 тысяч наркоманов, состоящих на учете в Украине, две трети составляют лица в возрасте до 30 лет. Трудно не согласиться с И. Самохваловым, что "наркотизм в современном обществе является, прежде всего, молодежной проблемой"¹.

Первое употребление наркотиков происходит, как правило, в компании несовершеннолетних², под влиянием друзей, перед которыми не хотелось бы выглядеть "слабаком" или "белой вороной". Немаловажная роль при этом, по моему мнению, принадлежит "наркогенным мифам" – ложным представлениям (заблуждениям) о легальных и нелегальных наркотических веществах, а также о факторах, влияющих на распространение наркотизации, на возникновение психологической и физической зависимости человека от наркотиков³.

Какие именно молодежные мифы выполняют наркогенную функцию? Насколько широко распространены? Каким образом они распространяются? С целью получения ответов на эти вопросы автором весной 2006 года в г. Луганске было проведено пилотажное криминологическое исследование, в котором источником информации по теме стали лица, употребляющие и употреблявшие наркотики (всего было опрошено 40 человек). Именно они, на мой взгляд, достаточно компетентны в данной проблеме, поскольку были в свое время подвержены воздействию наркогенных мифов.

¹ Самохвалов И.Ю. Интроекция наркогенной субкультуры несовершеннолетних как предмет криминологического исследования // Следователь. – 2005. – № 4. – С. 45.

² См.: Савицкий О.В. Факторы и условия первого употребления наркотиков среди молодежи // Віктимологічні аспекти злочинності. Криминологічні дослідження. Вип. 1. – Луганськ, 2006. – С. 107 – 123.

³ Самохвалов И.Ю. Интроекция наркогенной субкультуры несовершеннолетних как предмет криминологического исследования // Следователь. – 2005. – № 4. – С. 45.

Как показали результаты исследования, опрошенные подтвердили распространенность в молодежной среде представлений, имеющих наркогенное влияние. Из девяти вариантов таких представлений, предложенных в анкете, наиболее распространенными среди молодежи являются следующие: "наркотики придают жизни разнообразие и скрашивают ее" (80%), "употребляя наркотики, попадаешь в особый мир с необыкновенными возможностями" (73%), "наркотики делают людей свободными" (60%). При этом 50% респондентов подтвердили, что выделенные нами мифы повлияли на то, что они стали употреблять наркотики. Интересно, что большая часть лиц, употребляющих наркотики по настоящее время, до сих пор считают мифы реальной информацией. Возможно, они сами поддерживают подобный "арсенал аргументов", оправдывающий их зависимость.

Основным каналом распространения наркогенных мифов являются друзья опрошенных. Это отметили 83% респондентов. Подростки всячески стремятся отстоять свое право на самостоятельность и независимость, создать свой собственный мир, не похожий на мир взрослых. Мнение и советы родителей теряют свою значимость. Большую роль приобретает общение с ровесниками. Отсюда и возникает тяга к молодежной моде, сленгу, музыке. Словом, ко всему, что отличает мир несовершеннолетних от мира взрослых, пусть даже это и осуждается последними. Таким образом, и наркотизм, и некритическое представление о нем (наркогенные мифы) становятся элементами молодежной субкультуры.

53% опрошенных в качестве источника наркомифов назвали продавцов наркотиков, которыми рекламируется, прежде всего, позитивное психоэмоциональное состояние с эффектом безнаказанности, безвредное и, самое главное, "современное". Потенциальными потребителями наркотик начинает выделяться в качестве предмета какой-то одной или нескольких неудовлетворенных потребностей, связанных с удовольствием, преодолением усталости, снятием нервно-психического напряжения и др.

Результаты проведенного исследования говорят о том, что программы профилактики наркотизма должны обязательно предусматривать возможные "вытеснения" из молодежной среды компонентов наркогенной субкультуры, в частности наркогенных мифов, развен-

чение "культы наркотизма". Важную роль тут может сыграть выражение негативного отношения к наркотизации со стороны людей, значимых, авторитетных для подростка, особенно его близких друзей. Как показали результаты исследования, их мнение в этом вопросе является более значимым, чем точка зрения родителей.

ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ НА ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.В. Пастухов

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Жизнь профессионального преступника всегда связана с противопоставлением себя обществу. Лица, переступающие закон, общаясь с себе подобными, должны были каким-то образом самоутверждаться, находить оправдание своему поведению и вырабатывать стиль поведения, соответствующий их образу жизни. Таким образом, в преступной среде стала вырабатываться своя специфическая криминальная субкультура, отличная от культуры всего остального общества. Языковеды прошлого пытались изучить и систематизировать тайный язык профессиональных преступников и называли его то "феней", то "арго", то "блатной музыкой". Изучением этого вопроса занимались А. Шор, М.М. Фридман, Г.Н. Брейтиган. Русскую "блатную музыку" изучал В.И. Даль. На Руси этот язык известен под названием "музыка". По словам В.И. Даля, эта "музыка" была разработана столичными мошенниками, карманниками и ворами разного промысла, конокрадами и баришниками. Однако это представление, по нашему мнению, не полностью отражает характер возникновения жаргона. Процесс его формирования достаточно сложен и связан со многими социальными факторами¹. Жаргон, как правило, вырабатывался у каждой категории профессиональных преступников. С одной стороны, он носил универсальный характер, т.е. определенная часть терминов и слов являлась общей для всех правонарушителей, а с другой – был сугубо индивиду-

¹ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 63.

лен для каждой группы. Наиболее развитым оказался специализированный жаргон карманных воров, карточных шулеров, взломщиков сейфов, бродяг и скушчиков краденого¹. Одним из элементов криминальной субкультуры являются татуировки. Изучением наколок как особых примет преступников занимались А. Бергильон и Ч. Ломброзо. Последний установил более выраженное желание татуироваться среди преступников и солдат с целью своего самоутверждения. По некоторым данным, в 1984 – 85 годах в нашей стране нанесли себе татуировку во время службы в армии 75 – 82% (в зависимости от рода войск) от общего числа военнослужащих. Особенно популярной татуировка была во флоте и стройбате. Число татуированных осужденных составляло 94% от общей массы лишенных свободы. Как видим, цифры близкие, а отношение к тем и другим обладателям татуировок практически одинаковое².

Криминальную субкультуру и ее влияние на общество освещали в своих работах Ю.М. Антонян, Е.Г. Багреева, А.Ф. Зелинский и многие другие видные ученые.

А.Ф. Зелинский, анализируя психологические аспекты криминальной субкультуры, вполне объективно утверждает, что для представителей преступного мира "характерно социальное и психологическое отчуждение, которое влечет тяготение к себе подобным и образование криминальной субкультуры: жаргона, татуировок, фольклора, блатных "законов". Психологическое содержание воровского жаргона состоит в неосознанном стремлении освободиться от власти обычной человеческой морали, прерывая веками выработанные рефлексы на произнесенное слово. "Убийство" – один рефлекс, "мокруха" – другой; "украсть" – один рефлекс, "стырить", "облочить лепеня" – другой. Вероятно, таково и назначение матерщины – широко распространенной ненормативной лексики: грубиян и хулиган стремятся освободиться от сдерживающих хамство рефлексов, развязать себе руки"³. Но данная тема настолько многогранна, что каждый, кто начнет углубленное ее изучение, может открыть что-то новое и неизвестное.

¹ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 65.

² См.: Барановский В., Мельников И. Искусство татуировки. – ЗАО Славянский дом книги, 2002. – С. 5.

³ Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С. 81.

По наблюдениям социологов, уровень детской и подростковой преступности резко возрастает в период войн и социальных потрясений. Крупнейшим событием, породившим волну преступности, захлестнувшим всю бывшую Российскую империю, явилась Октябрьская социалистическая революция и последовавшая за ней гражданская война. В это время происходило разрушение вековых традиций общества, прерывались социальные связи, контроль общества над индивидом был утрачен. Экономика пришла в упадок. Все это вызвало скачок преступности. Основными причинами уголовных проявлений выступали голод, нищета и безработица. Обнищание народных масс усугублялось разграблением государства армиями интервентов, причинивших материальный ущерб на сумму 77 млрд. золотых рублей. Однако эти коренные причины в большей мере были общими для всей преступности.

Основу профессиональной преступности составляла тогда детская беспризорность – результат гражданской войны и интервенции. Это явление достигало колоссальных размеров. "У нас, – писала Н.К. Крупская, – зарегистрировано 7 млн. беспризорных (а сколько не зарегистрировано!), а в детские дома, самое большее, помещено 800 тыс. Куда же девать остальных?"¹.

Основная масса беспризорных на протяжении многих лет добывала средства к существованию как придется, чаще всего кражами, которые, по словам М.Н. Гернета, были типичным преступлением, совершенным ребенком и подростком².

Существует мнение, что именно в среде малолетних преступников зародились основы той криминальной субкультуры, которая дошла до наших дней. И именно из бывших беспризорников вышли первые "воры в законе", а неписанные правила шаек беспризорников переродились в лагерные "понятия".

Еще одной вехой укрепления и расширения влияния криминальной субкультуры стал период сталинских репрессий. В это время тысячи людей попадали в лагеря безвинно. Арестам подвергались родственники репрессированных и их дети. Многие оказывались морально не готовыми к этому и, попав в среду уго-

¹ Крупская Н.К. Борьба с беспризорностью: Собр. соч. – М., 1978. – Т. 3. – С. 165.

² См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 92.

ловников, сами перенимали их образ жизни и манеру поведения. Таким образом к криминальной субкультуре насильственно приобщались миллионы людей. И среди них много было несовершеннолетних, которые в виду сильной восприимчивости не сформировавшейся личности принимали окружающую действительность как должное и подстраивались, сращивались с ней.

Очередной страшной страницей в истории нашего народа стала Великая Отечественная война. И вновь по всей стране появились тысячи беспризорников, которые сбивались для того, чтобы выжить и с помощью преступлений прокормить себя. В 1945 году, по оценке УНКВД Москвы и Московской области, в столице было задержано почти 1000 карманных воров, преимущественно в возрасте до 25 лет¹.

После смерти Сталина были проведены амнистии. Тысячи заключенных почти одновременно очутились на свободе. Из мест лишения свободы они привезли с собой и свою манеру поведения, и стиль общения, и жизненные принципы, и свою субкультуру. К этому времени уже были четко сформулированы воровские "законы". Одно из положений "закона" требовало от воров вовлечения в свою среду новых членов, поэтому они вели активную работу среди молодежи, особенно среди несовершеннолетних. Система вовлечения, по словам воров, была достаточно эффективной. Новичков обольщали "воровской романтикой", "красивой жизнью", свободной от обязательств перед обществом, властью денег и культом насилия. Их приучали к водке, наркотикам, сводили с воровскими проститутками. С другой стороны, их били и шантажировали, заставляли брать на себя вину за преступления, совершенные ворами. Последнее было чуть ли не основным мотивом вовлечения молодежи.

В местах лишения свободы члены группировки использовали кандидатов ("пацанов") для различных поручений – сбора средств для общей кассы ("общака"), а нередко – в сексуальных целях. Таков был путь в воровское сообщество почти у каждого вора, что, несомненно, способствовало формированию цинизма, жестокости и презрения к нравственным ценностям². "Блатная романтика" запол-

¹ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 102.

² См. там же. – С. 111 – 112.

нила улицы, дворы, семьи. Молодежь стремилась подражать взрослым, вернувшимся из мест лишения свободы, копировала их манеры и перенимала их психологию. Блатная романтика активно насаждалась криминальной средой вплоть до 80-х годов XX века.

Уголовно-воровские традиции самым тесным образом связаны с воспроизводством профессиональных преступников за счет лиц из числа неустойчивой молодежи. Не случайно, по данным А.И. Миллера, 45% подростков были привлечены к уголовной ответственности за аналогичные преступления, совершенные ранее судимыми лицами из их окружения. По нашим данным, 60% карманных воров начали воровать в возрасте 16 лет под руководством профессиональных преступников-рецидивистов, в том числе близких родственников.

Опосредованным фактором влияния уголовно-воровских традиций на появление новых профессиональных преступников является так называемая блатная романтика, о чем свидетельствуют элементы субкультуры у осужденных несовершеннолетних, возникающие и усваивающиеся без контактов с ранее судимыми. При этом, отмечал еще Г. Медынский, любая связь с рецидивистом их значительно усиливает¹.

В конце 80-х годов, во времена перестройки, общество вступило в пору перемен. Молодежь активно искала новое и стремилась уйти от общеобязательной "уравниловки". Повсюду возникали новые неформальные молодежные объединения, например: панки, металлисты, рокеры, пацифисты и т.д.

Исследователь молодежной преступности В.Ф. Пирожков определяет криминальную субкультуру как совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей. Основу криминальной субкультуры составляют чуждые гражданскому обществу ценности, нормы, традиции, различные ритуалы объединившихся в группы молодых преступников. В них в искаженном, извращенном виде отражены возрастные и другие социально-групповые особенности несовершеннолетних. Криминальная субкультура уродливо социализирует

¹ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. - М.: Юридическая литература, 1990. - С. 111 - 112.

личность, стимулирует перерастание возрастной оппозиции в криминальную, является механизмом воспроизводства преступности в молодежной среде¹.

Примерно в то же время начинается проникновение в наше общество западных фильмов с культом насилия, жестокости, усиленное появлением подпольных секций восточных единоборств, давших такое явление, как рэкет. По мнению В.В. Серебряка, это стало возможным именно благодаря извращению духовных ценностей восточных единоборств и отсутствию религиозного воспитания. В рэкет пришла именно молодежь и принесла изменения в уголовную субкультуру, свои обычаи, нравы. Новая волна отходила от старых воровских традиций и активно насаждала собственные правила. Произошла постепенная криминализация всего общества и сращивание криминала, власти и капитала.

Как констатирует В.Ф. Пирожков, криминальная субкультура по своей сущности агрессивна. Она вторгается в культуру официальную, взламывая ее, девальвируя ее ценности и нормы, насаждая свои правила, атрибутику. Известно, что носителем культуры является язык. Возьмем, к примеру, "великий и могучий" русский язык. На сегодняшний день он оказался пронизан словами из уголовного жаргона, на котором охотно говорят как подростки, так и представители власти, депутаты государственной думы. А ведь утрата чистоты национального языка – серьезнейший симптом нарастания процесса глубокой криминализации общества. Особо важно подчеркнуть, что эта криминализация в первую очередь затрагивает подрастающее поколение как наиболее активную в криминальном отношении часть общества и наиболее чуткую по своим возрастным особенностям к языковым инновациям.

Мы и не заметили, как слова воровской "малины" ("авторитет", "братки", "беспредел", "качки", "кореша", "крутой", "общак", "пахан", "стрелка" и многие другие) вошли в нашу разговорную речь. Нас уже не коробит от выражений "парламентские разборки" или "политический наезд". Правда, мы еще не перешли окончательно на "феню". Пока что на "гражданке" не называют столовую – "кишкородромом", а свежий белый хлеб – "белинским".

¹ См.: Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С. 80 – 81.

Говоря о криминальной субкультуре, нельзя ограничиться внешними ее проявлениями (нецензурная речь, коррупция и т.п.). Криминальная субкультура – это форма сознания, формирующегося не только в результате сиюминутной действительности, но и накопленного жизненного опыта многих поколений¹.

Очень много школьников того времени хотели стать именно "братками". Существовал определенный стиль одежды (малиновые пиджаки, цепи), прически ("площадка"), свой сленг и манера общения ("пальцовка"). В это время появилось очень много анекдотов о "новых русских", также наблюдался рост преступности среди молодежи. Причем характерен факт переноса взрослой уголовной иерархии в молодежную среду.

Сейчас мы также можем наблюдать элементы уголовной субкультуры в средствах массовой информации и печатных изданиях. На прилавках магазинов можно наблюдать огромное количество книг, газет и журналов о жизни в уголовной среде. По телевизору и в кинотеатрах идут фильмы такого же содержания ("Фартовый", "Боец" и т.д.). С экранов телевизоров исполняют "блатные" песни знаменитые певцы и группы (Шуфутинский, Розенбаум, Высоцкий, Кучин, Круг, "Лесоповал", "Бутырка" и др.). На радио есть даже целые каналы этой направленности ("Шансон", "Авторadio"). Все это негативно сказывается на воспитании молодого поколения.

Чтобы коренным образом изменить данную ситуацию, усилий одной организации или министерства будет недостаточно. Требуется общегосударственная программа. Нужно в первую очередь изменить социальные и экономические условия жизни населения. Необходимо создать атмосферу нетерпимости к любым проявлениям уголовной субкультуры. Должна быть определенная цензура в средствах массовой информации, кино, на телевидении, радио, в печатных изданиях. Рекомендуется повсеместное создание детско-юношеских организаций патриотической направленности, таких, как "Пласт", "Юные казаки". Правоохранительным органам надо всячески помогать в развитии молодежных отрядов содействия милиции, юных инспекторов ГАИ, юных пожарных и т.д. Сейчас очень сложная ситуация в

¹ См.: Криминология: приглашение к дискуссии: Монография /Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С. 102 – 103.

нашей стране со здоровьем и спортивным развитием молодежи. Большинство спортивных секций платные. Для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, необходимо государственное финансирование спортивных секций и художественных кружков. Ведь вместо наколок можно рисовать картины, а вместо гнусавых "блатных" песен в подворотне можно заниматься в музыкальных школах. И лишь совместными усилиями мы сможем изменить ситуацию.

Литература

1. Багрева Е.Г. Социокультурные проблемы в криминологии. – М.: ВНИИ МВД России, 2001.
2. Багрева Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация: Монография. – М., 2001.
3. Барановский В., Мельников И. Искусство татуировки. – ЗАО Славянский дом книги, 2002.
4. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990.
5. Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000.

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

В.Е. Давыдов

(Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля)

Давайте признаем, против России война уже идет, и идет не один год. Эту войну нам никто не объявлял. Нет ни одного конкретного государства, которое находится в состоянии войны с Россией. Но есть люди, организации во многих странах, которые участвуют в проведении враждебных действий против Российской Федерации.

С.Б. Иванов (министр обороны РФ, 18.01.2003 г.)

Не подлежит сомнению тот факт, что средства массовой коммуникации (СМК) стали не только неотъемлемой частью культуры современного общества, но и важным институтом социализа-

ции личности. Одно из них – телевидение – обеспечивает возможность наглядно-образного восприятия, а значит, и более сильного эмоционального влияния на индивида. Как результат, телевидение стало самым мощным средством коммуникации по охвату населения и возможностям воздействия на сознание людей¹. Также приобрели широкое распространение компьютеры и мобильные телефоны, а при помощи сети Интернет информация передается и получается за считанные секунды, копируется на электронные носители информации и "скачивается" в "мобилку". При этом информация, порой, имеет криминальный характер либо провоцирует к преступлению, возводя в культ "крутых парней" из "черного квартала", выросших "по законам улицы", которые "читают рэп", курят ганж, ездят с моделями на "крутых тачках", пользуются благами, имеют "стволы", т.е. типичных представителей массовой культуры и "потребительского общества" с элементами "вэстэрнизации".

Особенно актуальна проблема влияния СМИ в связи с ростом насилия в современном обществе. Возникла необходимость в изучении взаимосвязи содержания информации и агрессивного поведения ее потребителей, особенно детей и молодежи. На Западе с 50-х гг. начались систематические исследования влияния ТВ на агрессивное поведение зрителей. Первые аналогичные исследования в СССР были проведены ленинградскими психологами в начале 80-х. В наибольшей степени проблема "агрессивного ТВ" изучалась социальными психологами США: "Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов, чтобы они сами разрушили себя" (Ален Даллес, директор ЦРУ в 1953 – 1961 гг. "Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР", 1945 г.)

Мы хотим подтвердить существование информационной войны в настоящее время. Приведем доводы "за": украинский журнал

¹ См.: Дроздов А.Ю. Агрессивное телевиденье: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 62.

"Управление персоналом" (г. Киев). Н. Сенченко в статье "Культурная революция" в Украине, или Управление деградацией" приводит такой пример: "Речь пойдет о колонизации стран бывшего Советского союза, в частности Украины. Народы не уничтожаются физически, а только изменяются их национальные особенности, традиции, культура, которые заменяются культурой и традициями другой, более сильной и развитой, цивилизации". И такого рода статьи в каждом номере!

В российском журнале "Инновации в образовании" опубликована статья В. Микрюкова "Инновации в образовании в контексте военно-патриотического воспитания", в которой автор утверждает следующее: "С распадом СССР "холодная" война против России со стороны Запада (США и Западной Европы) не закончилась"¹, а в статье "Инновационная стратегия военно-патриотического образования" он называет заказчиков и исполнителей: "Западные спецслужбы через агентов влияния, политические и иные группировки пропагандируют через СМИ"².

Не случайно за годы "независимости" появилось много негосударственных телевизионных каналов. Нас интересуют молодежные музыкальные.

На данный момент в социальной психологии существует три основных гипотезы, объясняющие механизм влияния телевизионных сцен насилия на агрессивное поведение людей. Первая гипотеза – гипотеза модели, согласно которой агрессивное поведение оказывается результатом наблюдения и подражания (научения) агрессивным действиям других людей и телевизионных персонажей. Т.о., агрессия на телеэкране служит своего рода примером для моделирования реального поведения. Вторая гипотеза – гипотеза катализатора – предполагает, что сцены насилия служат своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей (по химическому принципу). Такие сцены выступают стимуляторами, запускающими определенные когнитивные процессы (вызывают агрессивные воспоминания,

¹ Микрюков В.Ю. Инновации в образовании в контексте военно-патриотического воспитания // Инновации в образовании. – 2006. – № 4.

² Микрюков В.Ю. Инновационная стратегия военно-патриотического образования // Инновации в образовании. – 2006. – № 2.

идеи), что уже, в свою очередь, приводит к агрессивному поведению. Третья гипотеза – гипотеза катарсиса – появилась в результате исследований, которые, наоборот, указывали на то, что демонстрация сцен насилия приводит к ослаблению агрессивности. Происходит своего рода катарсис – сброс эмоционального напряжения. Так или иначе, результаты большинства проведенных исследований подтверждают гипотезу модели¹.

В 2006 году автором был проведен контент-анализ двух популярных в молодежной среде групп "Фактор-2" и "Многоточие", цель которого – определить объем криминальности в текстах песен. Объектом выступали названия песен в альбомах этих двух групп. Предметом исследования являлся удельный вес криминальности, а также семантический анализ этих названий. Известно, что название действует, как ярлык, в какой-то степени раскрывая содержание объекта и формируя установку на его восприятие. Автор отдавал себе отчет в том, что не во всех случаях название отражает содержание песни. Примером могут быть "некриминальные" названия песен о наркотиках и о преступлениях "Время России" и "Родина". Примерно каждая третья песня имеет криминальный характер, а каждая пятая – непонятного содержания с депрессивным оттенком.

Что касается качественного семантического анализа криминальных названий песен, большинство из них можно условно разделить на 4 группы. В первую группу входят те названия, которые отображают преступные действия, например: "Преступление", "Преступление" (московская версия), "Убей барыгу", "Мурка".

Ко второй группе относятся названия, связанные с наркотиками и алкоголем, например: "Кто не бахался", "Где Беломора достать", "200 грамм", "Марихуана 300", "Мокрое место", "Новичок".

В третью группу входят названия, связанные с представителями древнейшей профессии: "Шалава", "Запретная любовь", "Девочка – Мальвина", "Класс, детка, класс".

¹ См.: Дроздов А.Ю. Агрессивное телевиденье: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 12. – С. 64.

В четвертую группу вошли названия, подталкивающие на преступления или к суициду: "То, что я ненавижу", "Я был бы рад", "Для жизни", "Во всем виноваты", "Откровение", "Сколько можно", "Во мраке пустоты".

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о СМИ, как об одном из влиятельнейших институтов социализации молодежи и о роли SMK (и СМИ в частности) – как основном факторе, формирующем и распространяющем субкультуру.

Существует еще целый список представителей субкультуры, а именно: группы "Каста", "Ю.Г.", "Кривосток", "Серега" и др.

Все это стремительно распространяется в отечественном информационном пространстве и ускоряет темпы с развитием глобализационных процессов. Все это последствие, как метко назвал распад СССР Президент РФ В.В. Путин, крупнейшей в XX веке "геополитической катастрофы". Но до того случился другой распад – распад единого культурно-информационного поля, которое, собственно, и организует пространство страны в единое целое, "держит" его изнутри, как надежный духовный каркас. Превращает территорию в государство¹.

Профессор ВГУ имени В. Даля Б.Г. Нагорный относит к числу основных факторов, влияющих на формирование жизненных стратегий молодежи, следующее:

1) макрофакторы: процессы глобализации, конкретные реалии социального времени и социального пространства, в частности соцфакторы, обуславливающие жизнедеятельность конкретной группы молодежи в определенном типе населенных пунктов, состояние рынка труда, инфраструктуры и т.д. (социальный статус и уровень доходов родителей, личностный потенциал, социально-экономическая и социально-политическая обстановка в обществе);

2) микрофакторы: структура личностных качеств, коммуникативные связи, способы решения конфликтных ситуаций, состояние здоровья, наличие/отсутствие вредных привычек и др.².

¹ См.: www.gudok.ru – 09.07.2005.

² Нагорный Б.Г. Глобализация и некоторые аспекты формирования жизненных стратегий студенческой молодежи / Соціологічні дослідження: Зб. наук. праць. – Луганськ: СНУ імені В. Даля. – 2004. – № 4. – С. 18 – 19.

Кандидат педагогических наук В.В. Серебряк предлагает метод обучения, соблюдающий православно-педагогическую иерархическую структуру воспитания личности на примере спортсменов и курсантов¹. Аналогичные методы применяют и в России: программа обучения военно-патриотического клуба "Пересвет" направлена, в первую очередь, на формирование у молодежи четких духовно-нравственных ориентиров, уважения к родной истории и культуре, а также подготовку к службе в вооруженных силах².

Р.С. В капиталистическом мире еще в XX в. молодежь делилась на элитарную (флиеры, юппи, готча) и субкультурную, криминальную (скинхэдз, фэны, панки, попперы, рокеры, скутер-бои)³.

Литература

1. Дроздов А.Ю. Агрессивное телевиденье: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 12.
2. Кто они – панки, попперы, рокеры? // Советская милиция. – 1990. – № 7.
3. Микрюков В.Ю. Инновации в образовании в контексте военно-патриотического воспитания // Инновации в образовании. – 2006. – № 4.
4. Микрюков В.Ю. Инновационная стратегия военно-патриотического образования // Инновации в образовании. – 2006. – № 2.
5. Нагорный Б.Г. Глобализация и некоторые аспекты формирования жизненных стратегий студенческой молодежи // Соціологічні дослідження: Зб. наук. праць. – Луганськ: СНУ імені В. Даля, 2004. – № 4.
6. Серебряк В.В. Православная педагогика как основополагающий фактор духовного воспитания молодежи // Духовність особистості: методологія, теорія і практика: Зб. наук. праць. – Луганськ: СНУ імені В. Даля, 2004. – Вип. 3.
7. www.gudok.ru – 09.07.2005.
8. www.peresvet.destudio.ru.

¹ См.: Серебряк В.В. Православная педагогика как основополагающий фактор духовного воспитания молодежи // Духовність особистості: методологія, теорія і практика: Зб. наук. праць. – Луганськ: СНУ імені В. Даля. – 2004. – Вип. 3. – С. 256.

² См.: www.peresvet.destudio.ru.

³ Кто они – панки, попперы, рокеры? // Советская милиция. – 1990. – № 7. – С. 69 – 70.

МОЛОДЕЖНАЯ КОМПАНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ПЕРВОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ

Д.А. Калмыков

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

В последнее время все больше государственных органов и общественных организаций в Украине обращают внимание на такое негативное явление, как наркомания¹. Анализ ситуации, которая сложилась в государстве, свидетельствует о том, что среди наиболее опасных явлений и процессов, которые угрожают будущему Украины, особое место принадлежит наркомании². Об этом свидетельствуют многочисленные международные и национальные нормативно-правовые акты, регламентирующие данную сферу жизни общества. Их количество достигает нескольких сотен. Но выполняют ли они свою функцию?

На этот вопрос красноречиво отвечает статистика. Если до 2000 года число взятых на учет наркоманов в Украине не превышало 70 тысяч человек, то в начале 2001 года их было уже 95 тысяч, а к 2003 году достигло 120 тысяч человек! При этом следует учесть латентность этого явления. По мнению некоторых ученых, на учете состоит не более 10% наркоманов. Следовательно, можно предположить, что в Украине реальное количество лиц, находящихся в наркотической зависимости, составляет более 1 миллиона человек³.

Как видим, противостоять наркомании путем создания законов не удается. То ли законы не работают, то ли правоохранительные органы.

Мы считаем, что для того, чтобы продуктивно бороться с этой глобальной проблемой, необходимо, в первую очередь, определить причины и условия наркомании.

¹ См.: В мире зарегистрировано почти 100 миллионов наркоманов / Кримінологія. О.М. Джужа, Я.Ю. Кондратьев, О.Г. Кулик, П.П. Михайленко та ін.; За ред. О.М. Джужа. – К., 2002.

² См.: Закалюк А.П., Женунтій В.Г., Кулик О.Г., Бова А.А. Система інформації про причини й умови наркозлочинності в Україні: основні результати виконання наукового проекту // Питання боротьби зі злочинністю: Зб. наук. праць. – Х., 2004. – Вип. № 9. – С. 41 – 59.

³ См.: Поклад В.И. Лекции по криминологии. Тема № 11 "Преступления против общества и государства". – Луганск, 2005.

Статистические данные учета наркоманов свидетельствуют о том, что около 85% наркоманов – это молодежь. В связи с этим мы решили изучить причины, по которым молодежь употребляет наркотики. Речь идет о тех факторах, которые влияют на первое употребление наркотиков, поскольку дальнейшее их употребление стимулируется уже непосредственно психической и физической зависимостью. Проведя предварительное теоретическое разыскание, мы сделали предположение о том, что одним из наиболее значимых факторов, влияющих на первое употребление наркотиков молодежью, является молодежная компания.

Для эмпирической проверки этой гипотезы автором было проведено исследование "Влияние молодежной компании на первое употребление наркотиков", где был поставлен вопрос: "Посредством какого механизма молодежная компания влияет на первое употребление наркотиков?".

Учитывая специфику темы, а также цели и задачи исследования, компетентной в проблеме, по мнению автора, является сама молодежь, независимо от того, употребляют или не употребляют наркотики потенциальные респонденты. Это связано с тем, что большинство молодых людей тем или иным образом сталкиваются с лицами, употребляющими наркотики, или их компанией. Масштабы употребления наркотиков велики, и молодежь является компетентной в исследуемой проблеме, а следовательно, является объектом исследования.

Признаками молодежной компании, в соответствии с нашим исследованием, является следующее:

1) участники молодежной компании должны проводить в ней *свободное от работы и учебы время;*

2) местом проведения этого времени ни в коем случае *не может быть место, где человек постоянно проживает с семьей* (это может быть вечеринка, дискотека и т.д.);

3) минимальное количество лиц, входящих в компанию, – *не менее двух человек;*

4) возраст участников колеблется в границах *от 12 до 30 лет;*

5) люди, входящие в молодежную компанию, должны обладать *общностью интересов;*

б) члены этой компании имеют общие виды проведения своего досуга;

7) хотя бы один, а может, и большинство ее участников уже употребляют наркотики.

Первое употребление наркотиков – самое раннее применение веществ природного или синтетического происхождения, препаратов, растений, которые представляют опасность для здоровья населения в случае злоупотребления ими, которые включены в перечень, установленный КМ Украины¹.

Учитывая характеристики исследования, мы выделили ряд специфических признаков, которыми будет обладать основное понятие:

1) под наркотиками в данном исследовании будут пониматься лишь *растения рода конопля*;

2) употребление указанных наркотиков может осуществляться как путем *курения*, так и путем *употребления в пищу*.

Первым употреблением наркотиков будет считаться момент, когда человек *впервые* в своей жизни покурил или употребил в пищу растение рода конопля.

Влияние – процесс и результат изменения индивидом или социальной группой поведения других людей, их позиций, оценок и установок².

Также мы выделили ряд требований к нашему влиянию:

1) переменными в данном исследовании являются молодежная компания и первое употребление наркотиков;

2) автора будет интересовать *прямая взаимосвязь* этих переменных;

3) для того чтобы установить объективно существующую взаимосвязь, исследователь постарается *максимально отграничить* исследуемые переменные от внешнего влияния;

4) взаимосвязь между переменными нас интересует лишь в плане *влияния* молодежной компании на первое употребление наркотиков;

5) такое влияние должно быть *причиной* первого употребления наркотиков;

¹ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: Постановление Кабинета Министров Украины № 770 от 6 мая 2000 г.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 8-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1970.

б) основной вопрос исследования: "Является ли молодежная компания, в которой есть люди, употребляющие наркотики, причиной первого употребления наркотиков другими лицами? Если да, то каким образом?".

Результаты опроса показали, что в исследуемом вузе 57% студентов когда-либо употребляли наркотик (коноплю). Причем 52% опрошенных ответили, что употребляли наркотик более трех раз. Только 43% опрошенных *никогда не употребляли коноплю*, из которых 63% девушек и лишь 37% юношей. Также заметно, что среди первокурсников значительно меньше употребляющих коноплю, нежели среди учащихся на третьем курсе. Из полученных сведений видно, что чем ниже уровень успеваемости, тем выше процент студентов, употребляющих коноплю. Так, лишь 35% отличников когда-либо употребляли наркотик, 45% – хорошистов, и из троечников лишь один из пяти никогда не пробовал наркотик (употребляли 80% опрошенных). Расхождения в ответах у девушек и юношей можно объяснить тем, что девушки, наверное, более осознанно подходят к выбору жизненных ценностей и приоритетов, а парни отличаются своей легкомысленностью и хвастовством. Более низкий уровень употребления конопли на первом курсе характеризуется тем, что, будучи школьниками, они находились под контролем родителей и еще никогда не пробовали наркотики, а в новом окружении еще не попали в наркогенную компанию. Представляется вполне понятным и то, что чем ниже уровень успеваемости, тем выше уровень употребления наркотиков. Люди с хорошей успеваемостью более разумно подходят к выбору друзей и пути своего развития, а также им просто некогда даже думать о наркотиках. Чаще всего эти люди имеют хобби, что позволяет проводить свободное время интересно и занято без наркотиков. Больше половины респондентов (57%) оказались экспертами в нашем исследовании. Теперь мы будем анализировать лишь анкеты этих студентов, называя в дальнейшем их экспертами.

На вопрос "Оказывала ли влияние на первое употребление Вами конопли молодежная компания?" утвердительно ответили 68% и "скорее да" – 17%. При этом необходимо отметить, что ответы в зависимости от пола и курса почти не отличались. А вот оценка

такого явления в зависимости от успеваемости немного отличалась. Так, утвердительно на этот вопрос ответили 100% отличников, 82% хорошистов и 81% троечников. Утвердительный ответ отличников, по нашему мнению, обусловлен более высоким уровнем осознания причин их пристрастия к наркотику.

Как оказалось, в 90% случаев в этих компаниях уже были люди, употребляющие коноплю, причем 42% опрошенных указали, что в этой компании было много лиц, уже употребляющих наркотик, а 23% экспертов ответили, что в этой компании все употребляли коноплю, кроме них, наибольшее количество таких ответов дали отличники – 71% от всех ответов. Это, скорее всего, связано с тем, что для вовлечения отличников в такое занятие понадобилось значительно большее влияние со стороны компании.

53% экспертов указали, что молодежная компания влияла на первое употребление наркотика посредством давления в виде примерно такого вопроса: "Ты меня уважаешь? Если да, то попробуешь!". На этот вопрос утвердительно ответили 53% экспертов, отрицательно – 27% опрошенных, а 20% респондентов затруднились ответить. Среди групп значительных расхождений не было, что свидетельствует об одинаковом влиянии молодежной компании на первое употребление наркотиков независимо от пола, курса и уровня успеваемости. Однако такие не совсем убедительные цифры свидетельствуют о том, что влияние такого рода имеет место, но не всегда является основной причиной первого употребления конопли.

Один из вопросов анкеты звучал так: "Возможно, первое употребление вами наркотика происходило под влиянием чувства солидарности ("за компанию", чтобы не быть "белой вороной")?". На этот вопрос ответило утвердительно 60% экспертов. Разногласий в оценках разных групп экспертов не было. Отрицательно на поставленный вопрос ответило всего 30% экспертов, где также не наблюдалось существенных различий во взглядах.

Ровно половина респондентов указали, что первое употребление наркотиков происходило под влиянием такого фактора, как *подражание лидерам и симпатиям в молодежной компании*.

Больше половины (54%) экспертов считает, что для уменьшения влияния молодежной компании на первое употребление наркотиков *необходимо предоставить молодежи возможность здорова-*

го проведення досуга в студентських клубах, кружках, спортивних секціях. Не признали ефективним таке пропозиція 40% опитаних.

Половина респондентів вважають, що для боротьби з цим явищем *необходима ефективна виховна робота працівників освіти і МВД*. Такі дані говорять про те, що подібне рішення проблеми можливо, хоча і не є основним (високий відсоток заперечення такого пропозиція – 40%).

В даному дослідженні був вивчений лише основний механізм впливу молодіжної компанії і тільки на вживання окремого наркотика – конопли. Однак необхідно визначати всі механізми такого впливу на вживання різних наркотиків і вести рішучу боротьбу з ними.

Результати нашого дослідження показали, що кожен другий студент досліджуваного закладу когось-будь вживав конопли. Це вражає, адже без придбання і зберігання наркотиків важко представити їх вживання, багато дітей з часом починають заробляти на власних друзях, мотивуючи це тим, що надають їм послугу, а в дійсності здійснюють ще більш важке злочинство.

Дослідження показало, що найбільший вплив молодіжної компанії на перше вживання наркотиків здійснює *вплив лідерів і симпатій* в молодіжній компанії.

Найбільш цілеспрямованим, на думку експертів, є боротьба з "культу модності" вживання наркотиків (три чверті опитаних). Однак не слід забувати, що це не конкретне пропозиція, а лише лозунг, який втілити в життя дуже складно. Тепер необхідно знайти, науково обґрунтувати і емпірично підтвердити наявність такого механізму, який дозволив би розв'язати цей "культ".

По результатам дослідження можна виділити такий спосіб профілактики впливу молодіжної компанії на перше вживання наркотиків: необхідно прикласти максимальні зусилля для розв'язання "культу модності" вживання наркотиків. Представляється, що досягнути цього можна, скорше всього, шляхом створення іншої моди – моди на здоровий спосіб життя.

Для этого необходимы:

- 1) трансляция передач и документальных фильмов в СМИ, в которых принимали бы участие лидеры – актеры, спортсмены, музыканты и т.д.;
- 2) введение жесткой цензуры на кинопродукцию, пропагандирующую наркоманию;
- 3) поощрения со стороны государства лиц, ведущих здоровый образ жизни.

Литература

1. Закалок А.П., Женунгий В.Г., Кулик О.Г., Бова А.А. Система інформації про причини й умови наркозлочинності в Україні: основні результати виконання наукового проекту / Питання боротьби зі злочинністю: Зб. наук. праць. – Х., 2004. – Вип. № 9. – С. 41 – 59.
2. Кримінологія / О.М. Джужа, Я.Ю. Кондратьєв, О.Г. Кулик, П.П. Михайленко та ін.; За ред. О.М. Джужи. – К., 2002.
3. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: Постановление Кабинета Министров Украины № 770 от 6 мая 2000 г.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 8-е изд., стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
5. Поклад В.И. Лекции по криминологии. Тема № 11 "Преступления против общества и государства". – Луганск, 2005.

ЗЛОЧИННІСТЬ НЕПОВНОЛІТНІХ: СОЦІАЛЬНІ ПРИЧИНИ

І.Б. Іванків

*(Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого,
Полтавський факультет)*

Я.С. Токарева

*(Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого,
Полтавський факультет)*

Початок ХХІ століття. Україна намагається стати розвинутою демократичною, правовою державою, і водночас злочинність стає епідемією серед підлітків і молоді. Типовий злочинець сьогодні молодший за типового злочинця 5 років тому, він жорстокіший, рад-

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

ше діятиме у групі осіб, вживатиме наркотики й матиме зброю¹. Рівень злочинності у підлітковому середовищі є високим. Кожен 12-й злочин із числа розслідуваних учинено неповнолітніми. За останні 13 років кількість засуджених неповнолітніх збільшилася на третину. У структурі злочинності серед неповнолітніх зросла кількість тяжких та особливо тяжких злочинів².

Це пояснює особливу актуальність дослідження молодіжної злочинності.

Нами було проведено опитування серед учнів середніх шкіл віком від 13 до 16 років (*табл. 1*) з метою виявлення причин, що впливають на формування особи злочинця. Респонденти заповнили анкети, які допоможуть зрозуміти психологічний стан підлітка та його ставлення до правопорушень.

Таблиця 1

Загальна кількість опитаних

Загальна кількість опитаних – 54 учні		
Вік	Дівчата	Хлопці
13	10	6
14	5	5
15	5	5
16	11	7
Усього	31	23

Аналіз даних анкетування дає можливість указати на такі особливості. Більшість осіб віком 13 – 14 років не вживають алкогольні напої та наркотичні речовини, тимчасом, як усі дівчата й переважна більшість хлопців віком 15 – 16 років вживають алкоголь.

На питання "Хто запропонував уперше спробувати алкогольні напої?" більшість опитаних відповіли, що друзі чи батьки. Причиною вживання вказаних речовин підлітки називають власну цікавість і бажання спробувати щось нове.

¹ Див.: Holtz M., Larry E. Criminal Evidence for Law Enforcement Officers // Florida: Cornell University Press, 2004, p. 4 – 5.

² Див.: Практика судів України з кримінальних справ (2001 – 2005) / Укл.: В.В. Стапис, В.І. Гютюгін; За заг. ред. В.Т. Маляренка та В.В. Стаписа // Бюлетень законодавства та юридичної практики України. – 2005. – № 11. – С. 394 – 399.

На питання "Якби ви знали, що не будете покарані, то скоїли б злочин?" 50% опитаних відповіли, що не скоїли б, тимчасом, як 33% радше б скоїли злочин залежно від обставин, 8% вагаються, не знаючи взагалі, скоїли б злочин або ні.

Така статистика дає підстави вважати, що ситуація є досить проблематичною, адже злочинність виникає з утворенням злочинного наміру, що в майбутньому призводить до вчинення злочину.

Цікавим також є те, що правознавство у школі викладають лише у дев'ятому класі, тому для нас було цікавим з'ясувати, чи знають учні, у якому віці особа може бути притягнена до кримінальної відповідальності. Статистичні дані показали, що 41% опитаних не знають віку кримінальної відповідальності. Такі показники дають зрозуміти, що діти віком 13 – 16 років досить погано орієнтуються в правових питаннях. На нашу думку, було б доцільним розпочати викладання правознавства в середніх школах з восьмого класу, і викладати не один рік, як зараз викладають у школах, а 2 – 3 роки. Такий захід підвищив би рівень правоосвіченості, а також знизив рівень злочинності серед неповнолітніх.

Наступною пропозицією є створення різноманітних секцій, клубів і молодіжних організацій. Їх діяльність повинна привернути увагу молоді, дати можливість ефективно використовувати вільний час, адже наші дослідження також довели, що велика кількість вільного часу штовхає підлітка шукати собі розваг у вживання алкоголю, прогулювання уроків, безцільного проведення часу в поганих компаніях.

Анкетування показало, що діти з певних причин зовсім мало часу проводять з батьками – не більше однієї години на день. Фактично такі діти є позбавленими батьківського тепла й відчувають себе непотрібними і неприйнятими, і в цьому закладається основа їх дезадаптації в майбутньому. А ключову роль у формуванні особи злочинця грає саме психологічне відчуження дитини батьками.

Вирішення проблеми злочинності неповнолітніх – одна з найважливіших проблем сучасності. Потрібно законодавчо встановити суворі заходи покарання за втягнення неповнолітніх у злочинні діяння, за жорстоке "виховання", поширення наркотиків серед неповнолітніх з метою захисту останніх від негативного впливу. Варто збільшити кількість якісних освітніх програм на телебаченні, спонукати

зацікавленість у навчанні шляхом зменшення тиску на дитину та введення диференціації класів за конкретним спрямуванням.

Необхідно підвищувати рівень правових знань дітей, показувати на прикладах хибність і приреченість злочинного шляху. Успішне запобігання злочинності неповнолітніх вимагає зусиль з боку всього суспільства, адже злочинність неухильно молодшає та стає дедалі жорстокішою.

КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ ПОГЛЯД НА МОЛОДІЖНУ ЗЛОЧИННІСТЬ

П.М. Ларіна

*(Запорізький юридичний інститут
Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ)*

С.Ф. Денисов

*(Запорізький юридичний інститут
Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ)*

Злочинність як антисоціальне явище у конкретний період соціально-економічних перетворень у тій чи іншій державі з її кількісними та якісними характеристиками є ознакою соціальної культури у визначених просторово-часових умовах. Норми кримінальної субкультури, ніби форма реалізації естетичних, духовних і моральних потреб, поступово популяризуючись у соціумі, компонуєть основу для формування аморальних ідеалів¹. Особливою динамікою засвоєння й асимілювання негативного досвіду через специфічний емоційний характер і привабливі для споживачів авантюристичні акценти, притаманні елементам контрнормативної культури, відрізняється естетичний смак молоді в контексті природного потягу молодіжної генерації до моральної та ідеологічної автономії.

Мета представленого дослідження – розкрити раціональну сторону кримінальної субкультури як оцінник ідеологічного складника соціальної культури. Завдання полягають в аналізі естетичних стан-

¹ Див.: Прозументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 163 – 164.

дартів соціального середовища, у якому відбувається поетапний процес формування молоді особистості й накопичення нею соціально-психологічного досвіду через призму молодіжної контркультури. Відповідно, об'єкт розвідки становить культура як морально-духовний компонент становлення естетичного світогляду особистості, а предмет – молодіжна культура в генетичному зв'язку з нормами антисоціальної моделі творчого самовираження й самореалізації (контркультури).

Ефективність впливу на особистість соціальної реальності суттєво залежить від стадії онтогенетичного розвитку (вікової фази) й ментальної сфери особистості (її культури, виховання, естетичного смаку, морально-психологічного та практичного досвіду), через яку вона переломлюється, трансформується і взаємодіє з внутрішніми якостями. Суб'єктивні психологічні фактори, будучи детермінованими конкретними соціальними умовами буття людини, набувають відносної самостійності, здатні справляти зворотний (дезадаптивний) вплив на її поведінку та дії¹. Таким чином, складний комплекс взаємопов'язаних перемінних соціального, морального й культурного характеру впливає на прийняття рішення заступити закон.

Культура як форма духовно-практичної діяльності, що покликана задовольняти естетичні попити індивіда, виконує конститутивну функцію у формуванні естетичної свідомості особистості. Відповідно до наших уявлень про красу, якість, властивості, смак тощо, в естетичних уподобаннях віддзеркалюються духовні потреби у творчості, спілкуванні, самовираженні, сприйнятті дійсності. Недооцінювання зв'язку психологічного контакту з мистецтвом (художньою творчістю, кінематографією, публіцистикою тощо) може санкціонувати неадекватне судження про детерміністичний вплив мистецтва (у системі "мистецтво – особистість – поведінка") на особистість через когнітивні процеси мозку людини.

Сучасний споживчий підхід до визначення ролі культури в соціальному житті зводиться до розцінювання мистецтва через призму особистого задоволення та комерційної вигоди. Пріоритетне призначення культури, яке, окрім естетичної насолоди, зводиться до здійснення виховного, ідеологічного й пізнавального впливу, нівелюється антигуманними, аморальними та бездуховними сурогатами творчос-

¹ Див.: Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2004. – С. 180 – 182.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

ті, що формують егоїстичну мотивацію споживача. Кустарний образ "злочинної культури", насичений низькосортним штучним товаром для задоволення заниженого естетичного попиту суспільства на субмистецтво (субмузику, субживопис, субпродукти)¹, не вимагає складної творчої роботи й рефлексивного мислення і дозволяє молодій людині, невдоволеній низьким соціальним, імовірно, навіть інтелектуальним статусом у системі суспільних відносин, порівняно швидко при звичайтись до її своєрідного колориту, що компенсує процес депривації особистості реконструюванням внутрішньої Я-концепції. Саме так кримінальна субкультура з її ідеологією, мораллю та звичаями перетворюється на невід'ємну частину культурного буття, пронизуючи молодіжну свідомість антисоціальними атрибутами².

Сформована у злочинному світі кримінальна духовність, удосконалюючись, поширюючись не лише в місцях позбавлення волі, але й у поглядах суспільства і, зокрема, молоді, є відображенням настроїв психолого-нормативної сфери соціуму, а відтак, і молодіжного середовища, виразником його культури й духовності. Риси кримінальної субкультури (культу насильства, паразитизму, антисуспільних норм: азартні ігри, жаргон, ненормативна лексика, татуювання, прізвиська, блатні пісні тощо), у тому числі її соціально-психологічні атрибути, на думку Ю.К. Александрова, увійшли до повсякденного життя й відтворюються в окремих соціальних колах (насамперед у молодіжних неформальних групах), сприяючи професіоналізації та організованості злочинності³.

З метою дослідження кореляційної залежності в системі "кримінальна субкультура – делінквентна поведінка молоді" та її детерміністичного впливу на диспозицію людини, психологи Запорізького обласного інституту післядипломної педагогічної освіти за нашою ініціативою запровадили експериментальне психологічне діагностування та ввідне (неструктуроване) інтерв'ювання вибіркової категорії молодих осіб: нормотипових (законослухняних) учнів старших класів шкіл; юних правопорушників (14 – 18 років), поставлених на облік у

¹ Див.: Калашник Н.Г., Зацепина Н.А. Прикладная густосология: Пособие по формированию эстетических вкусов детей и молодежи. – Запорожье: Полиграф, 2004. – С. 5 – 6.

² Див.: Соціологія: Навчальний посібник / Упоряд. І.Д. Єрьоміна. – Суми: Довкілля, 2005. – С. 129.

³ Див.: Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: Права человека, 2002. – С. 4.

КМСН; молодих злочинців (20 – 25 років), піднаглядних органів юстиції. За результатами експерименту визначено, що вплив кримінальної субкультури на підлітково-молодіжне середовище (особливо при її довготривалому й інтенсивному сприйнятті) призводить до складних особистісних деформацій, значною мірою обумовлюючи подальше викривлення естетичної свідомості, рецидив девіації і в деяких випадках кримінальний професіоналізм. До того ж соціальні відхилення перетворюються на форму і засіб заперечення навколишньої дійсності, визнаних суспільством цінностей і правопорядку, на спробу створення моделей поведінки, що відповідають орієнтаціям і смакам представників кримінальної субкультури¹.

Телебачення, кіно, журнали, газети, книжки та інші джерела культурної, ідеологічної, соціально-політичної інформації з лишком демонструють різним віковим групам, без винятків для дитячої аудиторії, символічні моделі агресивних і варіативних насильницьких дій різних модусів. Аналітичний огляд соціологів дозволив вивести уніфіковану пропорцію добового асортименту аудіовізуальної інформації, що транслюють різні телевізійні канали: середньостатистичні чотири сцени насилля (бандитські протистояння, грабежі, напади на корпорації, захоплення заручників, розслідування сексуальних злочинів тощо), що репрезентувались на екранах телебачення 2005 р., припадали на одну сцену, пронизану почуттями любові та ніжності².

За однією з експертних оцінок соціологів, середньостатистична дитина до моменту досягнення юнацького віку встигає переглянути по телебаченню більше 100 тис. епізодів насилля й близько 20 тис. сцен кровопролиття. Естетичні смаки молодшої генерації породжують моторошну думку про те, що рентабельні для власників мас-медіа кадри насильства, сексуальної всюдозволеності, "чорного" гумору, тюремної лірики, алкоголізації та наркотизації тощо не містять ані крихти жалю про вчинене, ні критичної оцінки, ні покарання, ні емоційних реакцій злочинців. Водночас завуальований зв'язок між віртуальним насильством і реальною молодіжною агресією, найбільше підлітковою, провокує реалізацію суб'єктивних ідентифікацій з непереможними персонажа-

¹ Див.: Козлов Ю.Г. Криминологические аспекты проблемы подростково-молодежной контркультуры // Вестник Московского университета: Научный журнал. Серия 11. Право. – 1992. – № 2. – С. 50 – 51.

² Див.: www.watchtower.org/g-U/06 – Сторожевая башня.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

ми у вирішенні міжособистісних конфліктів з однолітками. На початку антисоціальне самовираження підсилює суб'єктивну морально-психологічну позицію, а в разі офіційного чи неформального її підкріплення озвичаються девіантна модель поведінки.

Характерні для злочинної субкультури жорстокість, обман, безжалісність, паразитизм і вандалізм маскуються самими носіями антисоціальних рис під справедливість, солідарність, вірність товаришам. Її ознаки осідають в естетичній свідомості не лише злочинців, але й некримінальної молоді, втілюючи загрозливу вірогідність обрання під впливом "кримінальної моралі" девіантної форми поведінки в майбутньому.

Девіантність завжди розцінювалася з точки зору культури, сформованої в межах духовної єдності людей: загальних стандартів поведінки, норм моралі, правової свідомості, цінностей, потреб, що відображені у законодавчих приписах. Тому протиправна діяльність вимагає від науковців конкретики з виноскою не скільки на соціальну культуру, як на засади кримінального законодавства, у якому криміналізовані лише ті діяння, котрі містять ознаки складів злочинів, що посягають на той чи інший об'єкт кримінально-правової охорони. М.І. Мінкіна поділяє умовний концептуальний зв'язок між різновидами культури і видами злочинів проти тих чи інших охоронюваних кримінальним кодексом об'єктів таким чином:

1) порушення *культури міжособистісного спілкування* під впливом інших умов здатні детермінувати злочини проти життя, здоров'я, честі та гідності особистості;

2) криміногенні *деформації політичної культури* – державні злочини, а також суспільно небезпечні діяння політичного характеру, зокрема замовні вбивства, насильство над політичними діячами тощо;

3) *дефекти ділової (професійної) культури підприємців*, так звана нечесна гра – злочини у сфері економічної діяльності;

4) *відхилення в інформаційній культурі* – злочини у сфері комп'ютерних технологій;

5) деформація професійної культури й етики державних службовців, посадових осіб – спровокувати низку посадових злочинів тощо¹.

¹ Див.: Мінкіна Н.И. Преступность в контексте культуры / В кн. "Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью". - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. - С. 15 - 16.

З огляду на це помилково було б стверджувати, що молодь інспірують на злочинний шлях телевізійні програми, кінофільми та періодика, переповнені аморальністю й насильством – вони є лукавими монстрами комерційних і духовних пороків соціальної системи, яка і "дає життя" молодим злочинцям. Сучасний образ молодого особистості та її диспозиційна поведінка – це люстро нашої соціальної дійсності, тому первісні корені молодіжної злочинності слід шукати на задвірках соціальної культури держави.

Зв'язок соціальної культури з кримінальною субкультурою (злочинністю) є очевидним. І свідченням тому стала уражена антисоціальною та негуманною "творчістю" кримінальної субкультури духовність молодого покоління. Моральні потреби молоді, заблоковані величезним масивом зовнішньої інформації, у тому числі неприйнятної для духовної сфери суспільних відносин, проте зашкарублї в людській свідомості, вимагають з боку держави й громадськості допомоги у формуванні світогляду та життєвої позиції, очікують на менторське шефство у збагаченні культурного й життєвого простору молодого особистості.

Актуальність проблеми молодіжної злочинності лементує про неприховану дилему "формування гармонійної людини" з розвиненим естетичним смаком (почуттями, поглядами, ідеалами), акцентуючи на бідності соціального, духовного й фізичного життя молодого особистості на тлі новітніх соціально-економічних, політичних, правових, ідеологічних і культурних процесів. Слід висловитися з приводу колосального потенціалу вітчизняної культури, гідного стати міцним антикриміногенним фактором національної та індивідуальної безпеки. У межах вітчизняної виховної практики насамперед необхідно піднести до розряду еталонного стиль життя "ідеальної" людини з високим рівнем правової свідомості, витонченим естетичним смаком (художнім, літературним, кінематографічним) і високодуховними жаданнями. Для цього конче необхідно налаштувати всі важелі й інституції державної політики на процес багатогранної духовно-прикладної соціальної взаємодії як практики духовного вдосконалення молодого людини.

Література

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. – М.: Права человека, 2002. – 152 с.

2. Калашник Н.Г., Зацепина Н.А. Прикладная густосоология: Посobie по формированию эстетических вкусов детей и молодежи. - Запорожье: Полиграф, 2004. - 255 с.

3. Козлов Ю.Г. Криминологические аспекты проблемы подростково-молодежной контркультуры // Вестник Московского университета: Научный журнал. Серия 11. Право. - 1992. - № 2. - С. 50 - 51.

4. Минкина Н.И. Преступность в контексте культуры / В кн. "Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью". - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. - 108 с.

5. Пиаже Ж. Психология интеллекта. - СПб.: Питер, 2004. - 192 с.

6. Прозументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. - Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2001. - 280 с.

7. Соціологія: Навчальний посібник / Упоряд. І.Д. Єрємiна. - Суми: Довкілля, 2005. - 284 с.

8. www.watchtower.org/g03-U7/22.

9. www.watchtower.org/g-U/06.

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ОТ НОРМ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК СЛЕДСТВИЕ НАВЕШИВАНИЯ НА НЕГО ЯРЛЫКА ДЕВИАНТА

А.С. Ступак

(Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля)

Девиантное поведение несовершеннолетних - одна из наиболее актуальных проблем настоящего времени. Рост уровня преступности среди подростков, наблюдаемый в украинском обществе, служит тому подтверждением. Ученые выделяют несколько групп факторов, способствующих отклоняющемуся поведению человека, среди них биолого-генетические, индивидуально-психологические особенности личности, специфика воспитания, влияние субкультуры, роль СМИ и т.д.¹ Одну из групп таких факторов составляют конкретные социальные ситуации, возникающие в процессе межличностного (межгруппового) общения (например реакция ребенка на приписанный ему ярлык). Их изучение является необходимым условием анализа причин девиантного поведения подростка.

¹ Масионис Дж. Девиантность // Социология. - СПб.: Питер, 2004.

Исследованием вопроса о стигматизации занимались многие ученые. Примером является известная в социологической и криминологической науке концепция вторичной девиации, предложенная Э. Лемертом: если с человеком обращаются не так, как с обычными людьми, постепенно он сам начинает считать себя девиантом и вести себя соответственно¹. Также особый интерес вызывают труды И. Гоффмана ("Стигма" и другие), где он рассматривает такие проблемы, как роль стигмы в жизни человека, феномен "запятнанной репутации" и др.² Изучением вопроса "навешивания ярлыков" занимались также такие ученые, как Беккер, Кресси, Уорд, Оганесян, Липай.

Цель нашего исследования – проследить, существует ли связь между навешиванием на подростка "ярлыка" и его склонностью к совершению девиантных поступков, чтобы понять, какую позицию занимает "стигма" среди факторов, побуждающих ребенка к девиантному, в том числе преступному поведению. Объектом нашего исследования являлись несовершеннолетние подростки, учащиеся в общеобразовательных школах и других учебных заведениях, а предметом – реакция на приписываемые им "ярлыки".

Мы предположили, что значительная часть подростков, узнавая о приписываемых им негативных социальных ролях (например "хулиган", "двоечник", "ветреная", "лентяй", "непутевое дитя" и прочие), начинают идентифицировать себя с ними.

В качестве основного метода исследования использовался очный индивидуальный метод экспертных оценок. Специально была подобрана группа из семи независимых специалистов, среди которых два сотрудника КМДН, два социальных работника ЦССМ, один школьный психолог, два школьных педагога. Эксперты были отобраны по следующим основным критериям: степень квалификации в данной области, образование, стаж работы, свобода собственных суждений от влияния различных мнений.

Некоторые источники, в частности документы ООН, утверждают, что поведение молодежи, не укладывающееся в рамки принятых социальных норм и ценностей, часто является особенностью

¹ См.: Сметзер Н. Девиация и социальный контроль // Социология. – М.: Феникс, 1998.

² См.: Оганесян М.Р. Феномен "запятнанной репутации" у несовершеннолетних правонарушителей // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 97 – 100.

процесса взросления и имеет свойство спонтанно завершаться при переходе во взрослую фазу: большинство подростков совершают мелкие правонарушения без последующего выбора преступной карьеры¹. Опрошенные эксперты согласны с утверждением, что навешивание на несовершеннолетнего негативного значка особенно воздействует на самовосприятие его как личности, а в некоторых случаях на развитие "девиантной идентичности", девиантной карьеры и субкультуры². По мнению респондентов, навешиванию ярлыка подростки подвергаются, в первую очередь, со стороны:

- 1) учителей, педагогов;
- 2) друзей, знакомых;
- 3) родителей и других родственников;
- 4) других категорий лиц.

Эксперты поддержали мнение Т. Липай о том, что, в первую очередь, именно учитель играет главную роль в стигматизировании подростков, поскольку именно он "вводит его в мир окружающей культуры, и от того, как это делается, ребенок чувствует себя "нормальной частью" социума или отвергается от него³. По результатам проведенного ею исследования (опроса 448 учащихся общеобразовательных средних школ) она определила, что в 32,2% случаев "ярлыки" навешивают учителя, в 32,4% – другие взрослые, 14,2% – родители⁴.

Опрошенные специалисты считают, что именно в подростковый период человек наиболее подвержен психологическому влиянию окружающего мира, формированию у него тех или иных ценностных ориентаций в жизни. И если ребенка, склонного к девиантным поступкам, в лицо охарактеризовать отрицательной социальной ролью, он может начать совершать подобные поступки постоянно, что приведет к развитию девиантной карьеры.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что дети подвергаются навешиванию "ярлыков" прежде всего в своем самом близком окружении, которое принимает участие в воспитательном процессе подростка (это родители и учителя) и имеет небольшое влияние на его социализацию. Ребенок воспринимает себя в

¹ См.: Масионис Дж. Девиантность // Социология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 259 – 299.

² См.: Липай Т. О проявлении стигматизации в процессе образования // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 140 – 141.

³ См. там же. – С. 141.

⁴ См. там же. – С. 140.

отражении приписанного ему статуса девианта. При этом он может либо игнорировать его, либо принципиально (на зло всем) соответствовать этому статусу. При этом следует заметить, что "ярлык" не является основным отдельным фактором, способствующим совершению несовершеннолетними девиантных поступков, он идет в комплексе с другим (отношения с окружающими, информационное влияние: СМИ, компьютерные игры и т.д.).

Данная проблема требует более тщательного изучения. Кроме интервьюирования экспертов следует провести опрос среди несовершеннолетних подростков с использованием не только разработанных исследователем опросников, но и специальных тестовых методик по психологии личности.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь (Collins) / Пер. с англ. Т. 2. (П-Я). – М.: Вече, АСТ, 1999. – 572 с.
2. Лишай Т. О проявлении стигматизации в процессе образования // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 140 – 141.
3. Масионис Дж. Девиантность // Социология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 259 – 299.
4. Оганесян М.Р. Феномен "запятнанной репутации" у несовершеннолетних правонарушителей // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 97 – 100.
5. Смелзер Н. Девиация и социальный контроль // Социология. – М.: Феникс, 1998. – С. 197 – 242.

СУБКУЛЬТУРНІ ОЗНАКИ ОСОБИ ЗЛОЧИНЦЯ

Ю.В. Кучирка

*(Луганський державний університет
внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка)*

Сучасна кримінологія, прагнучи глибше проникнути до суті особи злочинця, синтезує в собі знання великої кількості наук: соціології, психології, генетики тощо. Вона використовує як базові такі поняття науки кримінального права: "злочин", "покарання", "суб'єкт злочину" та ін. Разом з цим, специфіка кримінологічного пізнання надає можли-

вість розглядати явища не лише як такі, що мають суто юридичне значення, тобто мають певні правові наслідки. Кримінологія інтегрує кореляційну взаємозалежність великої кількості чинників, що впливають на особу, має можливість створювати складні програми з метою виявлення їхніх взаємозв'язків і взаємозумовленості. Одним з таких чинників є вплив кримінальної субкультури.

Уперше в кримінологічний науковий обіг термін "субкультура" ввів американський соціолог А. Коен. Префікс *суб-* (від лат. *sub* – "під") означає, що кримінальна субкультура – не основна в суспільному бутті, а побічна у культурному розвитку суспільства. А. Коен під субкультурою розуміє систему цінностей кримінальних об'єднань (кримінальних мікрогруп). У цих об'єднаннях формуються і діють так звані мінікультурні регулятори поведінки (погляди, традиції, звичаї, права й обов'язки, стереотипи поведінки, система заохочень і стягнень, міри покарання для порушників тощо). Кримінальна субкультура перебуває в стані постійних суперечностей і протистояння домінуючим у суспільстві соціальним нормам і праву. Потрапивши в кримінальну групу та сприйнявши її субкультуру, особа звільняється від соціальних заборон. Часто порушення цих заборон не тільки схвалюється, а є однією з норм кримінальної субкультури. Отже, теорія субкультури спирається на те, що певна особа ізольовано розвивається в соціально-психологічному плані в групі, яка має стійку систему антисуспільних настанов, цінностей і норм, не сприймаючи (або сприймаючи в перекрученому вигляді) систему цінностей і норм суспільства.

Особі злочинця притаманна система ознак і властивостей, що визначають його як людину, що вчинила злочин. Будучи різновидом особи взагалі, злочинець має загальні ознаки (стать, вік, фах, освіту, соціальний статус тощо), а також властиві лише йому ознаки, які виражають характер і ступінь його суспільної небезпеки. Ураховуючи зростання впливу кримінальної субкультури на суспільство, вважається доцільним виділити також субкультурні ознаки особи злочинця.

Фундаментальні дослідження кримінальних "традицій і звичаїв" проведені, зокрема, О. Гуровим, С. Лебедевим та іншими¹, дозволяють

¹ Див.: Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990; Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. – Омск, 1989.

дійти висновку, що спільними для сьогоденного кримінального середовища традиціями і звичаями є ухилення від суспільно корисної праці; підвищення злочинної кваліфікації; забезпечення маскування злочинного способу життя і поведінки; додержання субординації відповідно становищу, яке займає в злочинній ієрархії; безперечне підкорення лідеру; виконання колегіальних рішень; недопущення проникнення у своє середовище осіб, підозрюваних у співпраці з правоохоронними органами; моральна та фізична підтримка інших злочинців (у місцях позбавлення волі – підтримка осіб, що за порушення режиму утримання чи інші дії були направлені в ШІЗО або ПКТ); ведення паразитичного способу життя (у місцях позбавлення волі – ухилення від роботи на виробничих ділянках, намагання не брати участь у заходах із прибирання території, перекладання на інших засуджених планових завдань тощо); участь в азартних іграх; активна участь у субкультурних ритуалах ("прописка", "закантачування", "опускання" тощо); знання, використання в мові жаргону, інших засобів потайного спілкування; нанесення на тіло символічних татувань; підрив авторитету адміністрації виправно-трудових установ, недопущення контактів з її представниками, вчинення перепон нормальній діяльності установ виконання покарань.

Втілення в поведінці окремого індивіда наведених вище звичаїв і традицій можна визначити як субкультурні ознаки особи злочинця. Слід зазначити, що ці ознаки (особливо знання та використання в мові жаргону, інших засобів прихованого спілкування, нанесення на тіло символічних злочинських татувань) найбільш яскраво виражені в осіб, що відбувають покарання в місцях позбавлення волі, й у злочинців-рецидивістів.

Серед субкультурних ознак особи злочинця слід виділити володіння кримінальним жаргоном і нанесення на тіло злочинських татувань. Ці ознаки інформують про злочинну "кваліфікацію", кількість засуджень до позбавлення волі, про місце в неформальній субкультурній ієрархії. Деякі татування видають належність їх носіїв до певної касті злочинців – убивць, грабіжників, хуліганів, наркоманів тощо¹. Ці характеристики злочинців є найбільш помітними, тому їх можна назвати зовнішніми. Решту субкультурних ознак, що прита-

¹ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. – М., 1990. – С. 186.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

манні злочинцям, слід віднести до внутрішніх. Вони характеризують внутрішній світ особи, її ставлення до моральних цінностей, до соціальних норм і до суспільства в цілому.

Проведений аналіз дозволяє дійти до висновку, що субкультурні ознаки особи злочинця можна класифікувати за такими критеріями:

- 1) за джерелом набуття:
 - а) набуті в місцях позбавлення волі;
 - б) набуті у повсякденному житті;
- 2) за характером вираженості:
 - а) зовнішні;
 - б) внутрішні.

Зрозуміло, що ця класифікація є попередньою й умовною. Подальша робота в цьому напрямку передбачає послідовне проведення всіх основних процедур логічного аналізу такого предмета дослідження, як кримінальна субкультура, та її впливу на окрему особу.

ПРОПАГАНДА КРИМІНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАВСТВА ЯК ПРОТИДІЯ КРИМІНАЛЬНІЙ СУБКУЛЬТУРІ

Є.С. Назимко

(Донецький юридичний інститут ЛДУВС імені Е.О. Дідоренка)

Системне поширення, поглиблене роз'яснення соціально-політичних, економічних, правових поглядів, ідей, теорій, що забезпечує формування в суспільстві певних настроїв, закріплення у свідомості громадян цінностей, орієнтацій, уявлень з метою максимального розширення кола прибічників відповідної ціннісної системи має назву *пропаганда* (новолат. *propaganda*, від лат. *propagare* – поширювати, розповсюджувати)¹.

Пропаганда правових поглядів у суспільстві, тобто систематичне цілеспрямоване поширення серед населення юридичних знань, називається правовою пропагандою та є найголовнішою складовою за-

¹ Юридична енциклопедія: В 6 т. Т. 5: П-С / Редкол.: Ю.Є. Шемшученко (голова) та ін. – К.: Укр. енцикл., 2003. – С. 166.

гальної пропаганди¹. У свою чергу правова пропаганда за галузевою спрямованістю поділяється на адміністративно-правову, господарсько-правову, конституційно-правову, цивільно-правову тощо.

Організація та проведення пропаганди кримінального законодавства, тобто кримінально-правової пропаганди, є важливим заходом підтримки законності й правопорядку в державі. Метою пропаганди кримінального законодавства є, по-перше, підвищення загальної правової свідомості громадян; по-друге, максимальне розширення кола прибічників існуючих кримінально-правових норм і кримінально-правової політики держави; нарешті, по-третє, протистояння поширенню та розвитку злочинності, її стримання та боротьба з нею.

У сучасній українській кримінологічній науці злочинність вважається як "негативне соціальне, історично мінливе явище, що полягає у вчиненні частиною членів суспільства вчинків, які заподіюють шкоду іншим членам суспільства або суспільству в цілому, відповідальність за які передбачена кримінально-правовими нормами"².

Ми розділяємо думку луганських науковців, згідно з якою злочинність необхідно розглядати як стан, акумульовану негативну енергію, яка вже реалізована чи при певному перебігу обставин може бути реалізована у кримінальному діянні; як форму суспільної або групової ідеології великого контингенту осіб³. Кримінальна ідеологія зумовлює наявність вторинної спільності (колективу) людей, яка має схожі для цього колективу риси культури, не властиві суспільству в цілому, так званої кримінальної субкультури.

Кримінальна субкультура – це сукупність духовних і моральних цінностей, норм, традицій, різних ритуалів, які регламентують життя й кримінальну діяльність злочинних спільнот, чим сприяють збереженню та розвитку їхньої життєдіяльності, згуртованості, кримінальній активності, мобільності, спадкоємності поколінь правопорушників і кримінальних груп⁴.

¹ Литвак О.М. Держава і злочинність: Монографія. – К.: Атіка, 2004. – С. 113.

² Курс кримінології. Загальна частина: Підручник: У 2 кн. / О.М. Джужа, П.П. Михайленко, О.Г. Кулик та ін.; За заг. ред. О.М. Джужи. – К.: Юрінком Інтер, 2001. – С. 51.

³ Див.: Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Бабяба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С. 67.

⁴ Див.: Юридическая психология: Терминологический словарь / Сост.: А.М. Бандурка, В.С. Венедиктов, А.В. Тимченко, В.Е. Христенко, В.Б. Калиновский; Под ред. А.М. Бандурки. – Х.: Тимченко, 2005. – С. 360.

Кримінальна субкультура знаходить своє відображення у поширенні особливої філософії кримінального світу, яка виправдовує вчинення злочинів, не визнає вини та відповідальності за скоєні злочини. Ця "філософія" певним чином замінює низькі мотиви "благородними" та "високими". Наприклад, у насильницьких злочинах – почуттям "колективізму", "товариської взаємодопомоги", звинуваченням жертви, яка немовби спровокувала відповідну агресію, ідеєю "спорідненості", "дружби", які начебто покликані захистити друга, помститися за раніше завдану образу. Злочинці з корисливого наміру часто відстоюють ідеї про необхідність перерозподілу речей, які знаходяться у власності громадян, та їх насильницького присвоєння з різноманітною "позитивною" мотивацією ("чесно поділити з іншими "братами", "узяв те, що і так би зникло" тощо).

Важливе місце у кримінальній субкультурі посідають міфи (кримінальна міфологія), які рекламують серед законослухняних громадян і в злочинному середовищі образи "кмітливого крадія", "сміливого розбійника Робін Гуда", "стійкого хлопця", які культивують "зłodійську романтику", ідею злочинного "братерства", "чесності" тощо. Це породжує характерне соціальне та психологічне відчуження. Воно генерує прагнення відмежовуватися разом із собі подібними індивідами, які мають дуже специфічне світосприйняття: дозволяється не приймати повністю або частково державну кримінальну політику, вимоги норм кримінального й охоронюваних ним галузей права. У цих умовах розробляються власні закони, спрямовані на забезпечення стабільного існування кримінального суспільства. Кримінальна субкультура дозволяє ті спрямування, які офіційна культура обмежує та віддає під соціальний контроль (вживання наркотиків та алкоголю, агресію, секс у неприродних формах тощо)¹. Соціальна небезпека кримінальної субкультури полягає у тому, що вона стимулює протиправну поведінку людини та стає механізмом "повторного виробництва" злочинності в країні.

Ураховуючи суспільну небезпечність кримінальної субкультури, вважаємо за необхідне розробити заходи попередження вчинен-

¹ Див.: Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Бальяба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. - Луганск: РИО ЛИВД, 2000. - С. 77.

ня злочинів особами, які знаходяться у "небезпечному становищі", тобто перебувають під впливом кримінальної субкультури. Мета нашої роботи – розглянути пропаганду кримінального законодавства як фактор:

- 1) перешкоди поширенню кримінальної субкультури;
- 2) впливу на становлення та розвиток правосвідомості носіїв кримінальної субкультури;
- 3) попередження скоєння злочинів узагалі.

Аналізовану проблему порушували багато дослідників – фахівців різних галузей знань: А.П. Закалюк, Б.Г. Розовський, Г.М. Миньковський, М.Д. Шаргородський, В.В. Голина, О.В. Наумов, А.В. Баляба, Е.В. Віленська, Е.О. Дидоренко, О.М. Литвак, В.Ф. Зудін, І.Р. Анденс, В.Ф. Пирожков, Г.Й. Шнайдер та інші.

Для досягнення мети роботи автори провели дослідження ролі пропаганди кримінального законодавства серед молоді шляхом експрес-опитування учнів 10 – 11 класів СЗШ № 25 м. Донецька (усього 143 учні). Опитування саме молоді зумовлене тим, що через несформовану систему цінностей підліток іноді обирає асоціальні й делінквентні приклади для наслідування¹.

Після роз'яснення базових термінів, надання необхідної інформації про поняття кримінальної субкультури та злочинності, взаємообумовленості й факторів поширення, респондентам запропонували відповісти на такі запитання:

1. Що є джерелом ваших знань з кримінального права?

Відповіді були такі:

- а) проведення навчальних занять – 28 учнів (19,5%);
- б) спеціалізована юридична література – 4 учні (2,7%);
- в) ЗМІ – 93 учні (65%);
- г) інше – 18 учнів (12,8%).

Пропаганда кримінального законодавства, насамперед, здійснюється через доведення до відома громадян текстів кримінально-правових актів, які розробляє та приймає держава-законодавець, виступаючи як легітимний представник суспільства.

За результатами цього опитування з'ясовано: мало кому з респондентів відомо, що найпоширенішим джерелом усієї юридич-

¹ Див.: Процик А.Я. Особливості формування правової культури молоді // Право України. – 2004. – № 10 – С. 79.

ної інформації взагалі та норм кримінального права зокрема є закони України, які офіційно публікуються у "Відомостях Верховної Ради України", "Офіційному віснику України" та газеті "Голос України". Виявилось, що мало хто з пересічних громадян читає газету "Голос України", не кажучи вже про часопис, спеціально створений для опублікування законів – збірник "Закони України". Проблема широкого обнародування законів, особливо кримінальних, настільки важлива, що доцільно було б залучити до неї також недержавні масові видання. Бажано сповіщати про зміни у кримінальному законодавстві через телебачення та радіо (які є джерелом інформації про кримінальне законодавство майже для 65% учнів), нагадувати людям про їхні обов'язки за допомогою витягів з КК на стендах у місцях імовірних правопорушень (наприклад міських ринках, митницях, транспортних підприємствах тощо). Поряд із позитивним впливом ЗМІ не можна не зазначити його негативного впливу на свідомість особи. Мова йде про пропаганду фізичної сили, яка викликає деформацію правосвідомості (транслявання серіалів на кшталт "Бригада", "Бандитський Петербург" тощо). Під впливом ореолу кругової поруки й "товариства" серед певних категорій населення (насамперед підлітків) формується уява про непереборність і безсмертність згуртованих "братерських" груп.

Цей негативний вплив ЗМІ активує жорстокість, деформує світоглядні основи суспільства, пропагуючи злочинний спосіб життя, а як наслідок – жахливі у своїй безглузді й жорстокості злочини, девіації поведінки, психічні розлади.

2. Чи вважаєте ви необхідною пропаганду кримінального законодавства?

Відповіді:

- а) так, вважаю – 85 учнів (59,4%);
- б) ні, вона не потрібна – 42 учні (29,3%);
- в) мені байдуже – 16 учнів (11,3%).

Для того щоб попередити злочин, необхідно довести закони та інші нормативно-правові акти до відома населення. Це продиктоване життям положення закріплює ст. 57 Конституції України, яка гарантує кожному право знати свої права й обов'язки.

Хоча більшість опитуваних вважає необхідною пропаганду кримінального законодавства, за результатами цього питання стало зрозуміло, що останнім часом, на жаль, правова пропаганда стала непопулярною. Натомість у засобах масової інформації переважають сенсаційні публікації про всесилля мафії, групові та серійні вбивства, інші кримінальні жахи, винуватці яких найчастіше уникають кари, що створює умови для поширення кримінальної субкультури. Це "антипропаганда" або ж пропаганда кримінального "закону". Вона, незалежно від намірів журналістів, стимулює правовий та моральний нігілізм, який і зараз поширюється серед населення, тим самим сприяє зростанню злочинності.

Обговорення та поширення інформації про "видатні" злочини стало вже традицією нашого суспільства. Ураховуючи цю обставину, автори пропонують такий вихід із ситуації, що склалася: ЗМІ повинні повідомляти про скоєні злочини не мовою статистики, як це робиться зараз (наприклад "...була вилучена партія наркотиків на суму 20 млн. доларів США..."). Такий підхід формує позитивне ставлення особи до здобуття "легких" грошей і порушення закону. Необхідно повідомляти пересічним громадянам про шкоду будь-якого злочину через висвітлення негативних наслідків діяння для загальносуспільних цінностей, наприклад, таким чином: "...була вилучена партія наркотиків, від реалізації якої можна було б очікувати, що наркозалежними (за середньостатистичними показниками) стануть близько 10000 осіб. Можливі передозування при реалізації цієї партії наркотиків у 50 – 60 осіб, тобто ці люди позбулися ризику передчасної смерті". Поширення такої інформації зможе сприяти формуванню суспільно корисної мотивації поведінки громадян, незалежно від їхнього ставлення до кримінального законодавства, тому що на перший план виходять такі загальні моральні цінності, як родина, дитинство, повага до людей похилого віку, допомога неповним родинам тощо.

3. Чи вважаєте ви, що пропаганда кримінального законодавства здатна протидіяти кримінальній субкультури?

Відповіді:

- а) так, вважаю – 43 учні (30%);
- б) ні, вона не змінить обстановку – 83 учні (58,2%);
- в) мені байдуже – 17 учнів (11,8%).

Аналізуючи відповіді на це питання, доводиться констатувати той факт, що серед молоді зараз багато осіб з дефектами правосвідомості: правовою неусвідомленістю, правовою дезінформованістю, соціально-правовим інфантилізмом, правовим безкультур'ям, соціально-правовим негативізмом і цинізмом, що в майбутньому може стати базою для кримінальної субкультури. Такий стан речей зумовлений тим, що громадська думка про кримінальне право формується, на жаль, головним чином через отримання інформації про кримінальне законодавство та практику його застосування від людей, яким довелося зіткнутися з правоохоронними органами, у тому числі засуджених, свідків, потерпілих та ін. Прикро, але ці враження від правосуддя, як правило, негативні. Вони, безумовно, впливають на громадську думку не лише стосовно функціонерів, а й законів, яким вони повинні служити.

Не можна сказати, що на правосвідомість громадян не впливають ЗМІ, що вони обходять своєю увагою проблеми боротьби зі злочинністю. Теле-, радіопрограми "Людина і закон", "Досьє", "900 секунд", щотижневі зведення МВС та УМВС, регулярні інтерв'ю керівників інших правоохоронних відомств увійшли в наше життя (про що свідче думка 30% респондентів). Але у виступах переважають сенсаційні повідомлення про так звані резонансні справи, які недостатньо, на нашу думку, роз'яснюють чинні кримінальні закони та їх суспільне значення.

Відомий норвезький кримінолог і криміналіст І. Анденс вважає, що для більшості людей повага до норм кримінального закону не має великої мотиваційної сили, але, разом з тим, визнає, що кримінальний закон підсилює моральні заборони та формує основи морального виховання юнацтва, яке теж може бути суб'єктом кримінальної субкультури¹.

4. У якій формі повинна проводитися пропаганда кримінального законодавства?

Відповіді респондентів:

- а) поглиблене вивчення кримінального права – 17 учнів (11,8%);
- б) випуск спеціалізованої юридичної літератури – 17 учнів (11,8%);
- в) телебачення – 41 учень (28,7%);
- г) радіо – 50 учнів (35,2%);
- г) свій варіант – 18 учнів (12,5%).

¹ Див.: Анденс И. Наказание и предупреждение преступлений. – М., 1979. – С. 141.

Учні віддають перевагу тим джерелам інформації, до яких вони звикли та якими найчастіше користуються в побуті. Незалежно від форми вираження пропаганди кримінального законодавства, необхідно у свідомості носія кримінальної субкультури посилити вагу тих позитивних моральних цінностей, через які проходить інформація криміногенного характеру. Приємно відмітити той факт, що серед молоді набула авторитету телепрограма "Час суда" з Ігорем Годецьким (майже 30% опитаних), де разом з цивільними можуть розглядатися типові кримінальні справи, а після винесення вироку суду дається коментар юриста безпосередньо щодо вирішення справи. Ця телепрограма робить значний внесок у формування позитивного ставлення до кримінального законодавства та підвищує рівень правової культури населення, чим протидіє поширенню й розвитку кримінальної субкультури.

Проведений аналіз результатів опитування школярів надав змогу дійти висновку, що державна стратегія протидії поширенню елементів кримінальної субкультури повинна знаходитись не лише у певних змінах економічного, соціального та політичного стану суспільства. Одним із головних напрямів протидії злочинності має бути пропаганда кримінального законодавства, яка, у свою чергу, може вплинути на свідомість носіїв кримінальної субкультури через діяльність різноманітних соціальних інститутів, стати фактором попередження скоєння злочинів як особами, що вже вчинили злочин, так і особами, які мають криміногенне, суспільно небезпечне настановлення. Необхідно, щоб пропаганда кримінального законодавства стала реальною перешкодою поширенню кримінальної субкультури. Цей принцип розроблений не одним поколінням кримінологів: краще своєчасно запобігти негативним впливам на процес формування правосвідомості особи, ніж потім карати й ресоціалізувати делінквента. Пропагандою кримінального законодавства можна:

- 1) вплинути на психологічну готовність кримінально налаштованих членів суспільства до вчинення несанкціонованих дій, що передбачають будь-які способи скоєння злочинів;

- 2) відновити втрачену суспільством систему цінностей шляхом створення суспільно позитивних настанов та їхньої трансформації в соціальну норму, яка має бути спрямована на формування позитивних суспільних образів поваги та співчуття до інших осіб;

3) як наслідок вищезазначеного – дістати найглибшого закріплення в законодавчих правових нормах принципів рівності й справедливості, що сприяють декриміналізації суспільства.

Гуманістична правова пропаганда конче необхідна нашому суспільству. Її потрібно здійснювати з метою покращання стану всього українського соціуму, попередження процесів закріплення криміногенних настановлень у правосвідомості особи як фактора протидії кримінальній субкультурі.

Література

1. Конституція України від 28 червня 1999 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30.
2. Кримінальний кодекс від 5 квітня 2001 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 25 – 26.
3. Анденс И. Наказание и предупреждение преступлений. – М., 1979. – 182 с.
4. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Э. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2000. – 678 с.
5. Криминология: приглашение к дискуссии: Монография / Авт. кол.: А.В. Баляба, Э.В. Виленская, Э.А. Дидоренко, Б.Г. Розовский. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – 318 с.
6. Курс криминології. Загальна частина: Підручник: У 2 кн. / О.М. Джужа, П.П. Михайленко, О.Г. Кулик та ін.; За заг. ред. О.М. Джужа. – К.: Юрінком Інтер, 2001. – 352 с.
7. Литвак О.М. Держава і злочинність: Монографія. – К.: Атіка, 2004. – 304 с.
8. Процик А.Я. Особливості формування правової культури молоді // Право України. – 2004. – № 10. – С. 122.
9. Филонов В.П., Федоренко Д.В. Преступность в особо крупном промышленном городе: состояние, причины и меры по ее предупреждению. – Донецк: ДИВД МВД Украины, 2002. – 281 с.
10. Юридическая психология: Терминологический словарь / Сост.: А.М. Бандурка, В.С. Венедиктов, А.В. Тимченко, В.Е. Христенко, В.Б. Калиновский; Под ред. А.М. Бандурки. – Х.: Тимченко, 2005. – 432 с.
11. Юридична енциклопедія: В 6 т. Т. 5: П-С. / Редкол.: Ю.Є. Шемшученко (голова) та ін. – К.: Укр. енцикл., 2003. – 736 с.

ВПЛИВ ЗАСОБІВ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ НА ПОШИРЕННЯ КРИМІНАЛЬНОЇ СУБКУЛЬТУРИ НЕПОВНОЛІТНІХ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ХЕРСОНСЬКОЇ ОБЛАСТІ)

Ф.Е. Тігієва

(Херсонський юридичний інститут ХНУВС)

Щороку кількість неповнолітніх, засуджених за вчинення злочинів, зростає: якщо в 1992 р. цей показник становив 11,6 тис. осіб, то в 2002 р. він зріс до 20,1 тис., тобто майже вдвічі. У 2005 р. він збільшився до 26147 осіб, і немає сподівань, що в майбутньому все зміниться на краще. Таким чином, на сьогодні кожний десятий засуджений вчинив злочин у неповнолітньому віці.

Одночасно зростає і кількість неповнолітніх, які вчинили суспільно небезпечні діяння, однак їх до кримінальної відповідальності не притягнуто, а лише застосовано примусові заходи виховного характеру (у 2002 р. – 4,2 тис., у 2005 р. – 5,6 тис. осіб).

Злочини, вчинювані неповнолітніми, стають немотивовано жорстокими, характеризуються малозначністю мотивів, цинізмом і бездушністю, усе частіше вчиняються у складі організованих груп. Злочинність неповнолітніх з кожним роком "молодшає": у 2003 р. кожний третій засуджений неповнолітній належав до вікової категорії 14 – 16 років, тимчасом, як у 1992 р. цей показник становив 16 – 18 років. Ці факти свідчать про те, що в суспільстві відбуваються певні процеси, які вкрай негативно впливають на формування молодого покоління.

Згідно зі статистикою в Херсонській області за 2004 рік неповнолітніми було вчинено 511 злочинів, а вже у 2005 році було зареєстровано 825 таких злочинів. Показники динаміки по Україні на 2005 рік становлять 14%, а в Херсонській області – 61,4%. З цього можна зробити висновок, що на Херсонщині криміногенна ситуація серед неповнолітніх є складною¹.

Боротьба зі злочинністю серед неповнолітніх не може бути успішною без участі в ній суспільства та його інститутів. Для цього за допомогою засобів ідеологічної дії, переконання, виховання й освіти (зокрема ЗМІ) необхідно формувати у підлітків антикримінальний соціальний оптимізм, віру в успіх боротьби зі злочин-

¹ Див.: Правопорушення у Херсонській області у 2005 році / Державний комітет статистики України. Головне управління статистики у Херсонській області.

ністю, понизити рівень страху перед нею, спростувати укорінені у свідомості практично всієї молоді уявлення про повну втрату державного й суспільного контролю над кримінальною ситуацією та про те, що Україна приречена перетворитись на кримінальну державу.

В умовах економічних проблем країни батьки, здобуваючи кошти для існування, не в змозі належно займатися вихованням дітей. Конфлікти, несприятлива моральна й матеріальна обстановка в сім'ї виводять неповнолітніх на вулицю, де вони мають чимало спокус: на лотках будь-яка друкарська продукція, у кінотеатрах – фільми, що пропагують культ насильства, сексуальну розбещеність. Стало можливим придбання психоактивних речовин у будь-який час і практично відкрито. Гідної альтернативи ані сім'я, ані школа, ані суспільство запропонувати не в змозі. Більше того – відбулося значне зниження ефективності дії основних інститутів соціалізації (сім'я, школа, дозвілля, ЗМІ) на підлітків, що істотно розширило можливості протиправного впливу з боку кримінального середовища. Уже з'явилося абсолютно нове покоління тінейджерів, які мають досить стійку життєву позицію.

Саме з середини дев'яностих років у злочинній діяльності неповнолітніх кримінологи відзначають тенденцію зсуву демонстративної мотивації на суто кримінальну. Не маючи ще достатнього досвіду в кримінальній діяльності, неповнолітні, що вступили на злочинний шлях, опиняються в місцях позбавлення волі, де вкрай негативне середовище. Там вони вивчають закони кримінального світу, зав'язують тісні стосунки. Підліток розуміє, що навички "блатної" кругової поруки та підпільної організації дають людині, що протиставила себе суспільству, можливість успішно це протиставлення реалізовувати. Саме в місцях позбавлення волі неповнолітній одержував (і одержує) перші уроки кримінального професіоналізму.

Досвід комісії у справах неповнолітніх і відділів попередження правопорушень неповнолітніх свідчить, що кримінальним структурам "малолітки" не потрібні. Тому, вийшовши на свободу з набутих за час відбування покарання досвідом і твердим наміром продовжити кримінальну кар'єру, неповнолітній об'єднується з однолітками в групи за прикладом дорослих організованих груп. Усередині цих груп існують такі само відносини кругової поруки, "обцак", суворя ієрархія, закони та субкультура кримінального світу¹.

¹ Див.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. – М., 1999. – С. 107.

Групи неповнолітніх переймають не тільки зовнішню сторону кримінальних об'єднань, але й займаються паралельною з ними діяльністю. Як уже наголошувалося вище, групи неповнолітніх кримінальної спрямованості все частіше скоюють такі злочини, як грабїж, розбїй, вимагання і навіть бандитизм.

Мають бути вжиті радикальні заходи для підвищення правової культури молоді, подолання правового нігілізму, формування негативного ставлення до злочинності в масовій свідомості.

Необхідно виключити показ у ЗМІ романтики кримінальної поведінки та способу життя, акцентувати увагу на цінностях і нормах цивілізованого суспільства, не сумісних з діяльністю будь-яких злочинних організацій. Дієвий контроль з боку суспільства треба забезпечити при взаємодії ЗМІ та правоохоронних органів, яка має регулюватись у комплексному законі "Про засоби масової інформації".

На тлі соціальних й економічних зворушень останніх років значно зріс вплив ідеологічних і соціально-психологічних процесів, пов'язаних з дезорієнтацією великої частини молоді щодо соціальних цінностей, життєвих планів. Поширені уявлення про можливості й перспективність легкого та швидкого збагачення, про переваги агресивної поведінки й інші негативні погляди, підтримувані ЗМІ. Звідси беруть витоки багатоманітні форми кримінального ризику, формування кримінальної мотивації через поширені в молодіжному середовищі пияцтво та наркоманію¹.

У молоді все помітніше активізується кримінальна мотивація. Цілеспрямовано, часто насильно насаджувані молоді цінності, ідеали й норми поведінки, прийняті в кримінальному світі, сприяють романтизації його звичаїв, прагненню влитися в кримінальні структури дорослих або ж створити своє злочинне угруповання. Разом з тим, залучення до злочинної діяльності зумовлене, звичайно, не лише зовнішньою дією – воно багато в чому породжується криміногенною активністю самої молоді, і ця активність потребує лише врегулювання й упорядкування.

В умовах об'єктивно та суб'єктивно обмеженої можливості соціально корисної реалізації домінуючим мотивом формування моло-

¹ Див.: Попов В.Г. Молодїж в сфері криміногенного впливу // Соціологіческие исследования. – 1998. – № 5. – С. 74 – 75.

діжних угруповань є прагнення до самоствердження. Самоутвердження – стартовий стрижень мотивації. З віком і набуттям кримінального досвіду ця мотивація стає все більш наочною¹.

Вітчизняних досліджень психологів, соціологів, кримінологів з цієї проблеми недостатньо, хоча, зважаючи на розвиток інформаційного забезпечення українського суспільства, вона є вкрай актуальною. За даними О. Дроздова, існує кореляційний зв'язок між схильністю підлітків до перегляду "агресивної" телепродукції, що демонструється українськими ЗМІ, та агресивною поведінкою в реальному житті. У результаті соціально-психологічних досліджень, проведених у м. Чернігові та Чернігівській області серед підлітків різних соціальних груп, зокрема засуджених за різні злочини, було встановлено, що в середньому 52% респондентів (девіантна молодь) зазначили, що їм подобаються бойовики, і визнали, що герої цих фільмів справляють на них певний вплив. Серед підлітків недевіантних груп таких респондентів було в середньому 40%.

Оскільки вітчизняні дослідження з проблеми впливу ЗМІ на процес формування свідомості неповнолітніх і можливої їх протиправної поведінки майже відсутні, автором було проведене анкетування серед учнів 10 – 11 класів і педагогічних працівників декількох загальноосвітніх середніх шкіл м. Херсона у жовтні 2006 р. Анкетування проводилось анонімно за спеціально розробленими анкетами. Отримані результати узагальнювалися.

Опитування проводилося серед недевіантної молоді, хоча загалом ця проблема потребує докладнішого дослідження і серед певних груп девіантної молоді. Аналіз результатів анкетування засвідчив, що респонденти надають перевагу таким ЗМІ: телебачення – 69,3%; преса – 15,7%; радіо – 9,5%; інші носії інформації – 5,5%. Тобто серед ЗМІ найбільш доступним і популярним є телебачення, оскільки одночасно діє на зір та слух, синтезуючи в собі практично всі накопичені людством способи спілкування. До того ж телебачення значно дешевше, ніж передплата чи придбання друкованих засобів. Серед інших носіїв інформації найпопулярнішим є Інтернет (47,9% опитаних користуються ним на дозвіллі, 15,2% – для отримання певної інформації).

¹ Див.: Яременко О. Роль засобів масової інформації та інших джерел у формуванні здорового способу життя молоді. – К., 2000. – С. 22.

Отже, аналіз причин, які зумовлюють протиправну поведінку підлітків, свідчить про те, що одним із джерел такого впливу є пропаганда у ЗМІ культу насильства та жорстокості, що, у свою чергу, потребує невідкладних заходів, спрямованих на вирішення цієї проблеми з боку держави, і насамперед – на попередження цих негативних явищ. Особливістю ЗМІ є одночасний подвійний вплив на спосіб життя та свідомість неповнолітніх, причому два боки цього процесу є взаємно протидіючими. З одного боку, ЗМІ є чинником, що позитивно впливає на процес виховання й розвиток особистості, а з іншого – може провокувати розвиток шкідливих звичок, сприяти виникненню психологічного дискомфорту, навіть бажання вчинити протиправні дії, з чим згодні 37,3% респондентів.

Література

1. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. – М., 1999.
2. Попов В.Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 74 – 75.
3. Правопорушення у Херсонській області у 2005 році / Державний комітет статистики України. Головне управління статистики у Херсонській області.
4. Яременко О. Роль засобів масової інформації та інших джерел у формуванні здорового способу життя молоді. – К., 2000.

ПРОТИДІЯ ЗЛОЧИННОСТІ НЕПОВНОЛІТНІХ І МОЛОДІ В ІТАЛІЇ

Т.С. Жукова

(Запорізький юридичний інститут ДДУВС)

С.Ф. Денисов

(Запорізький юридичний інститут ДДУВС)

Проблема дослідження. Наукове розроблення теорій про причини злочинності серед неповнолітніх є передумовою створення попереджувальних програм. Саме поняття "попередження злочинності", згідно з думкою італійських кримінологів, охоплює будь-яку дію, спрямовану на зниження реального рівня злочинності, а також страху перед злочинністю.

Такі заходи не обмежуються лише зусиллями системи кримінальної юстиції, вони включають діяльність як громадських, так і приватних організацій. Оскільки є безліч чинників злочинності, то, відповідно, існують численні підходи до її профілактики¹.

В Італії цілеспрямована робота з попередження злочинності на державному рівні проводиться з початку 80-х років. Відомий італійський учений-кримінолог Маротта Джемма запропонував таке визначення профілактики: "...це безпосередні заходи із захисту потенційної жертви від злочинного посягання шляхом передбачення нападу, виключення чи зменшення можливості його здійснення і, таким чином, нанесення шкоди потерпілим або збитку їх майну"².

Мета дослідження: проаналізувати концепції кримінального правосуддя й оцінити їх ефективність. Досягнення вказаної мети було підпорядковано головному завданню дослідження, а саме: ознайомити юридичну громадськість, відповідні державні й недержавні структури України з досвідом попередження злочинності неповнолітніх і молоді в Україні та Італії, урахувати, за можливості, його позитивні сторони у вітчизняній практиці.

Об'єктом дослідження є діяльність із попередження злочинності неповнолітніх і молоді в Італії.

Предмет – правоохоронна діяльність і конкретні програми попередження молодіжної злочинності в Італії.

Методи збору даних. Теоретичною базою роботи є основна фахова та суміжна література з теми дослідження. Належну увагу приділено роботам італійських кримінологів (вивчено близько 50 монографічних робіт провідних учених на мові оригіналу). Крім теоретичних робіт, використовувалися й емпіричні відомості, що характеризують різні сторони діяльності з попередження злочинності неповнолітніх і молоді в Італії. Ураховано також матеріали наукового стажування на юридичному факультеті Туринського університету (Італія) у грудні 2005 – квітні 2006 рр.

¹ Див.: Bandini T., Gatti U., Marugo M., Verde A. Criminologia. Il contributo della risersa alla conoscenza del crimine e della reazione sociale. – Milano, Giuffre, 1991. – P. 257 – 259.

² Див.: Marotta Gemma. Prevenzione e trattamento dei minori devianti: analisi storico-comparata: Editrice Universitaria di Roma (Euroma): la Goliardica, 1997.

Основні результати дослідження. Зараз у концепції кримінального правосуддя існує декілька моделей, наприклад, модель реабілітації (*il rimpioamento*). Дотепер стосовно неповнолітніх простежується чіткий курс на підтримку й упровадження цієї моделі, оскільки вважається, що неповнолітні залучаються до злочинної діяльності, насамперед, унаслідок негативного впливу дорослих злочинців, а також навколишнього криміногенного оточення, що підсилює їх неадаптованість.

Учені-криміналісти М. Барбалі, Р. Стелла, М. Кавалло є прихильниками такого напрямку. На їхню думку, люди, які скоюють злочини, багато в чому є жертвами соціальної несправедливості, бідності, і їх дії є відповіддю на обман суспільства. Вони можуть страждати від різних психологічних проблем, які також збільшують вірогідність скоєння злочинів¹.

Щоб ефективно впливати на злочинність, слід направити зусилля на пошуки її першопричин і впливати на них. Підкреслюється значення засобів досягнення успіху в суспільстві, таких, як освіта, професійне навчання. Основним підходом до осіб, що скоїли злочини, вважається лікування, а не покарання правопорушника, тому робляться спроби максимального вилучення цих осіб з юрисдикції кримінальної юстиції. Особливе значення мають консультування та психологічне лікування індивіда в общині, участь у різного роду реабілітаційних програмах.

На цей час в Італії домінує модель контролю (або заборони) злочинності (*il modello dell controllo o proibizione della criminalita*).

Ця модель направлена на захист правопорядку в суспільстві за допомогою розкриття злочинів, арешту підозрюваних, судового розгляду та покарання винних. Вона відома й у практиці інших європейських країн.

Видатний учений Джанкристофоро Туррі вважає, що це поняття включає всі суспільні настановлення, стратегії та санкції, метою яких є досягнення конформності поведінки у сфері, захищеній нормами кримінального права. Кримінальна юстиція розглядається як бар'єр між

¹ Див.: Barbagli M. Rapporto Sulla Criminalità in Italia. Istituto di Studi e Ricerche "Carlo Cattaneo": Società Editrice il Mulino. – 2004; Paolo Stella. La rieducazione dei minorenni travatiati o delinquenti // Critica Penale: Panozzo editore. – Rimini, 2002. – P. 197 – 203; Cavallo M. Il rispetto dell'identita del minore nella famiglia adottiva e affidataria // Minori Giustizia (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 1996. – № 4. – P. 35 – 44.

деструктивними злочинними елементами й традиційним суспільством¹.

На думку італійських учених Анжело де Маттіа та Карло Гроссо, зусилля держави мають бути спрямовані на швидке та невідворотне покарання серйозних правопорушників, а об'єктом особливої уваги повинні стати жертви злочинів, яким у обов'язковому порядку виплачується компенсація².

В італійській юридичній літературі розрізняються три рівні попередження злочинності неповнолітніх:

1) первинна профілактика (*la primario prevenzione*), яка означає ідентифікацію та зміну криміногенних умов в оточенні підлітків і молоді, що сприяють делінквентності;

2) вторинне попередження (*la secondario prevenzione*), тобто діагностика та втручання (*la intromissione*) в життя як окремих неповнолітніх, так і їх груп за умови, що криміногенні обставини їх життя сприяють здійсненню ними злочинів;

3) третинне попередження (*la terzario prevenzione*) – попередження рецидиву злочинів³.

Проаналізувавши погляди різних кримінологів, можна дійти висновку, що цю трирівневу модель загалом підтримують більшість італійських учених.

Відомий кримінолог Франческо Мазза Галанті переконаний, що правоохоронні органи мусять забезпечувати три види попередження:

1) виправне чи корективне, спрямоване на усунення причин і умов, що сприяють злочинній поведінці неповнолітнього;

2) каральне, що впливає загрозою потенційного покарання в разі скоєння злочину;

3) механічне, яке полягає у виробленні заходів перешкодження досягненню протиправної мети (замки на дверях, ґрати на вікнах, сигналізація)⁴.

¹ Див.: Turri Gianni. La mediazione penale minorile: prospettiva e implicazioni // *Minori Giustizia* (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 2005. - № 1. - P. 41 - 47.

² Див.: Angelo de Mattia. Giustizia minorile e nuovo processo penale (Romano Ricciotti) // *Critica Penale*: Ponte Nuovo Editrice. - Bologna, 2002. - P. 66 - 82; Grosso C.F. Responsabilità penale. Novissimo digesto italiano. - Torino, 1968. Vol. XV. - P. 709.

³ Див.: Useli Elvira. Istituti, Principi, Caratteri di Diritto Penale Minorile: Istituto Giuridico - Università di Sassari, 1991.

⁴ Див.: Mazza Galanti Francesco. Il giudice minorile: il rapporto fra scuola e giustizia. // *Minori Giustizia* (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 1995. - № 2. - P. 48 - 55.

Італійський Національний центр оцінювання правосуддя для неповнолітніх розробив стратегію застосування підходів для попередження злочинності неповнолітніх відповідно до передбачуваних причин¹.

Головне, що їх об'єднує, – це відмова від розроблення стратегій, спрямованих на ліквідацію злочинності як соціального явища. Метою кожної зі стратегій є зміна чи усунення конкретної причини. По суті, стратегії є ідеальними моделями, а реальні програми профілактики можуть об'єднувати деякі з них.

Наприклад, можна виділити такі види стратегій:

1) біологічні стратегії розглядають делінквентну поведінку як зумовлену глибинними біологічними та психіатричними відхиленнями (у т.ч. спадковими). Відповідні програми спрямовані на управління такими відхиленнями, їх скорочення й нормалізацію;

2) стратегії психічного розладу виходять з того, що делінквентність неповнолітнього викликана його внутрішнім станом, спочатку неадаптивним або патологічним. Програми прагнуть змінити негативні психічні стани й усунути їх причини за допомогою психотерапевтичних засобів дії на поведінку;

3) стратегії дозвілля передбачають, що причиною делінквентності є надлишок вільного часу в молоді, не залученої до законної діяльності. Така діяльність може стати альтернативою протиправній поведінці;

4) стратегії розвитку освіти й професійної підготовки вказують на недолік знань і вмінь, необхідних для правомірної поведінки, як на причину делінквентності. Такі стратегії покликані дати неповнолітнім навички та зразки поведінки, що дозволяють уникати порушення закону.

Висновки та практичні рекомендації. Аналізуючи зміст перерахованих стратегій, можна погодитися з твердженням, що попередження – це динамічна концепція з декількома центрами, які мають урахувати всі елементи злочинного діяння та діяча².

¹ Див.: Occhiogrosso F. *Minori e criminalita in Italia oggi* // *Minori Giustizia* (rivista interdisciplinare); Franco Angeli, 2004. – № 2. – P. 90 – 102.

² Див.: *Codice penale e codice di procedura penale.* – Milano, 1987. – P. 339 – 349, 376.

Можна зробити висновок, що вітчизняна кримінологія зобов'язана проаналізувати весь комплекс перерахованих вище італійських стратегій на предмет запозичення всього того, що можна використати у практиці попередження злочинності неповнолітніх в Україні.

Література

1. Angelo de Mattia. Giustizia minorile e nuovo processo penale (Romano Ricciotti) // Critica Penale: Ponte Nuovo Editrice. - Bologna, 2002. - P. 66 - 82.
2. Bandini T., Gatti U., Marugo M., Verde A. Criminologia. Il contributo della riserxa alla conoscenza del crimine e della reazione sociale. - Milano, Giuffre, 1991. - P. 257 - 259.
3. Barbagli M. Rapporto Sulla Criminalità in Italia. Istituto di Studi e Ricerche "Carlo Cattaneo": Società Editrice il Mulino, 2004.
4. Cavallo M. Il rispetto dell'identità del minore nella famiglia adottiva e affidataria // Minori Giustizia (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 1996. - № 4. - P. 35 - 44.
5. Codice penale e codice di procedura penale. - Milano, 1987. - P. 339 - 349, 376.
6. Grosso C.F. Responsabilità penale. Novissimo digesto italiano. - Torino, 1968. Vol. XV. - P. 709.
7. Marotta Gemma. Prevenzione e trattamento dei minori devianti: analisi storico-comparata: Editrice Universitaria di Roma (Euroma): la Goliardica, 1997.
8. Mazza Galanti Francesco. Il giudice minorile: il rapporto fra scuola e giustizia // Minori Giustizia (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 1995. - № 2. - P. 48 - 55.
9. Occhiogrosso F. Minori e criminalità in Italia oggi // Minori 12. Giustizia (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 2004. - № 2. - P. 90 - 102.
10. Paolo Stella. La rieducazione dei minorenni traviati o delinquenti // Critica Penale: Panozzo editore. - Rimini, 2002. - P. 197 - 203.
11. Turri Gianni. La mediazione penale minorile: prospettiva e implicazioni // Minori Giustizia (rivista interdisciplinare): Franco Angeli, 2005. - № 1. - P. 41 - 47.
12. Useli Elvira. Istituti, Principi, Caratteri di Diritto Penale Minorile: Istituto Giuridico - Università di Sassari, 1991.

ВЛИЯНИЕ ФИЛЬМОВ С ЭЛЕМЕНТАМИ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ НА ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е.В. Зуева

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

На протяжении длительного времени особую тревогу общественности вызывает рост преступности несовершеннолетних, что расценивается как национальная трагедия. Действия несовершеннолетних правонарушителей отличаются все большей жестокостью, неприкрытым цинизмом. Подростки принимают участие в групповых преступлениях, часто с использованием огнестрельного оружия, торгуют наркотиками, занимаются мошенничеством и вымогательством в своей же среде. Объединяясь в стихийные преступные группы, несовершеннолетние осуществляют разделы районов городов на сферы своего влияния, совершают преступления с особой жестокостью¹.

Рост преступности среди подростков обусловлен не только экономическими и политическими изменениями, снижением уровня жизни населения, но и другими факторами, в частности кризисом внутрисемейных отношений, отсутствием организации досуга и слабой воспитательной работой в семье и школе, негативным воздействием средств массовой информации.

Для установления причин, побуждающих подростков к совершению преступлений, было проведено изучение мнения несовершеннолетних, содержащихся в исправительных учреждениях Луганской области². Среди причин, названных самими правонарушителями, доминировали желание жить красиво, для реализации которого подходят любые средства (44,1% респондентов), нечем заняться в свободное время (32,8%), плохое материальное положение семьи (26,1%).

Таким образом, выбор в качестве предмета особого анализа такого ведущего фактора подростковой преступности, как желание

¹ См.: Бирюков Г.М., Матвиенко П.В. Криминологические аспекты преступности несовершеннолетних // Вісник ЛІВС. – 2000. – Вип. 2. – С. 173.

² См. там же. – С. 174.

жить красиво, является вполне обоснованным. Более того, мы предлагаем рассмотреть в качестве механизма трансляции данной установки фильма с элементами криминальной субкультуры.

С раннего детства человек находится в информационном поле. Он не может жить без информации, воспринимаемой через множество каналов, и на основе ее оценки формирует свое поведение. Фильмы также создают своеобразный информационный мир. В частности, у подростков под влиянием кино формируется определенное мировоззрение относительно способа и стиля жизни, типа поведения.

Многие несовершеннолетние, причастные к преступлениям, во время следствия признаются, что их беды от видеофильмов, которые порождают цинизм, жестокость, растлевают нравы, гасят в человеке чистые и благородные чувства. Просмотр определенных фильмов закрепляет у подростков представление о том, что насилие является наиболее эффективным способом решения своих проблем и что ответственность за нее наступает не всегда.

В 2004 году в г. Луганске было проведено исследование по этой проблеме, в результате которого оказалось, что 43% опрошенных считают противоправные действия телегероев полностью оправданными. Причем 39% респондентов считают возможным копирование поведения телегероев, даже осознавая противоправность таких действий. 28% считают, что для решения определенных жизненных проблем допускается игнорирование установленных правовых норм¹.

Стремление подростков казаться взрослыми приводит к тому, что они нередко копируют чисто внешние черты поведения взрослых мужчин. Закрепление негативных привычек наряду с ролью групповой психологии и другими отрицательными воздействиями оказывает часто решающее влияние на формирование именно у юношей антиобщественных взглядов².

¹ См.: Бутера Е.И. Деструктивное влияние СМИ на противоправное поведение несовершеннолетних // Часопис Київського університету права. – 2004. – № 4. – С. 107.

² См.: Зиядова Д.З. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых школьниками // Следователь. – 2003. – № 7. – С. 42.

Одной из особенностей преступности подростков является групповой характер. Несовершеннолетние объединяются в преступные группировки, функционирующие на определенной территории. Следует отметить увеличение количества случаев разрешения противоречий между ними с помощью силы, все чаще с использованием холодного или огнестрельного оружия. Молодой клан учится мастерству совершения преступлений у уголовных авторитетов, по отечественным и зарубежным боевикам. В частности, стали известны случаи, когда после выхода на экраны фильма "Бригада" подростки собирались в так называемые "бригады", называли себя именами главных героев, разговаривали на их жаргоне и всячески копировали их поведение (в первую очередь при разрешении межгрупповых конфликтов).

Что же заставляет молодежь объединяться в группы и решать свои жизненные проблемы с помощью силы и психологического давления, а нередко и с помощью оружия? Почему подростки уподобляются образам своих любимых героев? Ведь фильм – это просто сюжет, придуманный автором! А может, причина не в фильмах, а в самом подсознании подростка, в его шаткой и уязвимой психике, на которую и воздействуют фильмы с элементами криминальной субкультуры? Эта хрупкая, до конца еще не сформированная психика впитывает в себя, как губка, всю негативную информацию, что в дальнейшем отражается на поведении подростка.

Следовательно, основным способом минимизации влияния криминальных ценностей, транслируемых с помощью определенных фильмов должны быть не запреты и ограничения, а вытеснение их из информационного поля подростков другими фильмами, пропагандирующими общечеловеческие ценности и одобряемые обществом образцы поведения.

Сегодня, как никогда, перед нашим обществом встал вопрос будущего нашего государства. А будущее – это подрастающее поколение, которое должно быть просто культурным, а не криминально-субкультурным.

Литература

1. Бирюков Г.М., Матвиенко П.В. Криминологические аспекты преступности несовершеннолетних // Вісник ЛПВС. – 2000. – Вип. 2. – С. 173.

2. Бугера Е.И. Деструктивное влияние СМИ на противоправное поведение несовершеннолетних // Часопис Київського університету права. – 2004. – № 4. – С. 107.

3. Зиядова Д.З. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых школьниками // Следователь. – 2003. – № 7. – С. 42.

ВПЛИВ КРИМІНАЛЬНОЇ СУБКУЛЬТУРИ НА ОСОБИСТІТЬ НЕПОВНОЛІТНІХ ЗАСУДЖЕНИХ

І.Г. Шамриленко

(Київський національний університет внутрішніх справ)

Відбування покарання за скоєний злочин у вигляді позбавлення волі є для неповнолітніх психотравмуючим фактором, який обтяжується специфікою функціонування режимної установи, особливостями міжособистісних відносин вихованців, зміною соціального статусу. На думку науковців, перебування неповнолітнього протягом року і більше в умовах спеціального режиму може негативно вплинути на формування його особистості¹. А більш тривале позбавлення волі "веде до деградації особистості ув'язненого й далі до деградації колективу засуджених, будучи підґрунтям для культивування "зłodійських" традицій, звичаїв і стереотипів"².

Але Кримінально-виконавчий кодекс України передбачає покарання неповнолітнім злочинцям у вигляді позбавлення волі за різні види злочинів на строки, що значно перевищують навіть один рік. Звернувшись до даних Державного департаменту України з питань виконання покарань про криміногенний і соціально-демографічний склад засуджених, які відбували покарання у виховних колоніях протягом 2000 – 2005 років, можемо відмітити, що більше половини неповнолітніх засуджених перебуває у місцях позбавлення волі до 5 років, майже 1/5 вихованців – більше 5 років. Разом з тим, з 2000 р. спостерігається стійка тенденція до зниження кількості неповнолітніх, які отримали менш тривалі строки покарання (*табл. 1*).

¹ Див.: Трудный подросток: причины и следствия / Под ред. В.А. Татенко. – К.: Радянська школа, 1985. – С. 37.

² Див.: Васильев В.Л. Юридическая психология. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2000. – С. 590 – 591.

Таблиця 1

**Кількість вихованців колоній
за строком відбування покарання (%)**

Роки	2000	2001	2002	2003	2004	2005
До 1 року	1,1	0,5	0,5	0,6	0,5	0,5
Від 1 до 2 років	9,4	11,8	10,1	6,7	5,9	5,8
Від 2 до 3 років	21,2	17,7	16,2	14,3	12,0	13,3
Від 3 до 5 років	51,4	52,3	52,1	62,9	61,2	58,4
Більше 5 років	16,6	17,5	21,2	15,5	20,4	22,0

Перебуваючи в умовах перманентного психологічного та фізичного дискомфорту, відчуваючи загрозу особистісному статусу, образу на суспільство, що його осудило, потрапляючи під вплив засуджених, вихованець колонії починає втрачати соціально-психологічні позитивні якості, притаманні йому до прибуття в установу. Несформованість морально-правової самосвідомості вихованців в умовах, які створюють можливість для засвоєння асоціальних норм, призводить до викривлення потребово-мотиваційної сфери. Сам факт зосередження неповнолітніх з асоціальною поведінкою у відносно замкнутій системі відносин створює додаткові перешкоди на шляху засвоєння ними соціально схвалюваних критеріїв і норм. Незавершений процес соціалізації продовжується в умовах ізоляції від суспільства, що суперечить суті цього процесу¹. У свідомості неповнолітнього починаються незворотні процеси, що призводять до деформації особистості й появи психічних новоутворень, які досить важко піддаються психологічній корекції.

Міжособистісні стосунки засуджених у виховних колоніях мають офіційний і неофіційний характер. Формальні стосунки рег-

¹ Див.: Бандурка О.М., Тюріна В.О., Федоренко О.І. Основи психології та педагогіки: Підручник. – Х.: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2003. – С. 315.

ламентовані чинним законодавством і внутрішнім розпорядком установи. Неформальні відносини тією чи іншою мірою базуються на принципах "кримінальної субкультури". За визначенням В.С. Медведєва, кримінальна субкультура – це сукупність цінностей, норм, традицій, які підміняють офіційні, загальновизнані регулятори поведінки і визначають, регламентують функціонування середовища неповнолітніх та окремих його представників. Вона має обмежену розповсюдженість, є спрощеною, примітивною у порівнянні із звичайною підлітково-юнацькою та загальносоціальною культурою¹. Кримінальна субкультура передбачає, насамперед, жорстку внутрішньогрупову ієрархію, присвоєння статусу кожному з членів групи і, згідно зі статусом, виконання особою певної ролі.

Визначення групового статусу неповнолітнього засудженого відбувається за правилами, які отримали назву "прописки". Це можуть бути загадки про принципи кримінальної субкультури, ігри з елементами приниження гідності новачка, випробування готовності дотримуватися законів кримінального світу, шантаж з метою психічного залякування, перевірка спроможності вихованця фізично захистити себе².

Крім того, статус засудженого залежить від віку, кримінального досвіду, особистісних якостей, соціального походження, національності, релігійних уподобань, категорії та кваліфікації кримінальної діяльності, строку призначеного покарання, поведінки під час слідства та в адаптаційний період у колонії, ставлення до засуджених з низьким статусом та офіційного активу, до вимог режиму й адміністрації колонії тощо³. На вершині групової ієрархії перебувають переважно неповнолітні 17 – 18 років, які мають лідерські якості, скоїли декілька злочинів (переважно проти власності), демонструють стійку негативну спрямованість щодо правоохоронної, пенітенціарної та судової систем, отримали термін покарання більше 3 років.

¹ Медведєв В.С. Кримінальна психологія: Підручник. – К.: Атіка, 2004. – С. 155.

² Див. там само. – С. 156; Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. Кн. 1. – М.: Ось-89, 1998. – С. 105 – 106.

³ Див.: Пирожков В.Ф. Указ. праця.

Згідно з принципами кримінальної субкультури кожен засуджений повинен відповідати певній моделі поведінки залежно від його ієрархічного статусу. Так, належність до стійко-привілейованих прошарків передбачає ухиляння від праці чи працю лише на престижних місцях, заборону будувати інженерно-охоронні споруди, перекладання санітарно-гігієнічних і побутових робіт на засуджених нижчого ступеня. Для нестійко-привілейованих характерним є виконання будь-яких робіт без перевиконання норми, за винятком уникнення будівництва охоронних споруд, виконання будь-якого завдання "авторитетів". Стійко-непривілейовані засуджені зобов'язані добре працювати й виконувати будь-яке доручення як "авторитетів", так і адміністрації¹.

Поширення кримінальної субкультури залежить від психологічного клімату у виховній колонії. Психологічний клімат, у свою чергу, залежить від рівня обізнаності керівництва колонії щодо характеру міжособистісних стосунків засуджених, своєчасного виявлення асоціальних груп і припинення їх функціонування, наявності випадків вживання алкогольних, наркотичних і токсичних речовин, проявів гомосексуалізму, актів аутоагресії. Крім того, розвитку кримінальної субкультури сприяє формально-негативне, зверхнє ставлення керівництва колонії до вихованців, неадекватне застосування каральних методів впливу на засуджених, взаємна недовіра та хронічне непорозуміння. У таких випадках кримінальна субкультура виступає в ролі своєрідного психологічного захисту від психотравмуючих ситуацій.

На думку деяких науковців, тюремна субкультура дає можливість для виживання, збереження себе як особистості у надзвичайно важких для підлітка умовах². Її специфіка зумовлена особливостями міжособистісного спілкування у штучно створеному середовищі. Тому раціональність кримінальної субкультури в умовах соціальної ізоляції полягає в традиції взаємодопомоги, обмеженні міжособистісного спілкування, виконанні певних правил і норм, обранні неформального лідера³. Але її основні принципи ґрунтуються на культивуванні злочинної моралі,

¹ Див.: Бедь В.В. Юридична психологія: Навчальний посібник. – К.: Каравелла; Львів: Новий світ-2000, Магнолія плюс, 2003. – С. 343.

² Див.: Бандурка О.М., Трубников В.М., Яровий А.О. Проблеми соціальної адаптації неповнолітніх, звільнених з виховно-трудових колоній. – Х.: НУВС, 2003. – С. 14.

³ Див.: Попечение мест лишения свободы (нижегородский опыт) / Под ред. С.М. Шимоволоса. – Нижний Новгород: Право-защита, 1998. – С. 70.

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

насилстві, жорстокому переслідуванні й експлуатації слабших засуджених, приниженні людської гідності, стійкому протистоянні адміністрації спеціальної установи. Інакше кажучи, кримінальна субкультура має особливу кримінальну філософію виправдання й возвеличення злочинної поведінки, маскуванню низьких прагнень високими кримінальними мотивами¹.

Особливо небезпечно кримінальна субкультура впливає на неповнолітніх засуджених. Незавершеність процесу формування особистості сприяє засвоєнню вихованнями асоціальних і кримінальних цінностей, що ускладнює їх ресоціалізацію. Крім того, деякі принципи кримінальної субкультури (обов'язковість дотримуватися клятви, повернення боргу тощо) здійснюють велике психологічне навантаження на особистість неповнолітнього засудженого, іноді навіть стають для нього фізичною загрозою. Тому в разі виникнення несприятливих обставин у вихованця можуть розвинутися деструктивні психічні стани, здатні призвести до актів агресії та суїцидних спроб.

У виховних колоніях кримінальна субкультура проявляється у відкритій (або прихованій) непокорі адміністрації, намаганні ухилитися від навчання (роботи на виробництві, участі в культурно-масових заходах), азартних іграх, стратифікації середовища засуджених, створенні малих груп з чіткою внутрішньогруповою ієрархією, агресії проти новачків і членів інших груп, особливому жаргоні, татуюванні, традиціях, звичаях тощо.

Підбиваючи підсумки, необхідно виділити таке:

1) кримінально-виконавчий кодекс України передбачає покарання для неповнолітніх у вигляді позбавлення волі на строки, що радше призводять до подальшої деградації особистості засуджених, ніж до їх ресоціалізації;

2) кримінальна субкультура особливо небезпечна для неповнолітніх засуджених, оскільки становить загрозу їх психологічному та фізичному здоров'ю;

3) умови відбування покарання неповнолітніх впливають на засвоєння ними елементів кримінальної субкультури, тому гуманізація пенітенціарної системи сприятиме процесу перевиховання засудже-

¹ Див.: Бедь В.В. Юридична психологія: Навчальний посібник. – К.: Каравелла; Львів: Новий світ-2000, Магнолія плюс, 2003. – С. 342 – 344.

них під час перебування у виховних колоніях і соціально-психологічній адаптації вихованців до життя після звільнення.

Література

1. Бандурка О.М., Трубников В.М., Яровий А.О. Проблеми соціальної адаптації неповнолітніх, звільнених з виховно-трудових колоній. – Х.: НУВС, 2003. – 260 с.
2. Бандурка О.М., Тюріна В.О., Федоренко О.І. Основи психології та педагогіки: Підручник. – Х.: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2003. – 336 с.
3. Бедь В.В. Юридична психологія: Навчальний посібник. – К.: Каравелла; Львів: Новий світ-2000, Магнолія плюс, 2003. – 376 с.
4. Васильев В.Л. Юридическая психология. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
5. Медведев В.С. Кримінальна психологія: Підручник. – К.: Атіка, 2004. – 368 с.
6. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. Кн. 1. – М.: Ось-89, 1998. – 304 с.
7. Попечение мест лишения свободы (нижегородский опыт) / Под ред. С.М. Шимоволоса. – Нижний Новгород: Право-защита, 1998. – 152 с.
8. Трудный подросток: причины и следствия / Под ред. В.А. Татенко. – К.: Радянська школа, 1985. – 175 с.

ВЛИЯНИЕ ПЕСЕН С КРИМИНАЛЬНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ НА МОЛОДЕЖЬ

А.В. Чорный

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Достаточно серьезное внимание в криминологии уделяется криминальной субкультуре, ее содержанию и функционированию, а также анализу влияния на общество¹. В этом контексте особое зна-

¹ См., напр.: Кочетков А. Криминальные проявления в культуре современной России // Законность. – 2001. – № 5; Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. – М., 1995; Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. – Тверь, 1994; Преступность и культура / Под ред. А.И. Долговой. – М., 1999; Антонян Ю.М. и др. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. – 1996. – № 10 и др.

чение приобретает проблема криминализации современной молодежи. Как отмечают харьковские социологи, криминальная активность подростков является особенно опасной для общества, так как именно в этом возрасте начинается криминальная карьера, и подростки становятся резервом преступного мира¹.

Поэтому определение средств и способов внедрения криминальной субкультуры в культуру молодежи, механизмов влияния криминальной субкультуры на сознание молодежи и закрепления криминальных ценностей в молодежной субкультуре является актуальным и обоснованным.

Данная тема многоаспектна, поэтому я хочу попытаться рассмотреть ее на примере анализа влияния песен с криминальным содержанием (шансона) на молодежь.

Необходимо отметить, что в целом эти песни не оказывают кардинального влияния на сознание подростков. Они являются одним из факторов, который в совокупности с другими элементами криминальной субкультуры способствует романтизации преступной жизни. Слушая песни с криминальным содержанием, подросток не начнет сразу же совершать убийства, грабежи, разбои. Но он постепенно сначала привыкает к нормам, которые воспеваются, а затем (вместе со своими друзьями) пытается ими руководствоваться во взаимоотношениях с другими людьми. В силу социально-психологической несформированности, подросток, ориентируясь на принципы криминала, начинает незаметно для себя втягиваться в криминальную жизнь. Сначала он оказывается способным одобрять преступления других при определенных условиях². Позже сам втягивается в околोकриминальные или даже криминальные действия.

При этом следует учитывать, что молодежь – не однородная масса. Молодые люди различаются по возрасту, полу, психологическим характеристикам, уровню интеллекта, материальному положению и т.д. Поэтому песни с криминальным содержанием влияют на молодежь неодинаково. В этом контексте можно условно разделить молодежь на две группы:

¹ См.: Рущенко І.П., Соболев В.О., Ярмиш О.Н. Делінквентна поведінка неповнолітніх: кримінологічний аналіз і проблеми профілактики // Вісник Університету внутрішніх справ. – 1999. – № 5.

² См.: Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели; Пер. с англ. – СПб., 2003. – С. 417.

- 1) лица, склонные к делинквентному поведению;
- 2) лица, склонные к конформному поведению.

Для представителей группы делинквентов шансон служит дополнительным стимулом, поддерживающим их преступную деятельность. Это происходит потому, что в шансоне все элементы криминальной субкультуры, так сказать, идеализируются. Преступники возводятся в ранг героев, отвергнутых несправедливым обществом, происходит романтизация преступной деятельности (особенно краж и выяснения отношений при помощи силы). Молодежь, склонная к делинквентному поведению, подобную идеализацию и романтизацию преступной жизни воспринимает как дополнительный стимул для укрепления собственных ориентаций.

Одновременно в песнях с криминальным содержанием воспеваются и такие ценности, как справедливость, свобода, безопасность, риск, которые можно отнести и к общесоциальным. Они могут поддерживаться конформистской молодежью, хотя эти ценности не имеют социального значения, поскольку распространяются исключительно на взаимоотношения между преступниками в их идеалистически-романтическом варианте. Например, осужденный должен отвечать за сказанное, не допускать оскорбления словом, не обращаться к администрации исправительно-трудового учреждения за помощью для разрешения внутренних конфликтов¹. Однако, воспринимая на первый взгляд общепринятые ценности, подростки так же начинают воспринимать и другие нормы. Например, использование насилия для восстановления справедливости (песня И. Кучина "Разбитая ваза"). Таким образом, даже подросток, склонный к конформному поведению, воспринимая ценности преступного мира, может использовать криминальные способы восстановления справедливости и тем самым постепенно сблизиться с преступностью. Слушая шансон, подростки могут перестать бояться тюремного заключения, так как в этих песнях воспевается лагерная жизнь (песня группы "Бутырка" "Осень в лагерях").

¹ Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 74.

Подростки воспринимают смысл подобных песен избирательно, они слышат в них лишь то, что больше им подходит и нравится (риск, азарт, свобода, справедливость). Но постепенно происходит внедрение криминальной субкультуры в молодежную и ее закрепление. В нашем обществе все это усиливается телевидением и неадекватной реакцией ближайшего окружения подростка (семья, школа, друзья) на это явление.

Нередко в компании молодых людей оказывается человек, который уже отбыл срок за совершенное им преступление. Чаще всего он старше остальных членов компании, "авторитетнее" их. В силу этого уже первичное общение можно считать "школой" криминала¹. Один из законов подражания Г. Тарда гласит, что низшие всегда подражают высшим². Подростки могут в данной ситуации воспринимать данное лицо (ранее судимое) как некоего лидера, у которого имеется определенный жизненный опыт, знание "суровых законов жизни". Все это влияние на сознание подростков, которые впоследствии начинают подражать лидеру, в том числе и с помощью элементов криминальной субкультуры (использовать жаргон, слушать "блатные" песни). Потенциально это может привести и к преступному поведению подростков через постепенное закрепление в их сознании элементов преступной жизни, которые "пропагандируются" с положительной стороны.

Литература

1. Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 74.

2. Делінквентна поведінка неповнолітніх: кримінологічний аналіз і проблеми профілактики // Вісник Університету внутрішніх справ. – 1999. – № 5.

3. Кочетков А. Криминальные проявления в культуре современной России // Законность. – 2001. – № 5.

¹ См.: Кочетков А. Криминальные проявления в культуре современной России // Законность. – 2001. – № 5. – С. 30.

² См.: Theoretical Criminology, Fourth Edition, by the late George B. Vold, Tomas J. Bernard and Jeffrey B. Snipes. New York Oxford, Oxford University Press; p. 182 – 183.

4. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели; Пер. с англ. – СПб., 2003. – С. 417.
5. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность. – М., 1995.
6. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. – Тверь, 1994.
7. Преступность и культура / Под ред. А.И. Долговой. – М., 1999.
8. Рущенко І.П., Соболев В.О., Ярмиш О.Н. Делінквентна поведінка неповнолітніх: кримінологічний аналіз і проблеми профілактики // Вісник Університету внутрішніх справ. – 1999. – № 5.
9. Theoretical Criminology, Fourth Edition, by the late George B. Vold, Tomas J. Bernard and Jeffrey B. Snipes. New York Oxford, Oxford University Press; p. 182 – 183.

ВЛИЯНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ НА ПРАВОВУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Э.Б. Карсакова

*(Луганский государственный университет
внутренних дел имени Э.А. Дидоренко)*

Одной из актуальных и тяжело решаемых проблем общественной жизни Украины остается проблема преступности несовершеннолетних. В 2005 году на учете в подразделениях криминальной милиции по делам несовершеннолетних находилось свыше 53845 несовершеннолетних¹. Около 80 – 90% взрослых преступников впервые совершали административные и уголовные правонарушения в подростковом возрасте².

Противоправное поведение несовершеннолетних, которое впоследствии приводит к преступлениям, зависит от определенных факторов. Особо выделяется среди них криминализация массовой культуры; кризис школьного и семейного воспитания; распространение уголовного жаргона, песен об уголовной романтике; внутренняя дифференциация молодежных групп по образцу уголовных, "дедовщина"; идеализация жизни удачливых преступников и их "благородных" качеств; подмена слов родного языка "красивы-

¹ См.: Злочинність неповнолітніх: причини, наслідки та шляхи запобігання. Навчальний посібник / С.І. Яковенко, Н.Ю. Максимова, Л.І. Мороз, Л.А. Мороз. – К., 2006. – С. 12.

² См.: Права освіти молоді не втрачає своєї актуальності // <http://usdm.org.ua/>

ми" иностранными словечками, прикрывающими и романтизирующими омерзительную сущность преступной деятельности ("киллер", "рэкетир" и др. вместо русских слов "убийца", "вымогатель", "подонок" и др.), засорение языка словами и словесными оборотами, почерпнутыми из уголовного жаргона, и др.

Данную проблему на теоретическом и практическом уровнях рассматривали такие ученые, как Е.А. Белканова, Н.Ю. Евплова, В.П. Малахов, В.Д. Малков, В.Ф. Пирожков и др.

Правосознание есть знание о праве, оценка действующего права и мысли, идеи о желаемых изменениях в праве, т.е. правосознание – не только результат отражения объекта, но и средство воздействия на объект, на всю правовую систему государства¹.

Правосознание, правовая культура возникают не сами по себе, не даются при рождении, а являются результатом процесса социализации индивида. Правовая социализация несовершеннолетнего предусматривает включение в его сознание ценностей, которые охраняются правом, усвоение правомерных способов поведения, формирование чувства социальной ответственности и солидарности с правом. Следовательно, правовая социализация подростков связана с присвоением социальных ценностей, созданием специальной системы правовых представлений и навыков правомерного поведения, формированием правосознания.

Общеизвестно, что наиболее ответственным и актуальным является процесс правовой социализации несовершеннолетних, их целеустремленное правовое воспитание и самовоспитание, последовательное приобретение ими правовых знаний, вход в правовую среду, привлечение к правовым ценностям и культурным достижениям общества, воплощение культурного достояния в правомерном поведении, правовая активность. Общая социальная адаптация является базой правовой социализации личности, поскольку правонарушения осуществляют преимущественно социально дезадаптированные индивиды. Истоки социальной дезадаптации лица достигают ранней юности и подросткового периода жизни индивида².

¹ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова. – М.: Юрист, 1997. – С. 497.

² См.: Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология: Краткий энциклопедический словарь. – М., 1997. – С. 345.

Именно для этого отрезка жизни характерны такие черты, как негативизм, нигилизм, немотивированная агрессия, девиантные формы самоутверждения, романтизация преступного образа жизни и тому подобное.

Динамика преступности несовершеннолетних в Украине связана, в первую очередь, с нынешним состоянием нашего общества и является проекцией всех его изъянов. В первую очередь, влияние на формирование у несовершеннолетнего негативного правосознания оказывают различные элементы криминальной субкультуры, которые присутствуют во всех сферах жизнедеятельности подростка, начиная с проведения свободного времени со сверстниками, с неформальной лексики и заканчивая просмотром продукции кино и телевидения определенного содержания.

Свободное от учебы время подростки преимущественно проводят у экрана телевизора. К сожалению, практически исчезли интересные и познавательные передачи для детей, а те киноленты (по большей части иностранного производства), которые дети охотно смотрят, пропагандируют зло, насилие, жестокость. Согласно результатам криминологических исследований, проведенных в 2005 году социологической лабораторией Луганского государственного университета внутренних дел, 31% подростков отождествляют себя с персонажами кинофильмов, 24% воспринимают агрессивные действия на телеэкране как руководство к действию и готовность осуществления их в реальной жизни¹.

В продаже почти отсутствует детская периодика. Хотя, например, в Великобритании, Швеции, Германии информация правового характера в форме игр, рисованных пособий, комиксов доносится до малышей, уже начиная с 3 – 4-летнего возраста².

Для несовершеннолетних особенно важную роль играет ближайшая социальная группа, поскольку реакция окружения является стимулом поведения подростка. Совместная преступная деятельность подростков оказывает на соучастников более сильное

¹ См.: Евдокимов И.В., Зарубин Е.А., Доманский В.А. и др. Криминологическое исследование "Влияние телевидения на сознание несовершеннолетних", проводилось в 2005 году (N=30 чел).

² См.: Погачов С. Право знати право // Юридичний журнал. – 2004. – № 11; <http://justinian.com.ua/magazines.php>

влияние, чем преступление, осуществленное самостоятельно. Согласно статистическим данным, групповой характер подростковой преступности составляет 60%¹.

Низкий уровень правовой культуры проявляется сначала в административных правонарушениях, а затем в уголовно наказуемых деяниях. Низким уровнем правовой культуры подростков и молодежи пользуются представители преступного мира, удерживая их в составе криминальных групп. Обычно здесь используются методы шантажа, запугивания, "замазывания" (компроматации) ребят, угрозы выдать их милиции, если они попытаются выйти из преступного сообщества, требования "откупиться" деньгами либо имуществом. Низкий уровень правовой культуры у запуганных подростков выражается в том, что они не знают и не умеют найти необходимую защиту и помощь².

Такие факторы, как незнание законов молодежью, правовая неосведомленность, недостаток правовой информации, правовая дезинформированность, разрушают сознание подростка, подрывают веру в законность и торжество справедливости, в неотвратимость социальной ответственности. Происходит деформация ценностных ориентаций у подростков. Она создает предпосылки для воспроизводства закононепослушания, утверждения своеволия, права сильного и жестокого.

На сегодняшний день элементы криминальной субкультуры активно вторгаются в общественную культуру, ее ценности и нормы, внедряя в нее свои правила и атрибутику. Под ее влияние попадает наиболее незащищенный слой населения – несовершеннолетние. Она формирует у подростка правовой нигилизм.

Негативное влияние оказывает также реакция на преступность несовершеннолетних, особенно тот факт, что они не всегда привлекаются к ответственности. Именно это формирует у подростка представление о возможности нарушения закона без последствий.

¹ См.: Злочинність неповнолітніх: причини, наслідки та шляхи запобігання: Навчальний посібник / С.І. Яковенко, Н.Ю. Максимова, Л.І. Мороз, Л.А. Мороз. – К., 2006. – С. 15.

² См.: Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи // <http://yurpsy.by.ru/>

Конечной целью правовой социализации несовершеннолетнего должно стать его поведение на основе правовых установок, то есть привычное правовое поведение как стойкая особенность нравственности. При этом несовершеннолетний будет придерживаться норм права не из страха наказания или даже из чувства солидарности с правом, а по неотложной моральной потребности осуществлять только правомерные действия – жить достойно.

Литература

1. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. – М.: Юридическая литература, 1981.
2. Злочинність неповнолітніх: причини, наслідки та шляхи запобігання: Навчальний посібник / С.І. Яковенко, Н.Ю. Максимова, Л.І. Мороз, Л.А. Мороз. – К., 2006.
3. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная и юридическая психология: Краткий энциклопедический словарь. – М., 1997.
4. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи // <http://yurpsy.by.ru/>
5. Правова освіта молоді не втрачає своєї актуальності // <http://usdm.org.ua/>
6. Рогачов С. Право знати право // Юридичний журнал. – 2004. – № 11; <http://justinian.com.ua/magazines.php>
7. Факторы, влияющие на правовую психологию населения // <http://info.hutor.ru/>
8. <http://usdm.org.ua/news/>

МАТЕРИАЛЫ "КРУГЛОГО СТОЛА"
"КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА -
ПРАВСОЗНАНИЕ - ПРЕСТУПНОСТЬ"

27 октября 2006 года

Участники "круглого стола":

В.И. Поклад – доцент кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат философских наук

Е.А. Гнатенко – доцент кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел, кандидат философских наук

А.В. Яковенко – доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени В. Даля, кандидат социологических наук

В.А. Зверьяк – доцент кафедры уголовного права Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук

Н.В. Карчевский – начальник факультета криминальной милиции Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук, доцент

А.А. Михайличенко – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат юридических наук

А.С. Звонок – начальник кафедры юридической психологии, судебной медицины и психиатрии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат психологических наук, доцент

В.И. Архипов – начальник кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат политических наук, доцент

К.В. Деревянко – старший преподаватель кафедры религиоведения Восточноукраинского национального университета имени В. Даля

А.И. Звягинцев – старший преподаватель кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

О.Д. Малахов – частный предприниматель

В.М. Жаровный – корреспондент газеты "Вечерний Луганск"

И.Б. Иванкив – студентка Полтавского факультета Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого

Г.М. Зеленев – адъюнкт кафедры уголовного права Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко

ПРЕПОДАВАТЕЛИ, АДЪЮНКТЫ, СТУДЕНТЫ И КУРСАНТЫ ВУЗОВ Г. ЛУГАНСКА

Е.А. Гнатенко:

- Уважаемые коллеги! Я позволю себе очень кратко сформулировать те основные вопросы, которые затрагивались вчера на пленарном заседании и потом в работе секций нашей конференции. Речь идет о криминальной субкультуре и соотношении ее прежде всего с понятием "преступность", насколько можно считать криминальную субкультуру ответственной полностью за понятие "преступность". И другой блок вопросов, связанных с пониманием самой криминальной субкультуры, ее происхождением, формами и видами. И, в частности, обсуждался такой прикладной вопрос, как влияние криминальной субкультуры на личность сотрудников правоохранительных органов. Поскольку по роду своей службы сотрудник милиции часто соприкасается с носителями криминальной субкультуры, то для него это, можно так сказать, какой-то своего рода профессиональный риск – заболеть, "заразиться" немножко криминальной субкультурой. Этот блок вопросов постоянно вчера затрагивался, поскольку здесь в

основном присутствуют люди, которые являются сотрудниками милиции, учатся в милицейских вузах, заканчивали эти вузы и т.д.

Еще вопрос, который мне кажется очень интересным: имеет ли смысл рассматривать криминальную субкультуру изолированно, в отрыве от остальных, так сказать, аморалистических течений в культуре, то есть в отрыве от общего духовного контекста эпохи? Можно ли выделить отдельно, в чистом виде, человека, который к праву относится без должного уважения, но зато является, допустим, высокоморальным, религиозным человеком? Мне кажется, что только такого человека можно было бы назвать носителем субкультуры, а если он и к остальным ценностям общества тоже относится с подозрением, то тогда, может, стоит вести речь о более широком понятии – нигилизме вообще, моральном, религиозном, правовом в том числе. То есть является ли криминальная субкультура чем-то самодостаточным, или ее надо объяснять и понимать в более широком контексте? Вот примерный набор вопросов, которые затрагивались вчера. Интересно было бы послушать мнение наших уважаемых гостей.

В.И. Поклад:

- К этому кругу вопросов я добавлю еще один тематический блок, который на обеих секциях, так или иначе, обсуждался. Каким образом можно воздействовать на молодежь, которая, в первую очередь, попадает под влияние криминальной субкультуры, чтобы добиться ослабления ее влияния, ослабления криминализации молодежи, особенно под влиянием трансляции некоторых ценностей, некоторых стандартов поведения через СМИ.

С учетом специфики деятельности наших молодых ученых, их ведомственной принадлежности, большинство предложений сводилось к тому, что необходимо ужесточать ответственность, вплоть до ограничений свободы слова. Где найти выход? Как уменьшить криминогенное воздействие СМИ? Это тоже тема, которая на обеих конференциях рассматривалась.

И поскольку "субкультура" – термин социологический, первым у нас выступит Андрей Вячеславович Яковенко. Есть ли у Вас ответы на поставленные вопросы?

А.В. Яковенко:

- Я думаю, что полных ответов на поставленные вопросы, скорее всего, нет ни у кого из участников конференции. А что касается социологичности, а уж тем более выработки каких-либо мероприятий, то здесь как раз коллективная форма взаимодействия или мозговой атаки может быть наиболее приемлемой и действительно к чему-то позитивному приведет.

Надо отдать должное и поблагодарить руководителей конференции, что они собрали достаточно разноплановую сборную, и я вижу коллег с философического крыла, и социологического, и криминологического, что, я думаю, очень полезно, поскольку уход в любую крайность не позволит нам найти или даже увидеть общую систему. А я думаю, что здесь без системного подхода мы ничего не найдем.

Например, мы в рамках социологии массовых коммуникаций очень часто со студентами разбираем один интересный феномен. Феномен массовой культуры. Мы хорошо знаем, что в массовой культуре очень большое значение, особенно для молодежи, имеет эстрада. Можем называть разные направления, но ни для кого не секрет, что радио "Шансон" и другие близкие к нему музыкальные направления пользуются большой популярностью. Более того, я лично был свидетелем того, как у сотрудников милиции на мобильных телефонах звучит отнюдь не мелодия какого-то там лирического направления, не Агутин, не Варум, а звучит "Мурка", саундтрек из "Бригады" и т.п. О чем это говорит? Мне кажется, что проблема субкультуры (я не хочу специально указывать криминальной или какой-то иной) сопряжена у нас с некоторой романтизацией криминалитета. Это очень серьезная проблема. Мало того, к сожалению, сегодня нет какой-нибудь альтернативы подобного рода веяниям. А молодежь всегда романтична. И все, здесь присутствующие, прошли этот этап, когда воспитывались на песнях Александры Пахмутовой. Теперь эта ниша занята другим. Она во многом заполнена вот этой новой романтикой. И другой романтики не существует. Почему? Потому что из вокального жанра, например, исчезли песни профессионального типа, их уже тоже не существует.

Сейчас у нас есть две альтернативы: либо то, что пренебрежительно называется "попсой", либо то, что называется таким

очень широким понятием "шансон". Причем, мы со студентами проводили некий зондаж разных пластов социальных слоев, и оказалось, что даже представители старшего поколения предпочитают эту музыку, и говорят, что она более романтична, более "переживательна", она более эмоционально насыщена. Там есть реальные проблемы, переживания, какие-то страсти, мучения, поиски и т.д. Я, может быть, специально фокусируюсь только на одной проблеме. Но еще раз подчеркиваю, что поскольку речь идет о молодежи и поскольку она очень впечатлительна в этом отношении, то, я думаю, если мы будем искать какие-то выходы, фактически нам нужно будет создавать новую социальную реальность. Я уж не говорю о том, что здесь вклинивается проблема прибыльности. Раз этот товар продается в рамках либерального общества, в рамках общества свободного рынка – значит, он будет и дальше продаваться. И эта культура не сможет вымыться из нашей реальности, поскольку у нее есть соответствующая масса потребителей и она, соответственно, приносит прибыль. Здесь, особенно вам как специалистам в области криминологии, есть над чем подумать.

И еще один аспект, который я в этой связи вкратце хотел затронуть. Он связан с первым положением и тоже достаточно широко представлен. Это, конечно же, телевидение. То есть то, что формирует сознание. Недавно в Луганск приезжал президент Социологической ассоциации Украины Н. Шульга, мы с ним обсуждали эту проблему. Понятно, что формирует телевидение, формирует, опять же, эта музыкальная культура. Кроме того популярны криминальные сериалы, как "анти", так и "про", и у наших студентов, а уж тем более у студентов юридических вузов, которые считают, что это в какой-то мере их профессиональные сериалы. При этом они погружаются в некий контекст, и даже попытки изменить его не дают позитивного эффекта. Я так понимаю, была попытка того же Сергея Безрукова сменить амплуа с криминального сериала "Бригада" на лиричный сериал "Участок", которая затронула в большей степени бабушек и дедушек, искренне переживавших за сельского участкового. А в сознании все-таки осталась "Бригада". Мало того, нет ничего, что размыло бы эту новую романтику. Нет той социальной почвы, которая бы

это позволила. Если брать опыт других стран, то мы знаем, что действительно очень хорошо развита романтика как раз полицейских. То есть честных, порядочных, проникновенных людей, которые идут наперекор системе. Мы знаем, что эта хорошо отрежиссированная система в Голливуде работает, опирается на такие концептуальные разработки, которые, наоборот, создают "обратный" культ – антикриминальный. У нас эта система не работает.

В.И. Поклад:

- По результатам криминологических исследований в США я делаю вывод, что уровень коррупции в полиции там не ниже нашего, также многочисленны факты злоупотребления властью, служебным положением, насилием. Но имидж полицейского поддерживается государством, идет финансирование этого, вытеснение негативных стереотипов из массового сознания. У нас этого нет. И как следствие – снижение авторитета правоохранительных органов.

В.А. Зверьяк:

- Я хотел бы посмотреть с уголовно-правовой позиции на эту проблему. У нас в уголовном праве на сегодняшний день криминализированы только распространение культа жестокости и насилия, а также порнографической продукции. Понятно, что моменты, которые касаются субкультуры, особенно криминальной субкультуры, не охвачены. Возникает вопрос: "А стоит ли в уголовно-правовом порядке какие-то еще ограничения вводить?". Во всяком случае, на уровне каких-то экспертных комиссий, которые касаются того же радио "Шансон", других радиостанций, когда откровенно пропагандируется эта культура, причем не в таком нормальном ключе. Я считаю, что здесь тоже возникает определенное негативное воздействие на само общество.

Когда-то шел фильм "Человек с бульвара Капуцинов". Там, хотя и юмористически, было показано, как с помощью кинофильмов удалось повлиять на культ насилия и жестокости в американском городке. Поэтому не помешало бы ввести определенные экспертные комиссии по вопросам ротации радиостанций и

трансляції відеофільмів, цензуру на розповсюдження кримінальної субкультури.

В.И. Поклад:

- А єсть ли практика привлечення к уголовной ответственности по статьям Уголовного кодекса за распространение насилия, жестокости и порнографии?

В.А. Зверьяк:

- К сожалению, практики очень мало. Можно провести исследование в этом плане: как срабатывают эти статьи, какие возникают проблемы при их применении. К тому же уголовно-правовые меры охватывают только малую часть явлений, связанных непосредственно с распространением криминальной субкультуры. И я, конечно, не ратую за расширение уголовной ответственности. Но работу экспертных комиссий как-то нужно активизировать. Сейчас они работают в основном по видеофильмам, сериалам и т.д., оценивают, есть ли там жестокость, порнография. И потом рекомендуют пускать в прокат или нет. Я считаю, что они должны обратить внимание еще и на песни, ведь некоторые из них, звучащие по радио, даже нецензурные выражения содержат.

В.И. Поклад:

- Практики нет привлечения по тем статьям, которые есть в нашем уголовном кодексе. Между тем, по результатам европейского мониторинга в 2003 году украинское телевидение было признано самым грязным в Европе по количеству сцен насилия и жестокости. Именно после этого на экранах наших телевизоров появились желтые треугольники, красные квадраты и зеленые кружочки.

В.А. Зверьяк:

- Но в то же время, если эксперты будут работать в этом направлении, и возникнет ошибка экспертов, должна возникать ответственность, потому что это формальный состав. И с момента распространения этих фильмов должна наступать уголовная ответственность.

Н.В. Карчевский:

- Было сказано о том, что телевидение формирует сознание. Безусловно, это так. Но если мы попытаемся представить содержательно, какое же сознание формирует телевидение, то придем к выводу, что оно формирует сознание и восприятие мира, далекое от объективной картины. Абсолютно далекое, не соответствующее таковому. Причина этого, опять же, всем ясна и уже отмечалась: неприбыльно, нерейтингово говорить о том, что на самом деле происходит. Рейтингово и прибыльно говорить о том, что происходит крайне редко. Но ввиду того, что телевидение постоянно говорит о том, что происходит крайне редко, у аудитории создается впечатление, что так происходит постоянно. В этом основной перекокс объективной картины мира, который дают средства массовой информации, по моему мнению. Следствием этой ситуации является в том числе и романтический взгляд на носителей криминальной субкультуры, на преступность – то, что так привлекает молодежь. Действительно, если проводить содержательный анализ кинофильмов, то очень редко дается объективная картина о количестве заболевших туберкулезом в местах лишения свободы, умерших от этих заболеваний, о несчастье родителей лиц, осужденных к лишению свободы, о разбитых судьбах родственников, детей. Об этом никто не говорит и не пишет. Наверное, это неинтересно, как бы очевидно. Зато полно информации о том, как замечательно проводят время преступники, каким пользуются авторитетом. И если слушать исполнителей шансона, то получается, что в основном пребывание в местах лишения свободы – это лишь воспоминания о любимых женщинах и ненависть к работникам правоохранительных органов, которые абсолютно несправедливо приняли решение о применении наказания к этим лицам. Картина, явно не соответствующая объективной реальности. Выход из такой ситуации, понятное дело, заключается в комплексе мер, и одной цензурой здесь не ограничиться. Да, наверное, ее быть вообще-то и не должно, и не должна цензура занимать здесь главную роль, потому что действие равно противодействию, и мы будем иметь лишь больший интерес населения к материалам и информации, которые не пропускаются в СМИ. Они будут находить другой выход и этим будут более ин-

тересны. Пример тому – огромная популярность группы "Ленинград", которой запретили публичные выступления ввиду употребления ненормативной лексики. Но она стала еще более популярна, и господин Шнуров имеет очень большие доходы. Помоему, надо сфокусировать внимание на том, чтобы в средней и высшей школе формировалось у обучаемых критическое отношение к получаемой информации. Чтобы та информация, которая содержится в сериалах, песнях, иных материалах СМИ, не воспринималась как констатация того, что так и есть, а воспринималась как попытка представить некие субъективные художества, как вымысел, как то, что на самом деле может быть и не так, как то, в чем нужно усомниться.

В.И. Поклад:

- У нас в университете готовят будущих оперативников. Они находятся в тесных контактах с представителями криминальной субкультуры. Какое это оказывает влияние на них? Как заранее можно упредить потенциальное воздействие криминальной субкультуры?

В.А. Зверья:

- А может тогда получится плохой оперативник? Как он сможет внедриться в ту же преступную организацию, если будет джентльменом в галстук? Может, он через это и должен в определенной степени пройти, чтобы его где-то там не разоблачили, если он будет выполнять специальное задание?

Н.В. Карчевский:

- Но он должен уметь критически воспринимать все эти моменты.

А.А. Михайличенко:

- Я хочу пример такой привести. В свое время в СССР были созданы специальные группы по борьбе с карманными кражами. Туда входили младшие оперативные сотрудники – те, которые работали на этом фронте. Что получилось? Их примерно восемь месяцев только обучали тем приемам, какими пользуются карманные воры: в какой среде искать жертву, как находить, как за-

держивать, – то есть всем таким тактическим приемам. Были такие сотрудники, которые за восемь месяцев в совершенстве освоили "специальность" карманного вора.

Реплика:

- А сколько их ушло из милиции!

А.А. Михайличенко:

- Я приведу пример. Мы в составе луганской делегации были в 1974 году в Киеве на съезде комсомола и задержали там нашего бывшего сотрудника, который в ЦУМе совершил карманную кражу, он украл большую сумму денег. Но это к слову.

Здесь возник спор о цензуре. Телевидение сейчас демонстрирует такие фильмы криминального характера, где работники милиции предстают бездарными, бестактными, безграмотными. Вообще они философски не могут мыслить, никакой логики нет в раскрытии преступлений. И у меня возникает вопрос: кто-то же это пропускает? Почему не чувствуется влияние экспертов и консультантов от МВД?

Мы сейчас говорим, что оперативный работник должен быть выше криминальной субкультуры. Однако он должен владеть теми же умениями и навыками, которыми владеют и преступники.

Я проработал 27 лет в уголовном розыске, и меня многое в сериалах и удивляет, и возмущает. Возьмем, к примеру, "Ментов". Как только собрались, так сразу же – бутылку на стол и начинают по 150 выпивать и так далее. Ну, не было этого, некогда нам было выпивать эти 150 грамм.

Еще хочу остановиться на ПТУ, средних школах, колледжах. Раньше проводилась работа, действительно, очень большая работа по воспитанию молодежи. Были специальные группы агитаторов, которые приходили в эти учебные заведения и действительно рассказывали и о правовых нормах, и о том, какую ответственность будут нести участники совершения преступлений. Сейчас же (я сужу по своему внуку) никто не приходит, ничего такого им не рассказывается. Они не знают даже, что такое совершение изнасилования, разбоя, грабежа. Они только по фильмам это знают...

В.И. Поклад:

- Анатолий Александрович! Сейчас принято сравнивать нынешнюю милицию с советской милицией. Я представляю, если человек должен войти в роль носителя криминальной субкультуры (вора-карманника или другого "специалиста") - значит, должен интегрировать в себя эти представления о жизни, чтобы выглядеть естественно. Как удавалось потом, когда выходишь из конспиративного состояния, исполнения профессиональных обязанностей, приходишь в семью, к друзьям, избавиться от стереотипов криминала?

А.А. Михайличенко:

- Удавалось, конечно. Если честно сказать, оперативный работник уходит в 6.00 утра, сутками работает, с семьей он бывает только по выходным. Руководство организовывало выезды на природу, по грибы, на рыбалку. Чтобы человек расслаблялся. На шашлыки, пообщаться. И не с оперативными работниками, а с семьями. Просмотры фильмов были тогда коллективные. Все это было. Но, если честно, я вам скажу, что оперативному работнику очень сложно выйти из такого состояния, потому что постоянно напряженная обстановка, засады, раскрытие тяжких преступлений.

А.С. Звонок:

- Тот факт, что многие принимают навязываемые формы криминальности культуры, можно рассматривать как проявления конформизма. И поскольку одновременно затрагиваются чьи-то моральные устои, то здесь можно говорить и о моральном ущербе. Необходима экспертиза морального ущерба. Здесь говорилось о том, что экспертиза порнографических материалов проводится, но сам факт наличия конформизма, альтернативного мнения уже вызывает реакцию неконформизма, т.е. не всегда человек примет мнение того, кто навязывает противоположную точку зрения. Но часто ли нанесенный моральный ущерб подвергался экспертизе?

Другой вопрос: "Что делать?". Это уже зависит от того, насколько у нас развита культура. Возьмем, к примеру, наших курсантов. В психологии давно описаны особенности таких закрытых

коллективов. Обычно общая мораль в таких коллективах ниспадает до уровня самых слабоморальных членов коллектива. Это характерно для воинских коллективов, может быть, в тюрьме и т.п. Поэтому происходит перенос закрепощенной энергии, в частности сексуальной. Это закономерность, и мы вынуждены с этим считаться. Главное – разобраться, какая у нас система социального контроля, насколько мы можем контролировать процессы, которые отклоняются от стандартов.

В.И. Архипов:

- Эту проблему нужно рассматривать, конечно, комплексно. Есть ряд вопросов, на которые необходимо дать ответы. Первый вопрос: "Где мы находимся, в каком состоянии находится наше общество, в каком состоянии находится государство?". И второй – куда мы движемся? Каковы перспективы нашего общества?

Некоторые политологи предлагают называть состояние нашего общества трансформационным режимом. Что собой представляют эти режимы? Это режимы динамичные, они, в основном, связаны с переходом от одного качественного состояния общества к другому. Некоторые говорят о том, что мы идем к демократии, т.е. к другому социальному качеству. Если мы попробуем посмотреть на нашу проблему в этом контексте, то многое станет на свои места. Вспомним 90-е годы, когда наблюдалась эйфория по поводу независимости. Все старое, как говорится, отрицаем, до основания разрушаем и строим новое. Но возникла проблема, не решенная до сих пор, проблема национальной консолидации на основе национальной идеи. В 90-е годы это все было упущено. От советских ценностей отказались, а новые взамен не предложили. И вот, пока эта эйфория по поводу независимости достаточно долго продолжалась, в результате мы получили что? Криминализацию экономики, сумасшедшее первоначальное накопление капитала, рэкет. И сейчас, наверное, не случайно говорят, что место криминального рэкета занял государственный рэкет. Эти криминальные функции в какой-то мере берет на себя государство, отсюда и "теневая" эко-

номика, и двойная бухгалтерия на предприятиях и т.д. Все это, конечно же, отразилось и на культуре.

И поэтому возникает вопрос: "Куда мы движемся?". Есть такое понятие в политологии, как неудачные государства. Что это такое? В пример приводят некоторые африканские государства, которые, освободившись от колониальной зависимости, тщетно пытаются строить свою независимость. Результат какой? Постепенно теряется независимость, теряется как таковая государственность, и это государство полностью попадает под чей-то протекторат. Если говорить о культуре, то самое непосредственное влияние на ее нынешнее состояние, в том числе и криминализацию, можно объяснить, с одной стороны, идеологическим вакуумом, а, с другой стороны, правовым нигилизмом, который, как язва, поражает и власть, и властные структуры, и элитные структуры. Это еще одна проблема – элита. "Элита" в переводе с французского языка означает "лучшее". Если говорить о политической элите и посмотреть, как она изменилась со времени последних выборов, то выясняется, что в Верховной Раде, по официальному данным, чуть больше 300 миллионеров. Эти люди заработали свои деньги в те же 90-е годы. И поэтому есть проблема криминализации политики и криминализации власти. Возникает вопрос к власти: "Какие же ценности элита (а она является носителем ценностей) предлагает обществу? И как она относится к тем процессам, которые происходят в обществе?". Проблема связана как раз с этой элитой.

Это сказывается и на субкультуре молодежи, и на деформации милиции. Насколько я знаю, в советские времена этим оперативникам, которые внедрялись в преступные группировки, искусственно ограничивали карьеру. Им не давали профессионально расти. Почему? Проблема в личностной деформации. В 90-е годы многие пошли в криминальные структуры, потому что по-другому они не могли существовать, это стало частью их жизни.

Я не согласен с моими коллегами, которые оправдывают и насилие и предрасположенность к блатному жаргону тем, что в будущей работе это им пригодится в качестве профессиональ-

ных навыков. Дело в том, что мы готовим специалистов в ВУЗе, мы должны показать, как надо делать и как не надо делать. Выход из этой ситуации какой? Достаточно сложно сказать. Либо Украина будет "невдалою державою", в которой не получится то, о чем говорят, либо будет видимость трансформации, либо мы все-таки вырвемся из этого болота. Политическая элита должна определиться в приоритетах внешней и внутренней политики государства. Когда будет разработан целый комплекс предложений, когда мы действительно об этом узнаем и примем участие в обсуждении всех проблем, то, конечно же, изменения произойдут и в культуре.

В.И. Поклад:

- Вы затронули очень важный вопрос о трансформационных процессах. У нас на секции возникла мысль о том, что демократия в своей основе имела в какой-то степени криминальную субкультуру. Это и пиратские корабли как полигоны для выработки некоторых демократических процедур разрешения конфликтов, и Запорожская Сечь. Может быть, нынешняя криминализация – это основа будущей новой демократии?

К.В. Деревянко:

- Валерий Иванович! Вы сказали, у нас элита сидит в Верховной Раде, и они – носители ценностей. Так может лучше говорить о них, скорее, как о "выносителях ценностей"? Они ведь не приносят их, а разбирают "по хатынкам". От качества этих трансформаторов зависит наша трансформация, "що маємо, те й маємо".

И еще один вопрос. Анатолий Александрович сказал, что с 95-го года преступный мир больше не накалывает татуировок.

А.А. Михайличенко:

- Да, стараются не колоть и не показывать даже свою принадлежность к преступному миру.

К.В. Деревянко:

- Тогда у меня такой вопрос. Как они узнают о таких решениях? Циркуляры рассылаются или как? Откуда они знают, что татуировки отменены?

А.А. Михайличенко:

- У них бывают и съезды. Раньше проводились съезды "воров в законе". Где-то в 1993 году и у нас был съезд во Дворце строителей. Они сделали его в связи с днем рождения местного авторитета по кличке Седой. Были представители из Одессы, Киева, Ростова. Мы потом, конечно, задержали их всех. Среди них были некоторые преступники, которые находились в розыске.

К.В. Дервянко:

- Они что, не понимали, что делали? Это же риск – собираться. Лучше бы они к тюрьме подъехали сразу.

В.И. Поклад:

- Эти съезды иногда опережают решения элиты, о которой говорил Валерий Иванович. Знаменитый съезд 1975 года, который предвидел трансформацию в сторону рыночной экономики. Они сняли на этом съезде ограничения на контакты с правоохранительными органами. Приняли массу других решений, которые традиционным "ворам в законе" облегчали адаптацию к будущей рыночной экономике. Это было еще в 1975 году, за 10 лет до начала перестройки.

А.И. Звягинцев:

- Уважаемые коллеги! Я бы хотел повести разговор о том, как более четко представить методологию изучения и объяснения феномена криминальной субкультуры, ее соотношение с правосознанием и, соответственно, с преступностью. Дело в том, что, на мой взгляд, в современной науке и в том комплексе наук, которые изучают преступность, не весь арсенал современных научных подходов задействован. В частности, из области феноменологии. В фундаментальных вопросах объяснения поведения человека, которые ставит Альфред Шюц, например, есть такой: "Зачем человек нечто делает и почему человек нечто делает?". Так вот, когда мы выходим на уровень объяснения содержания криминальной субкультуры, то очень существенным моментом будет являться как раз эта вот составляющая восприятия оценки государства в действиях, в об-

разе жизни, в поступках представителей криминального мира. И, не понимая этой очень важной и сложной ситуации, наши СМИ не отдают себе отчет, на какую мельницу они воду льют. К примеру, последняя избирательная кампания по выборам Президента Украины. Вы помните, что одна сторона победила другую только на основании введения принципиально иной семантики наименования властных институтов – "бандитская, криминальная власть" и т.д., и т.п. То есть получается, что общедоступным в универсальной системе координат обозначения становится узко групповое. Локальная субъективность задает универсум восприятия для всего общества. Но в преступном мире такая же доминирующая установка в отношении государственности: государство – это главный вор, государство – это главный грабитель. Возьмем, например, фильм "Крестный отец" Марио Пьюзо. Там главный герой начинал свою деятельность во время аграрной бедности на Сицилии. Потом, уже в США, он сам определяет, какие сферы деятельности допустимы, извинительны для такого влиятельного человека, а какие вещи принципиально недопустимы, которые влекут за собой не только отсутствие какого-либо дружеского взаимодействия с властью, но и с себе подобными. Начинаются криминальные разборки и, естественно, проливается кровь. Поэтому в данном случае, мне кажется, необходимо видеть те глубинные пласты, которые наши дети впитывают в буквальном смысле с молоком матери, от восприятия социальной, политической и правовой действительности. Каково же государство, каковы же люди в государственности, каковы же вообще социальные институты? Если коротко, то можно сказать, что поговорка "В трудах праведных не наживешь палат белокаменных" стала социальной нормой. Наши СМИ представляют бизнес-элисту, описывая, какие яхты и авто они имеют, какие салоны посещают, их круг общения и прочее. Но сам путь к этому всему, насколько он легитимен, насколько он выдерживает существующие морально-этические критерии, мы не знаем. И книга по истории нашего бизнеса, я думаю, напишется не скоро. Потому что там останутся единицы, которые смогут

выдержать вот такой анализ на морально-нравственном уровне.

Обычно в социологическом, криминологическом исследовании мы задаем логический срез проблемы, например: "Что такое государство, право и как вы относитесь к этому?". Человек живет в принципиально иных координатах. Там совершенно иная семантика. Поэтому, очевидно, там должен прорабатываться совсем иной момент для понимания этих вещей. С учетом сказанного я полагаю, что путь обновления и очищения общества должен начинаться с маленьких плацдармов справедливости, которые вполне доступны на уровне малых территориальных общин, которые должны создаваться в их взаимодействии с правоохранительными органами в ясном, четком, содержательном диалоге по проблемам правовой защиты, защиты от преступности. И весь круг проблем замыкается здесь.

У нас сложилось какое-то превратное понимание разделения властей. Все говорят о разделении властей на законодательную, судебную, исполнительную. Но там, на Западе, сложилось принципиально новое видение – мало этого разделения, не достаточно для осуществления нормального становления демократических институтов. Во-первых, должно быть четко определено: как соотносится экономическая и политическая власть, что здесь необходимо делать, чтобы не давили свободу слова, свободу самовыражения и так далее. Второй момент: необходимо осуществлять разделение центральных и местных властей. И вот это как раз то звено, о котором я говорил, что только здесь, на местном уровне, необходимо формировать информационное пространство обмена, видения и определения ситуации. При нормальном содействии СМИ, которые бы проводили соответствующую политику, не заливали потоками статистики (что, где совершилось, какие преступления, резонансные, нерезонансные), а рассказывали о том, как себя повели за определенный период наши правоохранительные органы. Поэтому я бы предложил над этими проблемами задуматься. Потому что сейчас обстоятельства сложились таким образом (поскольку это страшное, кошмарное наследие досталось нам), что без прояснения ситуации, кто мы, к чему движемся, каковы наши фундамен-

тальные ценности, как их необходимо отстаивать, мы, скорее, будем сражаемыми, нежели сражающими. Сам преступный мир любит тоже четкость, сильную и мощную милицию, в нем есть определенные представления о порядочности. Один мой коллега показывал книгу, которую ему подарил, выйдя из определенных мест, криминальный авторитет, с такими словами: "Успехов! Помним вас, ибо безнаказанность порождает распушенность".

В.И. Поклад:

- Действительно, конструктивное обсуждение предполагает тщательный анализ причин явления, которое мы рассматриваем, и на микроуровне, и на макроуровне. Здесь неоднократно подчеркивалось, что внедрение и широкое распространение криминальной субкультуры в нашем обществе началось именно с процессами трансформации, известной как "перестройка". В связи с этим хочется обратить внимание на следующее. И воспитательная работа, и уровень правосознания во многом определяются общественным идеалом. При этом государство предлагает как образцовый некий тип личности. Я не буду вспоминать идеалы советских времен, но ясно, что они отличаются от идеалов нынешнего времени, хотя говорят, что сейчас их нет вообще. Они есть на самом деле. И молодые люди их ищут, на них ориентируются. Функцию общественных идеалов частично выполняют референтные группы или отдельные личности, на которых хотелось бы равняться.

Что произошло в годы перестройки? В годы перестройки произошло изменение общественных идеалов, в частности отход от старых образцов личности, т.е. людей активных, которые служат на пользу обществу. Этот образ оказался девальвирован (естественным ли, искусственным путем), и началось формирование другого образцового типа личности. Таковым постепенно стал субъект предпринимательства. В этом не было бы ничего опасного, если бы наша страна не имела своей специфики в отношении к бизнесу. Буквально за два-три года та деятельность, которая ранее была осуждаемой, запрещаемой, караемой, стала образцом. Благодаря нашему родному советскому государству,

по подсчетам академика В. Кудрявцева, по статье за незаконное предпринимательство за 25 лет прошло через лагеря более одного миллиона человек – людей инициативных, предприимчивых, с разной степенью моральности, может быть. Но, во всяком случае, они прошли дополнительную обработку в местах лишения свободы. Я уже вспоминал сегодня о сочинском съезде "воров в законе" 1975-го года, когда была окончательно закреплена смычка людей, способных к предпринимательству, с криминальными элементами.

И когда в ходе перестройки были открыты шлюзы для развития этой деятельности, когда люди, ну, скажем, нормальные, носители не криминальной субкультуры, а нормальной культуры, попытались заниматься предпринимательской деятельностью, оказалось, что им противостояло не только государство, которое не готово было к развитию этой деятельности, но и более сплоченная, более серьезная когорта лиц, овладевших другими стандартами регулирования взаимоотношений. И, естественно, сразу же начали появляться фильмы с пропагандой криминальной субкультуры. Первые такие фильмы вышли на экраны именно в 80-е годы. Вспомните нашумевшие в то время "Америкэн бой", "Воры в законе" и т.д., с их легковесным, опереточным изображением организованной преступности. Точной информации у меня нет, но, во всяком случае, были публикации в прессе о том, что многие подобные фильмы финансировались из определенных источников. Известна схема "отката", поспособствовавшая быстрому развитию российского кино. Продюсер на фильм получает десять миллионов, пять миллионов возвращает "наличкой" и снимает фильм с учетом некоторых пожеланий спонсора этого фильма. А кто был спонсором в то время, это уже очевидно. Все это было материальной базой для распространения криминальной субкультуры.

Естественно, такое положение вещей отразилось и на реальном бизнесе. Мы говорили о разных сферах, о правоохранительной деятельности. Криминальная субкультура и здесь имеет достаточно серьезные позиции. Это наиболее опасно для общества. Но есть такая сфера деятельности, как предпринима-

тельство, в котором криминальная субкультура играет едва ли не доминирующую роль. Среди нас присутствует Олег Диевич Малахов, частный предприниматель. Вот такой вопрос, Олег Диевич. Как функционирует бизнес в нашей стране? По закону или "по понятиям"? Что-то изменилось со времен перестройки?

О.Д. Малахов:

- Вообще, я в самом сложном положении среди вас. Почему? Потому что вы занимаетесь этим вопросом, изучаете его, а я – представитель инженерного класса "белых воротничков". Мое мнение будет субъективным.

Предпринимателем я стал в силу того процесса, который вы сегодня назвали трансформацией. Накоплен некоторый опыт, казалось бы, я могу уже чему-то научить молодежь, однако делиться собственным опытом что-то не очень хочется... Почему? Потому что с точки зрения закона перед вами сидит преступник. Потому что без нарушения большинства законов заниматься предпринимательством и получать прибыль невозможно. Вот, при Сталине была прекрасная Конституция, но она не выполнялась. Так и сейчас: есть прекрасные законы, они написаны правильно, они продуманы, они обсуждены. Но, тем не менее, я вынужден жить не по законам, а "по понятиям".

По моим представлениям, эта трансформация будет идти еще долго. Поэтому говорить о стабильности чего-либо в государстве рано. Не поделена земля. Это еще предстоит сделать. В этом вопросе будет еще очень много криминального. Не поделены основные средства производства. Мало того, последние выборы показали, что идет речь о переделе собственности. А это власть, а это деньги. Поэтому те люди, которых мы называем элитой, представители власти также криминальны, как и раньше.

Принято считать, что криминальный период развития нашего предпринимательства завершился во второй половине 90-х годов. Якобы потом, по мере первичного накопления капитала, криминальные средства легализовались и уровень криминальности постепенно снижается. На самом деле все не так.

Допустим, у меня какой-то маленький бизнес, связанный с производством. По законам я обязан обеспечить рабочим нормальную рабочую обстановку, обеспечить охрану их труда, то есть технику безопасности. Я должен обеспечить санитарно-гигиенические условия, зарплату, которая гарантирована Конституцией. Но всего этого я не в силах обеспечить. Если я все это сделаю, то моя продукция будет неконкурентоспособной.

Получение кредита официальным путем практически невозможно. Проще обратиться не к официальным финансовым структурам, а сами знаете к кому...

У меня сегодня арендованное помещение. Я готов подписать договор аренды на 5 - 10 лет. Это позволило бы более рационально планировать средства своего предприятия. Но со мной более чем на один год договор не заключают. И это общепринятая практика. Потому что все делается не по закону, а "по понятиям". Потому что основные средства их хозяин приобрел незаконным путем. И он знает, что их завтра могут забрать - реприватизация или еще что-то подобное. Поэтому и не заключаются договоры на длительное время.

Когда ко мне приходят работники, которые обязаны следить за законностью (санитарная станция, охрана труда, управление борьбы с экономической преступностью и т.д.), все заканчивается тем, что либо я "откупаюсь", либо мне предлагается "крыша" для продолжения все того же процесса. Поэтому, по моему мнению, пока не будет окончательно решен вопрос о разделении собственности, мы просто будем констатировать то, что есть.

А что касается моральных ценностей, тут все определяет в большей степени семья. То, что ты заложил в своем ребенке, то, что ты дал ему, каким-то образом должно прорасти. Конечно, среда тоже влияет. И место жительства, так как есть у нас и криминальные районы. Но, тем не менее, то, что ты заложил, оно тоже определит среду твоего ребенка и тот уровень развития и подготовленности, благодаря которому он выберет себе друзей.

Что касается распространения криминальной культуры, мне кажется, что здесь тоже повлияла трансформация, когда запретное стало доступным. Я не стесняюсь признаваться, что "переболел" в свое время песнями Шуфутинского. Сейчас я уже его слы-

шать не могу, как и радио "Шансон", как и все остальное. Момент новизны прошел, и глубокого следа в моей душе это не оставило.

С большим удовольствием смотрю американские фильмы, несмотря на то, что там и "чернуха", и "порнуха". Но ту "чернуху", которую показывают наши фильмы, я вижу каждый день вокруг себя. И мне становится неуютно. А после просмотра американских фильмов такого нет.

В.И. Поклад:

- Мы много говорили о роли СМИ. Сегодня здесь присутствует известный в Луганске криминальный репортер Валерий Михайлович Жаровный.

В.М. Жаровный:

- Сегодня я нахожусь в самом легком положении. Я только критикую. Так выходит, что я получаю компрометирующий материал, который затем влияет в том числе и на формирование мнения о работниках милиции. Они тоже допускают правонарушения и преступления. Но реакция на них действующего начальства зачастую просто удручает. Например, в составе элитного подразделения отдела борьбы с незаконным оборотом наркотиков был выявлен силами Управления внутренней безопасности "оборотень", который хотел создать свою наркосеть. Когда я пишу об этом, то я рассчитываю, что люди увидят, как очищаются органы через такие факты, когда их обнарудуешь. Но там публикация воспринимается как нанесение колоссального ущерба, считается, что можно было этот разовый случай замолчать.

Возвращаясь к субкультуре, я вспоминаю, как несколько лет назад 23-го февраля услышал по радио многословное поздравление, теплое такое, а в конце слова: "А теперь от слабой половины Алчевского ГОВД просим нашу сильную половину поздравить песней "За монетку, за таблеточку взяли нашу малолеточку"...

Я постоянно наблюдаю нецензурную лексику в органах внутренних дел и в межличностном общении, и в служебном. Наверное, и ваши выпускники мало отличаются от других. Поступает информация о пытках, которые, к сожалению, проводят наши дознаватели в отношении задержанных, подозреваемых или подследственных. И когда называют эти все вещи, то я думаю, что я

не выдержал бы, сразу бы сказал все, что от меня требуют. Потому что попытки противостоять этому порой приводят к непоправимым физическим последствиям. Последний случай шокирующий, когда сотрудник подразделения "Сокол" 1 апреля сего года убил 2-х человек (одного убил, а на второго покушение было). Когда я об этом писал, знакомился с материалами уголовного дела. Оказывается, все сотрудники этого подразделения знали, что у него долгие годы были проблемы с женой. И что он от этого страдал. И он был в депрессии. А штатным психологом в УБОПе, наверное, чья-то дочь, молоденькая 22 – 23 года, а ему уже за 30. Ему неловко было пожаловаться и решить эту проблему. В то же время действуют ведомственные ограничения на общение с профессиональным психологом или со священником. Существуют разные подписки о неразглашении, которые запрещают даже исповедоваться, поскольку могут быть выданы какие-то секретные данные.

Я думаю, что на многие вещи, в частности на коррупционные действия, влияет, наверное, приказная, иерархическая система отношений, которая сложилась в милиции, где нужно терпеть и мат начальства, и отношение унижительное, несправедливое, и незаконные устные указания. Когда ставятся задачи достижения цели любой ценой, мне кажется, это уродует людей. Я думаю, это началось 90-х гг., когда было принято известное решение о физической ликвидации лидеров преступного мира. Посчитали, что правовыми способами решить проблему нельзя. В результате пошли на сделку, и эта сделка, как вирус, стала действовать, и разлагает милицию до сих пор.

Вспоминаются книги вашего бывшего коллеги Ивана Васильевича Попова. В одной из них он описывал ситуацию, где переживал по поводу случая, когда он применил так называемый психологический прием – "взял на понт". Он получил признание, раскрыл преступление, но сам внутренне переживал, потому что допустил этот прием и понимал, что он здесь перешел ту границу, которую нельзя переходить. Сегодня, к сожалению, такое редко встречаешь. Я хотел бы обратить внимание на то, что соединение добра и зла должно восприниматься как зло независимо от того, какая цель при этом достигнута.

Подводя итог, хотел бы обратить внимание на то, что улицы наши засоряются окурками, бумажками и прочим мусором. И насколько это сейчас никого не волнует. Я заметил по самому себе, что раньше на красный сигнал светофора я не позволял себе переходить улицу. А сейчас я сам себя ловлю на мысли, что я нарушитель. Мы бросаем мусор прямо под ноги и идем дальше. Я обратил внимание на такой факт: оказывается, иностранцы, люди с другим менталитетом, у нас так же поступают, по нашим стандартам... И они уже тоже так себя ведут и этого не замечают. Хотя я уверен, что они, вернувшись к себе на родину, так не будут делать. Все это формирует моральные устои нашего общества.

И.Б. Иванкив:

- Я - студентка Полтавского факультета Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого. Мне кажется, что проблема состоит в том, что после распада СССР старые идеалы ушли, а новых идеалов никто не дал, никто не придумал, чем их заменить. В принципе, субкультура формируется потому, что нет культуры, которая бы объединяла всех. Есть элитарная культура. Есть люди, которые читают серьезные книги, слушают классику, и есть массовая культура, в которой люди, кроме бульварных журналов, ничего не читают и слушают попсу или шансон. Нет культуры, которая бы объединяла всех. И проблема в том, какая это должна быть культура, будет ли она у нас сформирована и какие идеалы она даст. Я думаю, что тем людям, личность которых сформировалась в СССР, очень сложно перестроиться на новые идеалы. И могут ли они придумать эти идеалы? Это вопрос. Не зря Моисей водил за собой людей по пустыне 40 лет, чтобы они отвыкли от рабской психологии. Чтобы выросло новое поколение, которое уже не знает, как это - быть рабом, и чтобы у них уже сформировалось новое представление о жизни, об идеалах. И изменить мы что-то сможем только тогда, когда вырастет новое поколение, с новыми идеалами, но проблема в том, что родители не дают детям этих идеалов, они вкладывают в них материальные ценности, а не духовные. И каким вырастет это новое поколение? Это меня, честно говоря, пугает. Я смотрю на детей, которые

младше меня лет на 5 – 8, это небольшая разница, но они уже не такие, как я. У них идеалы – деньги, быстрое продвижение по служебной лестнице, причем они для этого учиться не хотят. Они считают, что за деньги можно все купить, потому что так их научили родители. И я не знаю, как выйти из этого замкнутого круга.

О.Д. Малахов:

- По этому поводу есть анекдот. Задаёт вопрос армянское радио: "Кто может считаться интеллигентом?". Долго думали и ответили: "Это тот, у которого три диплома". – "Так у меня три диплома: техникум, институт и университет марксизма – ленинизма!" – "Да нет. Надо чтобы у тебя, у твоего отца и у твоего деда были дипломы".

А.В. Яковенко:

- Выслушав всех коллег и еще раз посмотрев на тему нашего "круглого стола", возникло такое страшное предложение переименовать ее в "Криминальная культура". То есть можно прийти к выводу, что если криминальная субкультура стала нормой жизни, то "нормальная" культура должна считаться субкультурой.

Взглянем на проблему системно. Мы начали со СМИ. Все пришли к тому мнению, что слушать, кроме "шансона", нечего, смотреть, кроме криминальных сериалов, нечего. И здесь мы имеем дело с мировой тенденцией, мы имеем дона Корлеоне в мировом масштабе. Предпринимательский класс, в силу тех или иных обстоятельств, полностью криминализирован, и даже при всем желании он не может каким-то образом выйти из этой системы. Правоохранительные органы являются оплотом тех социальных отношений, в которых все мы находимся. И уважаемый Валерий Иванович Архипов украл у нас последнюю надежду, поскольку прекрасно показал, что и политическая элита, может быть, еще больше навязывает криминальную субкультуру, поскольку мы действительно слышим только о бандитах, только о коррупционных разбирательствах, мы узнаем, какая у нас прогнившая страна "от и до". И никаких вариантов. Человек, который переключает каналы с криминальных программ на программу "Время", все

время попадает в четкое криминальное поле, постоянно слышит о том, что все воруют, что это система. Нужно только узнать, кто ворует больше, а кто меньше, чтобы потом проголосовать правильно.

А мы обращаемся к молодежи, и каждый новый курс приходит и говорит: "Подождите, Андрей Вячеславович, придут следующие за нами, и Вы еще вспомните, что мы самые лучшие, потому что те, которые придут, – это вообще оторви и выброси". И каждый год я жду эту страшную волну, которая нас поглотит, и мы будем вынуждены каким-то образом сопротивляться, а может, и принимать эти условия игры.

Мало того, почему я говорю "криминальная культура"? Потому, что нам еще в самих себе нужно разобраться, что в нас уже там внутри заложено с точки зрения прежнего воздействия. Насчет прошлого у меня есть серьезные сомнения. Я пока в прошлом не вижу абсолютных средств и методов спасения. Почему? Потому что Василий Иванович Поклад правильно вспомнил: у нас романтизирована культура пиратства, хотя мы все понимаем, что это были бандиты, только морские. У нас в какой-то мере идеализируют Российскую империю XIX века. Но такое ощущение, что там не было структуры Охранного отделения, не было казематов, не было ссылки. Мало того, у нас песни народные во многом связаны с криминальной культурой. "Из-за острова на стрежень" – о преступнике, который убил несчастную княжну. Я думаю, что эти шлейфы тянутся очень давно. Но под воздействием СМИ может сложиться и такое впечатление, что Украина – самое криминализованное государство, даже патологизированное. Якобы вокруг живут такие очень порядочные бюргеры, прекрасно себя чувствуют, и надо только нам к ним приобщиться. Но, насколько мы знаем последние события, если взять, к примеру, политическую систему Италии, то там тоже все свелось к тому, сколько Берлускони украл и насколько он коррумпирован.

У нас сейчас модно говорить о глобализации и о ее воздействии. Но глобализация – это, извините, масштабный, во многом криминальный капитал, как тот же самый "Metal Steel", привати-

зировавший "Криворожсталь". Мы плохо понимаем, откуда пришли эти деньги. Мы знаем, что они вклинились в нашу экономику, но не знаем, что они там делают. И правоохранительные органы туда, как я понимаю, не пустят. И будут разбираться где-то в парижских клубах, кто кому должен. Тогда мы уже заговорим о глобальной криминальной, опять не знаю, какое слово подобрать, поскольку язык не поворачивается назвать это субкультурой с учетом ее масштабов. Это тотальная система, а Украина – маленький островок в этой криминальной или псевдокриминальной проблеме.

К.В. Деревянко:

- Я представляю здесь Восточноукраинский университет имени Даля, поэтому мое выступление будет называться так: "Владимир Иванович Даль и криминальная субкультура".

Владимир Иванович Даль – личность глобальная. Каков контекст криминальной субкультуры? Ее контекст – культура вообще. В культуре вообще много составляющих: философия, религия, искусство, наука, право, государство, образование, язык и т.д. Чем значительней личность, чем масштабней личность, тем больше у нее граней отшлифовано. По рождению каждый из нас – алмаз самородный. Но многие грани не шлифуются. Одну грань человек шлифует всю жизнь – сопромат, предположим, и становится академиком по сопромату. А все остальное у него, в общем-то, в запустении. Такая личность, узкий специалист, по известному определению Козьмы Пруткова подобна флюсу.

Владимир Иванович Даль шлифовал в течение своей жизни все грани собственного мировоззрения. В итоге из алмаза получился такой бриллиант. Он родился в семье лютеранина, врача Луганского завода. Но всю жизнь искал религиозную истину. И нашел ее. Писателю Мельникову-Печерскому он говорил так: "Самая прямая наследница апостолов, бесспорно, ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь". В конце жизни, став православным, он сказал: "Я всю жизнь искал истину и теперь нашел ее".

Закончив дело своей жизни (публикацию словаря русского языка), Даль стал переводить на русский язык с церковно-славянского Ветхий и Новый Завет. В частности, перевел Апокалипсис, сделал комментарий к нему. И давал читать Тарасу Шевченко, когда тот жил в Нижнем Новгороде. В дневнике Шевченко каждый может эпизод прочитать о том, как Тарас Григорьевич оценил труд Даля: "Он принялся объяснять смысл и поэзию этой боговдохновенной галиматьи... С какою же целью такой умный человек, как Владимир Иванович, переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю... Какое же мнение я ему скажу на его безобразное творение?".

Работая в Министерстве внутренних дел, В.И. Даль изучает практику некоторых фанатичных сект и пишет работы "О скопческой ереси", "О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа" и т.д. Таким образом, религия в его мировоззрении была отработана великолепно. Одна грань отшлифована.

Идем дальше: искусство. Писатель приходит в Золотой век русской литературы, и на фоне Пушкина, Лермонтова, Гоголя он вовсе не затерялся. Более того – в каждой хрестоматии XIX века обязательно представлен Даль. Поэтому дети с гимназии уже знали А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и обязательно В.И. Даля. Сегодня далеко не все из нас читали какие-то его литературные произведения. Начиная с первого успеха 1832 года (когда в свет вышли его "Русские сказки") и далее до конца XIX века каждый человек в России с детства знал это имя. В начале XX века литературовед Е.В. Баркова в статье "Даль как беллетрист" (1921) определила сюжеты его произведений как "притчи гуманного Евангелия". Мировоззрение Даля было цельным: если он христианин, то и во всей его литературе это прослеживается. Например, сборник "Матросские досуги" начинается так: "Чудны дела Твои, Господи! Дивно устроены миры Твои; незримою рукою рассыпал и пустил Ты Вселенную Свою по безмерному пространству... Дивно создал Ты человека по Образу и подобию Твоему, и позволил ему и книжным учением доходить до премудрости...". И далее начинаются "Матросские досуги". Точно такую же книгу он выпустил и для солдат – "Солдатские досуги".

Философия. Философски можно определить Дала как персоналиста. У каждого из нас граней много, и личность может быть дисгармонична, расщеплена. Даль стремился к идеалу личностному. Личностный идеал имеет имя. То ли это Тарас Шевченко, то ли Иисус Христос, то ли Будда, то ли Мухаммед. Абстрактных идеалов нет... Они ни на чем не держатся. Да, мы знаем, что такое красота и безобразие, истина и заблуждение, добро и зло. Но если нет носителя этого идеала, то знание уходит в песок. В каждой культуре такие носители есть. Они у нас на денежных купюрах нарисованы, и мы знаем, кто у нас носители личностного идеала. Так вот, Даль ищет личностный идеал и говорит: "Можно ли допустить, чтобы назначение человека, созданного по Образу и подобию Творца, было именно это жалкое, унижительное враждование ума и сердца, эти урывочные победы то того, то другого, каждый раз в ущерб друг другу?". Сердце с умом не в ладу – одно слышим, другое думаем, третье говорим, а четвертое делаем. Все это – наша ситуация сегодня. Так вот, целью этого отчужденного и фрагментарного человека является воссоединение в себе идеалов истины, добра и красоты. С одной стороны, мы – носители этого идеала: хотим быть красивее, умнее, добрее, нравственнее. А с другой стороны, мы можем оценить объект: "Вот это истина, а это нет. Это красиво, а это не очень". Почему? Мы можем и не изучать этику, логику. Мы все это чувствуем. Но одно дело чувствовать, а другое дело – сказать. Философы и мыслители (такие, как Даль) и выражали эти идеалы: "Духовное возрождение – это соразмерное развитие и полное согласование веры и любви, истины и добра, ума и сердца. Союз этих духовных начал образует собою Премудрость, которая в самом действии своем производит изящное, выражающееся в земной природе, в отношении к чувствам нашим, красотой или прекрасным". Идеал выражается прекрасным. "И такой Первообраз был у нас на земле", – говорит христианин Даль. То есть, как и для всех христиан, идеалом для него является Христос. Для мусульман – Мухаммед, для буддистов – Будда. Вот там изъяна пока никто не нашел. У христиан много изъянов, но у Христа изъянов я не знаю. И никто не знает.

Глубина и самостоятельность мысли Даля поражают. В середине XIX века, накануне реформы, обсуждаются вопросы просвещения: "Все должны быть просвещены". А Даль дальновидно спрашивает: "Извините. Если все будут просвещены, что будет читать мужик? Что он будет читать? Пинкертонов этих?". И начинает переводить Ветхий Завет и Новый Завет на русский язык: "Речь о просвещении. Оно может служить средством к добру и ко злу. В последнем случае оно, без всякого сомнения, вредно... Покажите будущему ученику своему благое приложение грамоты – не на словах, а на деле. Окружите его такими примерами – и с Богом, учите его".

Мы знаем: чем способнее, чем интеллектуальнее преступник, тем он опасней. Как пример, профессор преступного мира Моритарти. Чем выше у человека интеллект при нравственной дезориентации, тем он опасней. Если преступник – человек недалекий, вреда от него немного. Но чем выше он забирается в развитии интеллекта, тем он опасней. Поэтому римляне говорили: "Коррупция высшего есть худшее". "Corruptio optimi – pessima". Вот об этом же Даль и говорил: об опасностях просвещения. В XX веке самые просвещенные страны такое всем показали, что потом, после этих мировых войн Адорно и Хоркхаймер пишут книгу "Диалектика просвещения", исследуя вопрос о том, до чего доводит просвещение в период утраты ориентиров. Сегодня у нас на повестке дня не просто грамотность, а всеобщая компьютерная грамотность. К чему это приведет – никто не знает. Посмотрите ресурсы Интернета – на 70 – 80% там такое, что взрослому нельзя показывать, а то у него мысли начинают двоиться, тройиться, размножаются и разбегаются в разные стороны.

Дальше наука. Даль закончил морской кадетский корпус, знал прекрасно науки математические и естественные. Потом медиком стал. Постиг медицинские науки, делал новаторские операции в офтальмологии. Но все-таки главное слово он внес в русскую культуру как ученый-филолог. Поэтому О. Мандельштам в статье "О природе слова" справедливо писал: "У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная

эллиническим духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории". Декан нашего философского факультета Виктория Константиновна Суханцева написала книгу "Метафизика культуры". Там она цитирует это место из Мандельштама и затем комментирует: "Пронизанный диалектами и простонародными говорами словарь Даля и рафинированный поэтический стиль Мандельштама обладают той органической полновесностью, какой может обладать только слово, прошедшее исторический рост и обретшее суверенное бытие. Неслучайно о каждом слове из далековского словаря Мандельштам говорит как о "маленьком Кремле", ибо Кремль в славянстве – крепость, возводимая на возвышенности, сторожащая местность и отстаивающая суверенное право на эту местность. Язык, если он органичен, а не вымучен в чучельной мастерской, сторожит историю и задает координаты культуре... Глубины исторического бытия (бытования) языка Мандельштам слышал у Данте, когда прочитал "Божественную комедию" в подлиннике. Точно так впервые слышал раскаты русской речи Владимир Даль и воспринял ее как историческое событие, не отшатываясь в праведности образованного европейца от первоизданного говора окраин". Очевидно, что культуре, в которой есть такие светочи, как В.И. Даль, не грозит судьба европейской окраины. Поэтому кто хочет в Европу? Тот, кто чувствует себя в Азии. А тот, кто чувствует себя в Европе, тот уже европеец. Ему не нужно никуда передвигаться. Он уже в Европе. Отсюда известный призыв: "Давайте сделаем Европу здесь". Нам не нужно в Европу ходить: мы в центре Европы живем.

Теперь о криминальной субкультуре. Коль скоро мировоззрение Даля системно и все его грани отшлифованы, то в нем должны быть представлены не только добро, истина и красота, но также и знание об их противоположности. Он знает это: есть истина и есть заблуждение (ложь), есть красота и есть безобразия, добро и зло. Вот Даль и подходит к исследованию криминальной субкультуры со своим методом. А метод у него филологический. У каждой грани культуры свой язык. И у криминальной субкультуры тоже свой язык. Даль – филолог. Что мы имеем в итоге? В начале XIX века он изучает арго, городской

жаргон Петербурга, криминального Петербурга. В статье "О наречиях русского языка" он пишет: "Столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, известные под именем "мазуриков", изобрели свой язык, впрочем, весьма ограниченный и относящийся исключительно к воровству. Есть слова, общие с офенским языком, но их немного, больше своих. Этим языком говорят также все торговцы Апраксина двора, как надо полагать, по связям своим и по роду промысла". И дальше он составляет словарь воровского жаргона петербургских мазуриков. Его используют писатели. Писатель Максимов в середине XIX века, написал многотомную книгу "Сибирь и каторга". Там он использует словарь Даля и пишет статью "Тюремный словарь. Искусственные (байковые, ломанские и кантюжные) языки", где говорится: "Музыка, или словарь карманников, то есть столичных воров, которым мы пользуемся в настоящем случае, составлен в 1842 году, проверен и дополнен сообщениями новых и подтверждением старых слов в прошлом, 1869 году". Потом приходит Крестовский – автор известного романа "Петербургские тайны" ("Петербургские трущобы", его экранизацию, все видели). Крестовский тоже использует этот словарь Даля и приводит целые диалоги на воровском арго и специальные словарики в конце некоторых глав дает. Это все было началом изучения этого языка. А вот уже XX век дал такое обилие материала, что Лихачев, будущий академик, сидя на Соловках, занимается работой филологической и публикует статьи. На Соловках издавался журнал, по которому Лихачев изучал язык преступного мира. А после этого на свободе он пишет статью "Черты первобытного примитивизма воровской речи". И далее филологи много вложили в изучение этого языка, этой субкультуры.

А вот перед нами журнал "Вопросы языкознания" (1990, № 1). Здесь опубликована статья В.И. Даля "Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка". То есть перед нами Даль как "музыковед". И тут термины, какие-то слова уже знакомы нам, какие-то новенькие:

- маз – мошенник первой руки, мастер своего дела;
- клевый маз – атаман шайки;

КРИМІНАЛЬНА СУБКУЛЬТУРА ЯК ФАКТОР ЗЛОЧИННОСТІ

мазурик – мошенник, из наших;
жулик – малолеток, ученик мошенника;
бутырь – городской (очевидно, отсюда "Бутырка?");
клыой – следственный пристав;
михлютка – жандарм;
стрема – обход, дозор, часовой, сторож, дворник;
маруха – развратная женщина;
канна – кабак (пародия Каны Галилейской?);
клей – всякая воровская вещь;
сара, бабки – деньги;
сверкальцы – драгоценные камни;
стуканцы – часы;
глаза – паспорт;
темный глаз – фальшивый паспорт;
музыка – условный язык воров;
знать музыку – разуместь мошеннический язык;
ходить по музыке – заниматься воровством;
остремиться – покуситься неудачно на воровство;
агалчить – толкнуть товарища неосторожно и помешать ему;
раздырбанить – разделить добычу;
хрять – бежать;
ходить жохом – жить без денег, в нужде;
чебурахнуть – ударить, прибить (так что, Чебурашка – это страшно);
дать сламу – откупиться от полиции, когда поймают;
есть миноги – быть наказану плетьюми;
смотреть на Знаменье – быть наказану плетьюми публично;
смотреть на Смольное – быть наказану кнутом (очевидно, возле Смольного дело происходило?).

Выражения:

пойдем на клей – пойдем воровать на готовое;
стрема. Стремит михлютка – осторожнее, жандарм глядит;
раздырбанить сару или бабки – разделить деньги.

Рассказ: "Три ночи гошал, три дня жохом ходил, да сворочал втроем теплуху, пропулили, раздырбанили, вот и с бабками". – Три ночи ночевал на улице, три дня без гроша жил, да втроем с

товарищами сняли с прохожего шубу, продали ее, деньги разделили, вот и с деньгами.

И последнее: "Да, жил я в хамах, тут навернулись мазуры, стали подначивать, захороводили, там влопался я с ними, поглядел на Знаменье, да с тех пор уж и пошел по музыке". Перевод: "Да, я жил в услужении. Тут мошенники стали подговаривать пособить им обокрасть барина, уговорили, я вместе с ними попался, высекли меня плетьюми на площади, с тех пор я уж и пустился на воровство". (Товарищ определился, "профорентация" закончилась и дальше он "пошел по музыке".)

Так что В.И. Даль был в курсе криминальной субкультуры. Если суммировать идеалы истины, добра и красоты, то они содержатся в личности (в личности Спасителя – для христиан). Если сфокусировать идеалы, противоположные этим трем, получают личности, тоже имеющие имена, и мы знаем эти имена: Каин, Ирод, Иуда, Пилат и т.д. Понтий Пилат что сделал? Он нарушил законы Римской империи. Он видел, что человек "не тянет" на высшую меру, но послал его на казнь. Заболелся, что компромат на него пойдет римскому императору. Пилат нарушил закон: правовой нигилизм допустил. Это самые известные имена. Мы можем продолжать этот список. Профессор Мориарти (профессор преступного мира) и наши "авторитеты", известные всем на Украине, в России, да и во всем мире. У каждого идеала, если он личностный, есть имя. В культуре христианской имя известно. И искать других идеалов нам не пристало.

Г.М. Зеленов:

- Криминальная субкультура не просто существует, но и активно наступает со всех сторон. Активно отвоевывает плацдармы в государственном управлении, в образовании, в правоохранительной, хозяйственной деятельности. Такова ситуация на сегодняшний день. Возникает вопрос: "Как с этим бороться?". Здесь было предложено много различных путей выхода из такого положения. Хотел бы дополнить их, исходя из имеющегося опыта. В частности, недавно сообщалось, что в маршрутных такси города Киева было запрещено включать радио "Шансон". Яв-

ляется ли это цензурой, одной из форм борьбы с криминальной субкультурой? Мне кажется, в полном понимании нет. Почему? Потому что радио "Шансон" не было запрещено, его было запрещено слушать в общественных местах. Исходя из этого, мне кажется, что одной из форм борьбы с криминальной субкультурой является умеренное ограничение ее элементов. Так, если фильм пропагандирует жестокость и насилие, его не следует транслировать по телевидению. Если это шедевр, который завоевал несколько призов на Каннском кинофестивале или в Голливуде, то человек имеет право его посмотреть. Пускай посмотрит его на кассете или на диске, то есть в индивидуальном порядке. Если человеку нравится слушать радио "Шансон", то пускай слушает его дома, но не в общественном месте, потому что влиянию поддается как бы на бессознательном уровне человек, которому эта радиостанция не нравится, но он просто едет и слушает, и у него уже начинают формироваться на подсознательном уровне определенные установки. Сначала ему не нравится, а потом: "Вроде и неплохая музыка". То есть, мне кажется, вот это умеренное ограничение, а не полные запреты, будет способствовать эффективным результатам. Вспомним, что введение "сухого закона" в США привело к резкому росту преступности, а умеренная борьба с употреблением спиртных напитков в США (например запрет употреблять их в общественном месте) как раз наоборот, способствовала борьбе с хулиганством, с нарушениями общественного порядка, с алкоголизмом.

В.И. Поклад:

- Действительно, из криминологии мы знаем, что чем жестче мы воздействуем на какое-либо негативное явление, тем изоциренней будут его мутации. Примеры - "сухой закон в США", борьба с хулиганством в СССР. А что касается криминальной субкультуры, то единственный вариант - это вытеснение. Чем вытеснять? Константин Васильевич Деревянко сегодня уже говорил о значении религиозного воспитания. Мировая криминология также отмечает, что наименьший уровень преступности коррелирует с высоким уровнем религиозности. И если есть в мире центры, свободные от преступности, то это религиозные центры.

В частности, наименьший уровень преступности в Иране. А если говорить о христианстве, то его антикриминогенный потенциал содержит две основные позиции: во-первых, культивирование низких стандартов потребления, умеренности желаний и, во-вторых, расширение границ последствий нехороших поступков за пределы земной жизни.

Е.А. Гнатенко:

- Я с большим интересом, даже с трепетом слушаю вторую часть нашего "круглого стола". Можно резюмировать выступления одной фразой: "Мир во зле лежит". Вторая часть, с подачи Константина Васильевича Дервянко, перешла в сферу реплик по поводу поиска какого-либо противоядия от криминальной субкультуры. Но я бы вернулся к тому вопросу, который меня больше всего интересовал: имеет ли смысл изолированное рассмотрение криминальной субкультуры как самобытной, которую можно рассматривать вне контекста религиозных вопросов, нравственных вопросов в целом. Судя по последним выступлениям, нельзя. Если можно, то последние выступления были бы неуместны. Ведь речь идет о единстве нации, о религиозности. Причем здесь право, причем здесь нарушение закона, если речь идет о криминальной субкультуре? Оказывается, что все эти вещи взаимосвязаны. И криминальная субкультура – лишь одна из форм такого явления, которое уже здесь вспоминали неоднократно, которое в XIX веке называли "нигилизм". Есть правовой нигилизм, есть моральный нигилизм, есть религиозный нигилизм (который атеизмом называется в простонародье). Это болезнь, которая проявляется в разных формах, в разных людях по-разному. Каждый может найти в себе симптомы (при добросовестном анализе) и морального нигилизма, и правового, и даже религиозного. Любый верующий человек помнит одного из Евангельских персонажей, одного из участников евангельских событий, который сказал: "Верю, Господи! Помоги моему неверию". И этим обнаружил в себе неверие, хотя, в общем и целом, он верил.

Таким образом, это общий духовный нигилизм. И не стоит, наверное, разделяя между разными науками, пытаться изолированно рассматривать его отдельные проявления. Православные

богословы анализируют причину греховности, а криминологи – причину преступности. И это как бы разные вещи, и они могут не знать результатов друг друга: преступность – одно дело, грешник – другое, аморальные люди – третье. Наверное, это все взаимосвязано. Я бы на этом "круглом столе" хотел вернуться к методологически более четкой постановке вопросов криминологических. Все же у нас конференция криминологическая, а не на общие морально-духовные темы. И поэтому хочу проиллюстрировать тот же самый вывод, но только немножко с другой стороны. А именно: может ли такое быть, чтобы человек был носителем криминальной субкультуры, то есть не разделял ценности права, не уважал закон правовой, но, тем не менее, был человеком верующим, моральным, эстетически развитым и т.д.? Может ли такое быть? С курсантами часто приходится спорить на эту тему. Они говорят, как люди молодые, опыта жизни не имеющие: "Может, конечно, такое быть". Для них это не вопрос. А почему, собственно? Да, человек к закону относится критически, да, он его вообще не уважает, но он моральный человек, потому что советь ему что-то говорит. Не какой-нибудь закон, а советь. Он верит в Бога, он крестится. "Вспомните, – они мне говорят, – "Крестный отец". Католики – добропорядочные люди, ну, с государством они не в ладах, "крестный отец" как пример и т.д." Я попытаюсь несколькими примерами опровергнуть тезис о том, что так не бывает. Если мы говорим, что квинтэссенция криминальной субкультуры – это полная опустошенность правосознания, то есть правовой нигилизм, то правовой нигилизм, так получается эмпирически, приводит к нигилизму во всех остальных сферах. Попытаюсь это показать.

Следуя европейской традиции, выделяют традиционные группы ценностей: истина, добро и красота. Отношение криминальной субкультуры к истине. Известно, что лживость и обман – одна из основ криминальной субкультуры. Обмануть, прежде всего, "фраеров", "лохов", как сейчас называют обычных людей, не преступников, вообще не рассматривается как что-то, подлежащее осуждению. Это "добродетель" преступного мира. И даже обмануть своего же товарища. Мы знаем описанные в литературе карточные игры. Умело обмануть, чтобы тебя не поймали, это

"добродетель". Это вообще основа основ. То есть какая ценность истины? Никакая. Добро. Оно обычно предстает в трех проявлениях. Отношение к праву преступников не подлежит обсуждению. Отношение их к морали. Отношение преступников к морали. Само словосочетание является оксюмороном. Почему? Проблему честности мы уже обсудили, другие моральные устои преступников дают такие же примеры. Например, отношение к семье. Вор в законе не должен иметь семьи. Не положено. Он должен быть монахом? Нет. Я у курсантов спрашиваю. Вот, вор в законе не должен иметь семьи и монах не должен иметь семьи. Чем вор в законе отличается от монаха? Курсанты не могут это объяснить. Для них это шок. Как? Монастырь и вор в законе живут по одним законам? Я говорю, что вор в законе не может иметь собственности, не может работать, монах не может иметь личной собственности. Одно и то же? Парадокс. Курсант нашего учебного заведения не может объяснить этих элементарных вещей. Если монах, не имея семьи, вообще не ведет половой жизни, то практически каждый вор в законе, не имея семьи, является гомосексуалистом. Я уже не говорю об отношении к женщине, как к вещи. В одном случае мы не имеем семьи во имя высшего, в другом случае мы не имеем семьи во имя низшего. Это совсем разные принципы отказа от семьи. Это аморализм, полный аморализм.

Неоднократно в произведениях лагерной прозы как квинт-эссенция морали преступников звучит фраза: "Умри ты сегодня, а я завтра". Ни перед чем преступник не останавливается. Варлам Шаламов привел такой замечательный пример. Вы думаете, что убить для вора – это что-то такое особенное? Нет. Простое убийство не характеризует никак личность вора. Вот, говорит, выпустить кишки своей жертве и этими кишками удушить другого человека – вот это по-воровски. Простой пример, который он, наверное, видел, созерцал. Так о чем мы можем говорить вообще, о какого рода морали? Это зверские какие-то извращения. По словам того же В. Шаламова, воровской мир представляет собой картину ражления всего человеческого в человеке и жадное удовлетворение низменнейших страстей. Не просто удовлетворение страстей, а жадное удовлетворение низменнейших страстей.

Теперь о религиозности пресловутой итальянской мафии, наших отечественных братков и т.д. Эти кресты, больше, чем у священника, "крестные отцы" и т.п. И в случае с Италией, и в случае с нашими "авторитетами" это все не имеет никакого основания. Мы знаем по рассказам людей, которые занимаются изучением мафии, об обряде посвящения в мафию. Сжигается иконка Богородицы, на этот пепел нужно выдавить капельку крови, и потом что-то подписывается. Ничего не напоминает? Это манипуляции с религиозной символикой. Очень печальная картина.

Говорят, что с середины 90-х годов наколки среди преступников непопулярны. Но раньше были популярны и купола, и кресты и т.д., но их истинное значение было другим. Они символизировали, какой человек "крутой" вор, какой он авторитетный, сколько он сидел. Это все имеет совсем другой смысл. Как и фраза "Не забуду мать родную" не говорит о любви вора к матери, а говорит о любви к местам лишения свободы, которые названы здесь в переносном смысле "матерью", где он впервые потерял эту свою "невинность", так сказать.

Наконец, эстетика. Варлам Шаламов, который видел в быту этих людей много лет на зоне, пишет: "Блатари не любят стихов. Потребность блатарей в театре, скульптуре, живописи равна нулю. Немного встречается любителей чтения". Что значит "немного"? Он говорит, что из всех, кого он видел (а видел он сотни), он знает двух, которые читали книжки. Это не значит 10%, это значит исчезающе малая величина. Потом все эти тюремные поделки. Всегда мы можем отличить, что это сделано на зоне. То есть с нормальной эстетикой все это не имеет ничего общего. Хоть ящичек сделали на зоне, хоть ножичек – неизгладимый отпечаток зонной эстетики. Невозможно ни с чем спутать произведения этих мастеров.

Таким образом, оказывается, что все три группы ценностей – истины, добра, красоты – в этом мире представляют собой выжженную пустыню.

Здесь мы еще говорили об "идеальном типе". Конечно, человек, который однократно совершал преступления, может быть, не прошел еще путь до полного самоуничтожения, до полной деградации собственной личности. Но это его перспектива, перспекти-

ва жизни. Если опять закончить на волне христианской, я бы мог вспомнить известные слова Блаженного Августина, который, говоря о перспективах любого человека, определил эти перспективы двояко. Чем человек может закончить свою жизнь? Он может закончить с любовью к Богу до забвения себя и с любовью к себе до забвения Бога. Это две перспективы, и каждый медленно движется в одном из этих направлений. Я думаю, это очень правильные слова, чтобы мы себя не утешали, что можно жить где-то между, что можно не принимать каких-либо окончательных решений. Именно с этого колебания мы приотворяем дверцу в нашу душу криминальной субкультуре. Если мы это делаем сознательно, и это наша позиция, что якобы можно сидеть меж двух стульев, то получаются результаты не очень хорошие.

В.И. Поклад:

- Уважаемые коллеги! Мне кажется, что особая ценность нашей конференции заключается не в том, что мы получили ответы на все вопросы, которые ставили в начале. Мы получили много новых вопросов. Будем размышлять над ними дальше. Самое главное, чтобы это не было чем-то внешним, чем-то поверхностным по отношению к реальности.

Поэтому мы будем продолжать развивать нашу систему научных взаимоотношений, приглашаем всех участников на следующую конференцию. И те проблемы, которые мы сегодня обсуждали, мы будем обсуждать и далее. Если это и не поможет обществу в целом измениться, то хотя бы нам поможет стать немножко лучше, умней. Спасибо всем за участие. Желаем всем больших успехов в научной и всякой другой деятельности!

АННОТАЦІИ

И. РУЩЕНКО (Харьковский национальный университет внутренних дел, Украина)

Изучение криминальной субкультуры: методологические проблемы.

Научное изучение криминального мира требует тщательной разработки теоретико-методологических оснований. Исследование криминального мира, несмотря на его внешнюю несхожесть с "большим социумом", возможно благодаря наличию общих социологических закономерностей, основанных на онтологическом единстве общества во всех его проявлениях. Криминалитет является неким отражением структур и правил жизни легального социума.

Существует методологическая проблема четкого разделения криминальной и нормативной культур. Необходимы надежные критерии разграничения. Последние не могут быть сведены к нормам уголовного закона (в культурном контексте это неприменимо).

Теоретически важен вопрос о структуре феномена. Для анализа необходимо применять принцип вертикально-системного членения феномена.

Х. КУРИ (Институт зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка, Фрайбург, ФРГ)

В. ПОКЛАД (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Проблема изучения преступника как жертвы в современной криминологии.

Современная криминология не рассматривает преступника как жертву преступлений, игнорируя тем самым важнейший фактор криминализации личности. Именно в "карьере жертвы"

состоит существенный, если не основной, фактор для "карьеры преступника". В свою очередь, виктимология занимается исключительно так называемыми "чистыми" жертвами, не изучая преступников, которые также могут становиться жертвами, например, в местах заключения. Существует серьезное противоречие между целями уголовно-правового наказания и тем действительным результатом, который достигается.

Ю. СКОРЧЕНКО (Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина)

Некоторые аспекты внешнего проявления криминальной субкультуры.

В современном украинском обществе происходит интенсивное взаимодействие социальной и криминальной культур, что приводит к изменению социальных норм и деградации общества в целом, поскольку именно криминальная субкультура поощряет употребление алкоголя, внешнюю агрессивность. Ярким примером девальвации культурных традиций является повсеместное использование ненормативной лексики. Все это неизбежно приводит к нивелированию процессов передачи культурных ценностей, систем образования и воспитания.

К. ДИКОВЕНКО (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Соккрытие фактов преступных действий работниками ОВД как связующий элемент криминальной и профессиональной субкультур.

Факт сокрытия сотрудниками органов внутренних дел совершенных ими преступлений является свидетельством сближения деформированной профессиональной субкультуры и криминальной субкультуры. Именно поэтому необходимо обратить внимание на исследование проблем, связанных с деформацией профессиональной субкультуры сотрудников милиции.

З. КИСИЛЬ, М. УДОВЕНКО (Львовский государственный университет внутренних дел, Украина)

Роль криминальной субкультуры и молодежи в культурно-трансформационных процессах.

Для переходного периода модернизации культуры характерным является значительное распространение криминальной субкультуры, что является следствием кризиса современной украинской культуры, сопровождаемого потерей четких ориентиров развития общества. Молодежная субкультура в связи с радикальными изменениями в обществе становится формой социальной адаптации. Формируется новый тип информационно-инертной, авангардно-творческой, криминальной молодежной субкультуры.

Н. ЧЕРНЯЕВА (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Криминальная субкультура как фактор преступности в местах лишения свободы.

В настоящее время имеет место стойкая тенденция к снижению уровня преступности в местах лишения свободы, но наряду с этим возрастает количество преступников-рецидивистов, совершающих преступления после своего освобождения. Таким образом, пенитенциарные учреждения в Украине продолжают оставаться основным носителем криминальной субкультуры и "школой" преступности. При этом влияние криминальной субкультуры непосредственно в местах заключения уменьшается, а за их пределами приобретает все большее значение.

В. СНЕГИРЕВ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

С. ТОЛСТИК (Томский государственный университет, Россия)

Криминальная субкультура как составляющая тоталитарного общества.

Современная Украина является прямой наследницей правовой, экономической и социальной систем СССР, УССР. Поэтому изучение процессов, происходящих в современном украинском обществе, надо начинать с рассмотрения экономического и социального наследия. Авторы анализируют характер государственности советского типа, ее социальную структуру и производственные отношения, соотнося их с такими историческими категориями, как "средневековье", "новая эра", "постиндустриальное общество".

В. ЛИТВИНОВ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Криминальная субкультура и хулиганство.

Хулиганство наиболее полно отражает те признаки, которые присущи криминальной субкультуре. Противопоставление своих поступков общепринятым нормам является той общей чертой, которая характеризует хулиганское поведение и криминальную субкультуру. Поэтому разработка мер противодействия хулиганству должна основываться на тщательном анализе криминальной субкультуры, ее функционирования и влияния на отдельные группы населения, особенно на молодежь как наиболее восприимчивую.

М. ХОМИЧ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Влияние наркогенных мифов на субкультуру несовершеннолетних.

Одним из факторов, влияющих на наркотизацию молодежи, является распространение наркогенных мифов. В результате проведенного исследования было установлено, что для половины респондентов (а это лица, которые употребляли наркотические средства) именно мифы о том, что наркотики есть пропуск в совершенно необыкновенный мир, стали решающим аргументом для их употребления. Основным источником мифологизации наркотизма являются друзья и ровесники. Поэтому программы профилактики наркотизма должны включать выражение негативного отношения к наркотизации со стороны людей, значимых и авторитетных для подростка.

В. ПАСТУХОВ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Влияние криминальной субкультуры на преступность несовершеннолетних.

С изменением общества претерпевала изменения и криминальная субкультура. При этом во все времена под ее особым воздействием оказывались, прежде всего, несовершеннолетние члены общества. Посредством насаждения криминальных "законов" и "блатной романтики" малолетних беспризорников и правона-

рушителей удавалось беспрепятственно вовлекать в занятие преступным промыслом, особенно в кризисные периоды развития общества. Участники неформальных групп несовершеннолетних во многом копируют антиобщественный образ жизни профессиональных преступников, при этом модифицируя их традиции применительно к своим нуждам.

В. ДАВЫДОВ (Восточноукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина)

Влияние средств массовой информации на распространение криминальной субкультуры.

Средства массовой информации и коммуникации играют далеко не последнюю роль в целенаправленном распространении и развитии криминальной субкультуры в обществе, внедрении ее в молодежную среду. Проведенным исследованием на примере творчества музыкальных групп "Фактор 2" и "Многоточие", популярных среди молодежи и широко раскручиваемых по радио и телевидению, установлено, что большинство песен, исполняемых этими группами, так или иначе, содержат в себе элементы криминальной субкультуры, призывы к совершению преступлений, употреблению алкоголя и т.п.

Д. КАЛМЫКОВ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Молодежная компания как фактор, влияющий на первое употребление наркотиков.

Молодежь составляет наиболее виктимогенную категорию относительно возможности наркотической зависимости. Одним из наиболее существенных факторов приобретения наркотической зависимости является молодежная компания. Было проведено исследование, целью которого являлось выяснение механизма, посредством которого молодежная компания влияет на первое употребление наркотиков.

Обнаружено, что наиболее существенное влияние молодежной компании на первое употребление наркотиков вызвано подражанием лидерам и симпатиям.

Возможность противодействия наркотизации автор усматривает в мероприятиях по развенчанию "культы модности" употреб-

ления наркотиков, во введении жесткой цензуры кинопродукции и поощрении людей, ведущих здоровый образ жизни.

И. ИВАНКИВ, Я. ТОКАРЕВА (Национальная юридическая академия имени Ярослава Мудрого, Полтавский факультет, Украина)

Преступность несовершеннолетних: социальные причины.

В качестве наиболее влиятельных социальных факторов, способствующих совершению преступлений и правонарушений несовершеннолетних, выделены жестокое обращение с детьми в семье, невнимание родителей к проблемам воспитания детей, отчужденность детей и родителей, отсутствие правовых знаний у детей и др.

Предполагается, что весьма действенными методами профилактики преступности должны стать правовое обучение несовершеннолетних, введение качественных образовательных программ, а также ужесточение мер наказания за жестокое обращение с детьми и вовлечение их в совершение преступных действий.

П. ЛАРИНА, С. ДЕНИСОВ (Запорожский юридический институт Днепропетровского университета внутренних дел, Украина)

Культурологический взгляд на молодежную преступность.

Нормы криминальной субкультуры как форма реализации эстетических, духовных и моральных потребностей, будучи все более популярными в социуме, создают основу для формирования аморальных "идеалов". Для молодежи характерно тяготение к контрнормативной культуре, в котором проявляется естественное стремление к моральной и идеологической автономии.

В качестве противодействия криминальной субкультуре необходимо возвысить до уровня эталонного стиль жизни "идеального" человека с высоким уровнем правового сознания, утонченным эстетическим вкусом и высокодуховными стремлениями. Для этого необходимо настроить все рычаги и институции государственной политики на процесс духовно-прикладного социального взаимодействия как практики духовного усовершенствования молодого человека.

А. СТУПАК (Востоchnоукраинский национальный университет имени В. Даля, Луганск, Украина)

Отклоняющееся от норм поведение несовершеннолетнего как следствие навешивания на него ярлыка девианта.

Одним из факторов девиантного поведения может выступать социальная ситуация, связанная с проблемой стигматизации (навешивания ярлыка). Значительная часть подростков, узнавая о приписываемых им негативных социальных ролях ("хулиган", "двоечник", "ветреная", "лентяй", "непутевое дитя" и др.), начинают идентифицировать себя с ними.

Посредством проведения экспертного опроса было выяснено, что дети подвергаются навешиванию "ярлыков", в первую очередь, в своем самом близком окружении, которое принимает участие в воспитательном процессе (родители и учителя). Ребенок воспринимает себя в отражении приписанного ему статуса девианта. При этом он может либо игнорировать его, либо принципиально ("на зло всем") соответствовать этому статусу. В любом случае происходит отвержение ребенка от социума. Если ребенка, склонного к девиантным поступкам, открыто характеризовать как девианта, то можно привести его к началу развития девиантной карьеры.

Тем не менее, ярлык не является ни единственным, ни основным фактором, способствующим совершению несовершеннолетними девиантных поступков. Он действует в комплексе с другими (отношения с окружающими, информационное влияние: СМИ, компьютерные игры и т.д.).

Ю. КУЧИРКА (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Субкультурные признаки личности преступника.

Криминологический анализ личности преступника позволяет выделить в структуре его личности специфические черты, которые отличают его как "разновидность личности". Целесообразным является также обнаружение в структуре личности социальных норм, характерных для криминальной субкультуры – субкультурных признаков личности преступника. При анализе личности на предмет наличия характерных для криминальной субкультуры норм целесообразно условно различать "внешние"

(жаргон, татуировки) и "внутренние" (отношение личности к социальным нормам и ценностям) признаки.

Е. НАЗИМКО (Донецкий юридический институт Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Пропаганда уголовного законодательства как противодействие криминальной субкультуре.

Существенным средством противодействия распространению криминальной субкультуры и поддержания правопорядка является распространение и разъяснение юридических знаний. Пропаганда уголовного закона способна воздействовать на сознание носителей криминальной субкультуры, которые уже совершили преступления, а также лиц, которые имеют лишь криминогенную установку.

Одновременно необходимо воссоздать утраченную обществом систему ценностей путем создания социально позитивных установок и их трансформации в социальные нормы, которые должны быть направлены на формирование позитивных общественных образов уважения и сочувствия к другим.

Право также нуждается в реформировании. Необходимо юридическое закрепление принципов равенства и справедливости, которые содействуют декриминализации общества.

Ф. ТИГИЕВА (Херсонский юридический институт Харьковского Национального университета внутренних дел, Украина)

Влияние средств массовой информации на распространение криминальной субкультуры несовершеннолетних (по материалам Херсонской области).

Внедрение криминальной субкультуры в сознание несовершеннолетних осуществляется посредством пропаганды культов насилия, жестокости, "романтизации" преступного образа жизни, трансляции норм уголовного мира. Последствиями этого воздействия являются высокие темпы роста подростковой преступности. Однако данная проблема еще недостаточно изучена отечественными исследователями. С целью выяснения предпочтений подростков относительно просмотра кинопродукции автором был

проведен опрос учащихся школ г. Херсона, результаты которого представлены в статье.

Т. ЖУКОВА, С. ДЕНИСОВ (Запорожский юридический институт Днепропетровского государственного университета внутренних дел, Украина)

Противодействие преступности несовершеннолетних в Италии.

Предупреждение преступности представляет собой динамическую концепцию, в которой должны присутствовать все элементы преступного деяния. В связи с этим в итальянской криминологии существует несколько концепций уголовного правосудия (модели реабилитации, контроля преступности и т.д.) и теоретические стратегии предупреждения преступного поведения (биологические, психического расстройства, досуга, развития образования и профессиональной подготовки и др.). Украинская криминологическая наука нуждается в учете разработок итальянских ученых для проектирования и применения их в отечественной практике предупреждения преступности несовершеннолетних.

Е. ЗУЕВА (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Влияние фильмов с элементами криминальной субкультуры на поведение несовершеннолетних.

Рост преступности подростков в значительной степени обусловлен негативным воздействием средств массовой информации. Исследования свидетельствуют о доминировании у подростков-правонарушителей таких мотивов совершения преступлений, как "желание жить красиво", причем для реализации этой цели считаются подходящими любые средства. Такие установки транслируются посредством демонстрации фильмов с элементами криминальной субкультуры. Результатом является восприятие преступных действий в качестве нормального способа решения проблем. Основным способом минимизации влияния норм криминальной субкультуры должно стать их вытеснение качественно иными нормами – общечеловеческими ценностями и одобряемыми обществом образцами поведения.

И. ШАМРИЛЕНКО (Киевский национальный университет внутренних дел, Украина)

Влияние криминальной субкультуры на личность несовершеннолетних осужденных.

Отбывание наказания в виде лишения свободы является для несовершеннолетних психотравмирующим фактором, который усугубляется спецификой функционирования режимного учреждения. Пребывание подростка в течение года в условиях специального режима может негативно повлиять на формирование его личности, а более длительное лишение свободы ведет к ее деградации, являясь почвой для культивирования "воровских" традиций, нравов и стереотипов. По данным Департамента исполнения наказаний, более половины несовершеннолетних осужденных пребывает в местах лишения свободы менее 5 лет, 1/5 – более 5 лет. Психологический дискомфорт, являющийся результатом заключения, а также несформированность морально-правового сознания, формально-негативное отношение руководства колонии к воспитуемым являются существенными факторами для усвоения асоциальных норм. Средством противодействия усвоения несовершеннолетними норм криминальной субкультуры может стать гуманизация пенитенциарной системы.

А. ЧОРНИЙ (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Влияние песен с криминальным содержанием на молодежь.

Одним из путей внедрения криминальной субкультуры является такой особый песенный стиль, как шансон. Песни этого направления в целом не оказывают кардинальное влияние на сознание подростков. Но они являются одним из факторов, который в совокупности с другими элементами криминальной субкультуры способствует "романтизации" преступной жизни. Подростки воспринимают смысл подобных песен избирательно, реагируют на ту часть их содержания, которая более всего соответствует их ожиданиям (риск, азарт, свобода, справедливость). Но постепенно происходит внедрение собственно норм криминальной субкультуры в сознание молодежи и их закрепление.

Э. КАРСАКОВА (Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина)

Влияние криминальной субкультуры на правовую социализацию несовершеннолетних.

Процесс правовой социализации происходит под действием многих факторов. К ним относятся: криминализация массовой культуры, кризис школьного и семейного воспитания, распространение криминальной субкультуры.

Конечной целью правовой социализации несовершеннолетнего должно стать его поведение на основе правовых установок, то есть привычное правовое поведение как стойкая особенность. При этом несовершеннолетний будет придерживаться норм права не из страха наказания или даже из чувства солидарности с правом, а по неотложной моральной потребности осуществлять только правомерные действия – жить достойно. Такие факторы, как правовая неосведомленность, правовая дезинформированность, разрушают сознание подростка, подрывают веру в законность и торжество справедливости, в неотвратимость социальной ответственности. Происходит деформация ценностных ориентаций подростков. Она создает предпосылки для нарушения закона, утверждения своеволия, права сильного и жестокого.

Материалы "круглого стола" "Криминальная субкультура – правосознание – преступность" (г. Луганск, 27 октября 2006 года).

Выступления участников "круглого стола" могут рассматриваться в качестве попытки синтезировать различные подходы и точки зрения к проблеме криминальной субкультуры. Участие в обсуждении представителей различных отраслей науки и практики (философов, религиоведов, правоведов, социологов, психологов, политологов, сотрудников милиции, журналистов, предпринимателей) позволило провести комплексный, всесторонний анализ проблемы и выдвинуть целый ряд интересных предложений по ее решению.

ANNOTATIONS

RUSHCHENKO I. (Kharkiv National University of Internal Affairs, Ukraine)

The Study of Criminal Subculture: Methodological Problems.

The scientific study of the underworld requires a very careful developing of its theoretical and methodological essential principles. At first sight the underworld differs from "the large society", but its study seems possible due to the common sociological regularities based on the ontological unity of society in all its forms or manifestations. The criminality is certain reflection of the life standards and rules of the legal society.

The methodological problem of a clear division in the spheres of criminal and normative cultures still exists in the society. There is a need for reliable criterions for this division. The last ones cannot be reduced to the standards of the criminal law because of the cultural context.

The problem of structure of this phenomenon is also of theoretical importance. For analysis there is a necessity to use the principle of vertical systematic partition of the phenomenon.

KURY H. (Institute of Foreign and International Law named after Max Plank, Freiburg, Germany)

POKLAD V. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Problem of Studying a Criminal as a Victim in the Up-to-Date Criminology.

In the modern criminology the criminal isn't considered as a victim of a crime and thus the main factor of the personality criminalization seems to be ignored. But the main or even the basic factor for "the criminal's career" consists just in "the victim's career". For its turn, the

victimology deals exceptionally with the so-called "pure" victims without studying those criminals that also could be victimized, for example, during the imprisonment. There is also a contradiction in terms between the objects of the legal punishment and the actual results, which can be reached.

SKORCHENKO Y. (Eastern Ukrainian National University named after V. Dal', Ukraine)

Some Aspects of the Outward Manifestation of Criminal Subculture.

In the modern Ukrainian society social and criminal cultures interact intensively and this fact results in changing of social standards and in degradation of the society on the whole, because alcohol use and outward aggression are encouraged just by the criminal subculture. As an example of cultural traditions devaluation could be considered the universal and intensive use of the unnormative vocabulary, invectives. All the above mentioned facts inevitable bring to leveling of process of the cultural values transfer and the system of education.

DIKOVENKO K. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

Concealment of Facts of Criminal Activities Committed by Officials of the Law Enforcement Agencies as Associating Element of Criminal and Professional Subcultures.

The fact, that some crimes committed by the officials of the law enforcement agencies are concealed by themselves, testifies the rapprochement of the deformed professional subculture and the criminal subculture. That's why there is a need to pay attention to studying the problems, related to the professional subculture deformation of the officials of the law enforcement agencies.

KISIL' Z., UDOVENKO M. (Lviv State University of Internal Affairs, Ukraine)

The Role of Criminal Subculture and the Youth in the Cultural Transforming Processes.

The wide spread of the criminal subculture is characteristic of the transitional period in the culture modernization, and it represents the con-

sequences of modern Ukrainian cultural crisis, followed by loss of orientations, that are necessary for the development of society. The youth subculture becomes a kind the social adaptation because of the radical changes in the society. The formation of a new type of informationally inert, advanced and creative, but criminal youth subculture is to note.

CHERNIAEVA N. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

Criminal Subculture in the Imprisonment Places as a Factor of Criminality Factor.

At present time the level of criminality in the imprisonment places tends to reduce, but side by side with this the statistics show the increased number of repeated criminals, that commit crimes after their absolute release. Educued from this, the penitentiaries of Ukraine remain the main "transmitters" or "keepers" of criminal subculture and "the schools of criminality". At that the influence of criminal subculture directly in the penitentiaries seems to be reduced, but within it acquires more and more importance.

SNEGIRIOV V. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

TOLSTIK S. (Tomsk State University, Russian Federation).

Criminal Subculture as Component of the Totalitarian Society.

The modern Ukraine remains the direct heir of legal, economic and social systems of the former U.S.S.R. and the Ukrainian Soviet Socialist Republic. Because of this the study of processes that are taking place in the modern Ukrainian society, is necessary to begin with the examination of economic and social heritage. The authors analyze the nature of the state system of the soviet type, its social structure and production relations and correlate them with such historical categories as "dark ages", "the new era", and "after-industrial society".

LITVINOV V. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

Criminal Subculture and Vandalism.

The hooliganism reflects those absolute features that are characteristic of criminal subculture. The contrast of one's own behavior with

the generally accepted standards is the common feature that marks hooliganism and criminal subculture. Therefore the development of measures that are able to counteract hooliganism, must be based on the careful analysis of criminal subculture, its functioning and influence on some groups of population, especially on youth as the most receptive one.

КНОМІСН М. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Influence of the Drug-Related Myths on Juvenile Subculture.

One of the factors that influence on the youth drug addiction remains the propagation of the drug-related myths. As a result of the research work it has been ascertained that the myths about drugs (for example that they are admission to an absolutely new world) became the decisive arguments for their use for a half the respondents (considered are drug addicted). The main sources of drug mythologisation are friends and persons of the same age. That's why the drug prevention program has to include a negative expression to drugs from the persons that are of importance and authority for teenagers.

PASTUKHOV V. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Influence of Criminal Subculture on the Juvenile Delinquency.

The criminal subculture has changed with the social changes. For all this out of mind the minor members of society turned out the most receptive to its influence. By means of propaganda of "criminal laws" and "criminal romantics" the minor waives and delinquents had been involved into a criminal business without difficulty, especially in the crisis periods of social development. The participants of the informal delinquent gangs copy much of the anti-social way of life of the experienced criminals and modify for all this their traditions as it applies to their needs.

DAVYDOV V. (Eastern Ukrainian National University named after V. Dal', Ukraine)

The Influence of Mass Media on Spread of Criminal Subculture.

The mass media of communications are of importance for a purposeful and directed spread and development of the criminal subculture in the society and its inculcation in the youth environment. Having researched the creation of the musical groups "Factor 2" and "Malchishnik" that are popular among the youth and widely relayed on TV and on the radio, the authors revealed that most of their songs contain in any case some elements of the criminal subculture, appeals to commission of crimes, alcohol use and so on.

KALMYKOV D. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

Youth Company as a Factor of Influence on the First Drug Usage.

The youth represents the most victimized category in relation to the drug addiction. One of the most important factors of the acquisition of the drug addiction is the youth company. A research has been carried out on the purpose to find out the indicated dependence and the mechanism, by means of which the youth company influences on the first drug usage. As it turned out, the most important and substantial influence of the youth company on the first drug usage is carried out in imitation of the leaders and sympathizing persons.

The author considers that the possibility to counteract the drug addiction consists in measures that are directed to dethronement of the "modern drug usage cult", to enactment of strict censorship for film industry and to encouragement of people that live a healthy way.

IVANKIV I., TOKAREVA Y. (Yaroslav the Wise National Law Academy of Ukraine, Poltava Branch)

Juvenile Delinquency: Social Reasons.

Abusive treatment of the children in the family, inattention of the parents to children's educational problems, children's alienation from the parents, lack of law knowledge are the most influential social factors that are of importance in promoting of the juvenile delinquency.

It is supposed by the authors that both the law education of the minors, enactment of high-quality educational programs and toughening of the punitive measures for abusive treatment of the children and for involving them into criminal activities should be considered as quite effective preventive methods of delinquency.

LARINA P., DENISOV S. (Zaporozhye Law Institute of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs, Ukraine)

Cultural Point of View on Juvenile Delinquency

The standards of criminal subculture as the realization forms of aesthetic, spiritual and moral needs become more and more popular in the society and provide a basis for formation of amoral "ideals". The bent to the innormative culture as to the natural aspiration to moral and ideological independence is the characteristic of the youth.

In the capacity of the counteraction to the criminal subculture there is a need to elevate to a standard the way of life of "an ideal person" with high level of law consciousness, refined aesthetic tastes and high-toned strivings. To achieve this purpose there is a necessity to direct all the mechanisms and institutions of the state policy to the process of mental and social interaction or cooperation as praxis for uplift and spiritual improvement of a young person.

STUPAK A. (Eastern Ukrainian National University named after V. Dal', Ukraine)

The Deviation of the Minor's Behavior from Standards as Result of Deviant Stigmatization.

As one of the factors of the minor's deviant behavior could appear the social situation related to the stigmatization problem. Most minors, having heard about stigmatized to them negative social roles such as "hooligan", "bad student", "lazy-bones", "harum-scarum" and the others, begin identifying themselves with these labels.

By means of the expert opinion poll it was turned out that the children are stigmatized most and foremost by their near surrounding that is in educational procession, mainly these are parents and teachers. The child perceives him- or herself in the reflection of the added to him or her deviant status and here he or she may either ignore it or agree with it on principle, for spite. In any case the child is being rejected from the society. In case the deviantly inclined child is characterized openly as a deviant, it could be beginning of his or her deviant career.

Nevertheless label or stigma is neither unique nor main factor that promotes the commission of juvenile deviant actions. This factor operates in the complex with the others (relations with the sur-

rounding, informational influence of the mass media, computer games and so on).

KUCHIRKA Y. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

Subcultural Signs of a Criminal.

The criminological analysis of a person having committed an offence allows marking in his personality's structure those specific character traits that distinguish him as "the personality's variety". The detection of social standards, which are characteristic of the criminal subculture – subcultural signs of a person having committed an offence in the personality's structure is also of expedience. During the analysis aimed at the presence of standards that are characteristic of the criminal subculture, de bene esse there is a need to note "the outer or external signs" (such as jargon, tattoo), and "the inner or internal ones" (such as the person's attitude towards social standards and values).

NAZIMKO Y. (Donetsk Law Institute of Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Propaganda of Criminal Legislation as Counteraction of Criminal Subculture.

Propagation and elucidation of the knowledge in the sphere of law are considered the efficient counteraction method against spread of the criminal subculture. The propaganda of the criminal law is able to affect the consciousness of the criminal subculture keepers, which have already committed some offences and that of the persons, which have a tendency to criminality.

At the same time there is need to recreate the values system that was lost by our society by the means of creation of the positive orientations and their transformation into social standards, which have to be directed on the formation of the positive social images of respect and sympathy for the others.

The law needs a reformation. It is necessary to strengthen legally the main generally recognized principles of equality and justice, which could contribute to the re-criminalization of society.

TIGIEVA F. (Kherson Law Institute of Kharkov National University of Internal Affairs, Ukraine)

The Influence of Mass Media on Expansion of the Juvenile Criminal Subculture (Experience of Kherson region).

The encroachment of the criminal subculture upon the minors' perception is carried out by the propaganda of the violence and cruelty cults, "romanticism" of the criminal way of life, translation of the underworld standards. The high growth rate of criminality arises out of this. But the given problem has not been studied by the scientists of Ukraine completely. On purpose to find out the teenager's preferences in relation to the works of the film industry the students of several schools of Kherson have been polled by the author and the results of the poll are given in the article.

ZHUKOVA T., DENISOV S. (Zaporozhye Law Institute of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs, Ukraine)

The Counteraction of the Juvenile Delinquency in Italy.

The crime prevention is a dynamic concept that includes all elements of a criminal action. Therefore several concepts of criminal justice (rehabilitation models, criminality control and et cetera) and the theoretical strategies in the sphere of crime prevention (biological, psychical, the theory of leisure, the development of the educational system and the professional training and et cetera) are represented in the Italian criminology. The Ukrainian criminology is in need of the Italian scientists' criminological developments for their application in the praxis of the juvenile crime prevention in Ukraine and for their own planning.

ZUIEVA E. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Influence of Films with Elements of Criminal Subculture on the Minors' Behavior.

The growth of juvenile criminality is considerably caused by the negative influence of the mass media. The researches in this area testify that such reasons for commission of a crime as "the desire for a good life" prevail among the juvenile offenders and here all means are

considered suitable for realization of this. Such orientations are translated during showings of the films with the elements of criminal subculture. The perception of criminal actions as a normal method of working out the problems arises from it.

The main minimization method of influence of the criminal subculture standards consists in their forced ousting by other standards in behavior – common to all mankind and approved by the society.

SHAMRILENKO I. (Kiev National University of Internal Affairs, Ukraine)

The Influence of Criminal Subculture on Juvenile Convicts.

The imprisonment as one of the punishment types is a psycho-injurious factor for the majority of the juvenile convicts that is in addition aggravated by the specific functioning of the regime establishments. The minor's staying in the conditions of the regime establishment within a year may have negative influence on his personality's forming, and more extended term of imprisonment may result in degradation of the personality and may become a favorable ground for cultivation of criminal traditions, dispositions and stereotypes. According to the information of the Department of Penitentiary, more than a half of juvenile convicts are imprisoned for a term less than 5 years, and one fifth – for a term more than 5 years. Psychological discomforts as a result of imprisonment, insufficient moral and legal consciousness, and formal negative chiefs' attitude towards their pupils are important factors for the adoption of the asocial standards. Humanization of the penitentiary system may be an efficient counteractive method of criminal subculture adoption.

CHORNYI A. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Influence of Songs with Criminal Contents on the Youth.

One of the introduction methods of the criminal subculture is represented by such special song genre as chanson. On the whole the songs of this style have no cardinal influence on the teenagers' conciseness, but they belong to those factors, which with the other

elements of the criminal subculture together contribute to "the romanticism" of the criminal way of life. Teenagers perceive the meaning of such songs electoral, they react that part only, which corresponds with their expectations (risk, ardour, freedom, justice). But gradually the introduction of the criminal standards of subculture into minors' consciousness and their strengthening take place.

KARSAKOVA E. (Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Ukraine)

The Influence of Criminal Subculture on the Minors' Legal Socializing.

The process of the legal socializing takes place under act of variety of factors. They are the following ones: criminalization of the mass culture, crisis of the school and family education, propagation of the criminal subculture.

The eventual aim of the legal socializing of a minor should be represented by his or her behavior on the basis of the legal orientations; it means the usual legal behavior as a stable feature. Here the minor will hold to the legal norms not only for fear of punishment or even because of solidarity, but because of moral necessity for carrying out the legal actions, to live worthy a respect.

Such factors as a bad legal information and disinformation destroy the minor's consciousness undermine his or her trust in legality and justice, inevitability of the social responsibility. The legal deformation of the valued orientations takes place and forms preconditions for violation of the law and for self-will assertion.

The Materials of the round-table Discussion "Criminal Subculture – Legal Conscience – Criminality" (Lugansk, the 27th of October, 2006).

The reports of the participants of the round-table discussion should be considered as an attempt to synthesize different approaches and views on the problem of criminal subculture. The participation of representatives from different spheres of science and practice (philosophers, religion instructors, sociologists, psychologists, scientists in

the sphere of political and legal studies, militia officers, journalists and businessmen) contributed to the complex and all-round analysis of the problem and resulted in series of interesting proposals concerning its solution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Виктор Евгеньевич – студент Восточноукраинского национального университета имени В. Даля (Луганск, Украина)

Денисов Сергей Федорович – начальник кафедры уголовного права и криминологии Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел (Украина)

Диковенко Кирил Александрович – курсант Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Жукова Татьяна Станиславовна – аспирант Гуманитарного университета "ЗІДМУ" (Запорожье, Украина)

Зуева Евгения Валерьевна – курсант Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Иванкив Ирина Богдановна – студентка Полтавского факультета Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого (Украина)

Калмыков Дмитрий Александрович – студент Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Карсакова Элла Борисовна – слушатель магистратуры Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Кисиль Зоряна Романовна – доцент кафедри административного права и административного процесса Львовского государственного университета внутренних дел (Украина)

Кури Хельмут – профессор криминологии Института зарубежного и международного уголовного права имени Макса Планка (Фрайбург, Германия)

Кучирка Юлия Васильевна – слушатель магистратуры Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Ларина Полина Николаевна – адъюнкт Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел (Украина)

Литвинов Вячеслав Яковлевич – слушатель магистратуры Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Назимко Егор Сергеевич – курсант Донецкого юридического института Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Пастухов Валентин Владимирович – заместитель начальника курса факультета криминальной милиции Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Поклад Василий Иванович – доцент кафедры криминологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кандидат философских наук (Украина)

Рущенко Игорь Петрович – заведующий кафедрой общей социологии Харьковского национального университета внутренних дел, доктор социологических наук, профессор (Украина)

Скорченко Юрий Александрович – доцент Восточноукраинского государственного университета имени В. Даля (Луганск, Украина)

Снегирев Валерий Васильевич – референт Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Ступак Алина Сергеевна – студентка Восточноукраинского государственного университета имени В. Даля (Луганск, Украина)

Тигиева Фатима Эльбрусовна – студентка Херсонского юридического института Харьковского национального университета внутренних дел (Украина)

Токарева Янина Сергеевна – студентка Полтавского факультета Национальной юридической академии имени Ярослава Мудрого (Украина)

Толстик Светлана Ивановна – доцент Томского государственного университета (Россия)

Удовенко Мария Валерьевна – курсант Львовского государственного университета внутренних дел (Украина)

Хомич Михаил Сергеевич – курсант Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Черняева Наталья Игоревна – слушатель магистратуры Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Чорный Андрей Викторович – курсант Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренко (Украина)

Шамриленко Ирина Григорьевна – соискатель кафедры юридической психологии учебно-научного института подготовки кадров общественной безопасности и психологической службы Киевского национального университета внутренних дел (Украина)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Davydov Victor – a student of the Eastern Ukrainian National University of named after V. Dal' (Lugansk, Ukraine)

Denisov Sergey – the chief of the department of criminal law and criminology of the Zaporozhye Law Institute of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs (Ukraine)

Dikovenko Kirill – a cadet of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Zhukova Tatiana – a post-graduate student of the Humanitarian University (Zaporozhye, Ukraine)

Zuyeva Yevoenia – a cadet of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Ivankiv Irina – a student of the Yaroslav the Wise National Law Academy of Ukraine, Poltava Branch

Kalmykov Dmitriy – a student of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Karsakova Ella – a student of the Master's Degree Department of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Kisil' Zoriana – the associate professor of the Department of administrative law and administrative proceedings of the Lvov State University of Internal Affairs (Ukraine)

Kury Helmut – The Professor of Criminology of the Max Plank Institute of Foreign and International Law (Freiburg, Germany)

Kuchirka Yulia – a student of the Master’s Degree Department of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Larina Polina – a post-graduate student of the Zaporozhye Law Institute of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs (Ukraine)

Litvinov Vyacheslav – a student of the Master’s Degree Department of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Nazimko Yegor – a cadet of the Donetsk Law Institute of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Pastukhov Valentin – the deputy head of the faculty of criminal militia in matters of education and social – psychological activities of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Poklad Vasiliy – the associate professor of the Department of criminology and sociology of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko, Candidate of Philosophy (Ukraine)

Rushchenko Igor – the head of the Department of the common sociology of the Kharkov National University of Internal Affairs, Doctor of Sociological Studies, Professor (Ukraine)

Skorchenko Yuriy – the associate professor of the Eastern Ukrainian National University named after V. Dal’ (Lugansk, Ukraine)

Snegiriiov Valeriy – a reviewer of the the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Stupak Alina – a student of the Eastern Ukrainian National University named after V. Dal’ (Lugansk, Ukraine)

Tigieova Fatima – a student of the Kherson Law Institute of the Kharkov National University of Internal Affairs (Ukraine)

Tokareva Yanina – a student of the Yaroslav the Wise National Law Academy of Ukraine, Poltava Branch

Tolstik Svetlana – the associate professor of the Tomsk State University (Russian Federation)

Udovenko Maria – a cadet of the Lvov State University of Internal Affairs (Ukraine)

Khomich Mikhail – a cadet of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Cherniaeva Natalia – a student of the Master's Degree Department of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Chorny Andrey – a cadet of the Lugansk State University of Internal Affairs named after E.A. Didorenko (Ukraine)

Shamrilenko Irina – the competitor of the Department of juridical psychology of the scientific educational institute of personnel training for social security and psychological services of the Kiev National University of Internal Affairs (Ukraine)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОКЛАД В.И. КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	5
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ "КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ".....	9
Рущенко И.П. Изучение криминальной субкультуры: методологические проблемы.....	9
Кури Х., Поклад В. Проблема изучения преступника как жертвы в современной криминологии	15
Скорченко Ю.А. Некоторые аспекты внешнего проявления криминальной субкультуры.....	27
Диковенко К.А. Соккрытие фактов преступных действий работниками ОВД как связующий элемент криминальной и профессиональной субкультур	29
Кісіль З.Р., Удовенко М.В. Роль кримінальної субкультури та молоді в культурно-трансформаційних процесах	34
Черняева Н.И. Криминальная субкультура как фактор преступности в местах лишения свободы	40
Снегірьов В.В., Толстік С.І. Кримінальна субкультура як складова тоталітарного суспільства	44
Литвинов В.Я. Криминальная субкультура и хулиганство ...	51
Хомич М.С. Влияние наркогенных мифов на субкультуру несовершеннолетних.....	54
Пастухов В.В. Влияние криминальной субкультуры на преступность несовершеннолетних	56

Давыдов В.Е. Влияние средств массовой информации на распространение криминальной субкультуры	63
Калмыков Д.А. Молодежная компания как фактор, влияющий на первое употребление наркотиков	69
Іванків І.Б., Токарева Я.С. Злочинність неповнолітніх: соціальні причини.....	75
Ларіна П.М., Денисов С.Ф. Культурологічний погляд на молодіжну злочинність.....	78
Ступак А.С. Отклоняющееся от норм поведение несовершеннолетнего как следствие навешивания на него ярлыка девианта	84
Кучирка Ю.В. Субкультурні ознаки особи злочинця	87
Назимко Є.С. Пропаганда кримінального законодавства як протидія кримінальній субкультурі.....	90
Тігієва Ф.Е. Вплив засобів масової інформації на поширення кримінальної субкультури неповнолітніх (за матеріалами Херсонської області)	99
Жукова Т.С., Денисов С.Ф. Протидія злочинності неповнолітніх і молоді в Італії.....	103
Зуева Е.В. Влияние фильмов с элементами криминальной субкультуры на поведение несовершеннолетних	109
Шамриленко І.Г. Вплив кримінальної субкультури на особистість неповнолітніх засуджених	112
Чорный А.В. Влияние песен с криминальным содержанием на молодежь	117
Карсакова Э.Б. Влияние криминальной субкультуры на правовую социализацию несовершеннолетних	121
МАТЕРИАЛЫ "КРУГЛОГО СТОЛА" "КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА - ПРАВОСОЗНАНИЕ - ПРЕСТУПНОСТЬ" (27 октября 2006 года)	126
АННОТАЦИИ	166
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	188

CONTENTS

POKLAD V. INTRODUCTION: CRIMINAL SUBCULTURE IN THE YOUNG SCIENTISTS' RESEARCHES	5
MATERIAL OF THE CONFERENCE "CRIMINAL SUBCULTURE AS A FACTOR OF CRIMINALITY"	9
Rushchenko I. The study of criminal subculture: methodological problems	9
Kury H., Poklad V. The problem of studying criminal as a victim in the up-to-date criminology	15
Skorchenko Y. Some aspects of the outward manifestation of criminal subculture	27
Dikovenko K. Concealment of facts of criminal activities committed by officials of the law enforcement agencies as associating element of the criminal and professional subcultures ...	29
Kisil' Z., Udovenko M. The role of criminal subculture and the youth in the cultural transforming processes	34
Cherniaeva N. Criminal subculture in the imprisonment places as a factor of criminality	40
Snegiriiov V., Tolstik S. Criminal subculture as component of the totalitarian society	44
Litvinov V. Criminal subculture and vandalism	51
Khomich M. The influence of the drug-related myths on juvenile subculture	54
Pastukhov V. The influence of criminal subculture on the juvenile delinquency	56

Davydov V. The influence of mass media on the spread of criminal subculture	63
Kalmykov D. Youth company as a factor of influence on the first drug usage	69
Ivankiv I., Tokareva Y. Juvenile delinquency: social reasons.....	75
Larina P., Denisov S. Cultural point of view on juvenile delinquency.....	78
Stupak A. The deviation of the minor's behavior from standards as result of deviant stigmatization.....	84
Kuchirka Y. Subcultural signs of a criminal.....	87
Nazimko Y. The propaganda of criminal legislation as counteraction of criminal subculture.....	90
Tigieva F. The influence of mass media on expansion of the juvenile criminal subculture (experience of Kherson region)	99
Zhukova T., Denisov S. The counteraction of the juvenile delinquency in Italy.....	103
Zuieva Y. The influence of films with elements of criminal subculture on the minors' behavior	109
Shamrilenko I. Influence of criminal subculture on juvenile convicts	112
Chorny A. The influence of songs with criminal contents on the youth.....	117
Karsakova E. The influence of criminal subculture on the minors' legal socializing	121
THE MATERIALS OF THE ROUND-TABLE DISCUSSION ON THE PROBLEM "CRIMINAL SUBCULTURE - LEGAL CONSCIENCE - CRIMINALITY" (the 27 th of October, 2006)	126
ANNOTATIONS	166
INFORMATION ABOUT AUTHORS	188

Кримінальна субкультура як фактор злочинності

Кримінологічні дослідження

Випуск 2

Відповідальний за випуск *В.І. Поклад*
Редактор *І.Ю. Хижнякова*
Комп'ютерний набір *Ю.Л. Приколотіна*
Технічні редактори *Л.І. Низова, Н.М. Соболева*
Комп'ютерна верстка *О.Є. Масалова*

Підписано до друку 21.02.2008. Папір офсетний. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Друк ризографічний. Гарнітура Book Antiqua. Ум. друк. арк. 12,5.
Ум. фарбо-відб. 12,5. Обл.-вид. арк. 11,625.
Тираж 300 прим. Зам. № 9

Редакційно-видавничий відділ Луганського державного
університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка
Друкарня РВВ ЛДУВС
91493, Луганськ, сел. Ювілейне, вул. Генерала Дідоренка, 4
Свідоцтво про реєстрацію ДК № 2692 від 17.11.2006 р.

Требования к оформлению текстов

Объем – до 12 страниц печатного текста; поля – 2 см; шрифт – Times New Roman, размер – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Название – прописными буквами посередине строки; ниже через 2 интервала справа – фамилия, инициалы, должность автора, его научная степень, ученое звание; далее через 2 интервала – текст. В структуре текста должны быть отражены проблема исследования, цель и задачи исследования, объект и предмет исследования, гипотезы исследования, методы сбора данных, основные результаты исследования, общие выводы и практические рекомендации, литература.

Тексты необходимо представить в формате ***.doc** или ***.rtf**.

Ваши материалы, предложения (о структуре сборника, формате публикаций, языках издания и т.п.) и замечания просим направлять по адресу: 91493, Украина, г. Луганск, п. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, 4, Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, кафедра криминологии и социологии. Телефон: +38 (0642) 93-68-92, факс: +38 (0642) 55-32-00 с пометкой "Для кафедры криминологии и социологии", e-mail: krimisoc@yandex.ru.